КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

ТОМЪ XIX.

Октябрь.

1887 г.

КІЕВЪ.

Тип А. Давиденко, аренд. Л. Штаммомъ, Мало-Житом. ул., д. № 4.

КНИЖНОЕ ПРОСТРАНСТВО ВОСТОК ЗАПАД

СОДЕРЖАНІЕ.

Октябрь, 1887 г.

I. ГОРЛЕНКИ. (Очерки прилуцкой старины). *(Продолженіе).*—**Кн. А. Дабижи.** 199

II. ШОЛУДИВЫЙ БУНЯКА ВЪ УКРАИНСКИХЪ НАРОДНЫХЪ СКАЗАНІЯХЪ. *(Окончаніе).*—**П. Кузьмичевскаго** . . 233

III. ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ДРАМЫ Т. ГР. ШЕВЧЕНКА „НИКИТА ГАЙДАЙ» 277

IV. ЗАПИСКИ В. И. ЯРОСЛАВСКАГО. *(Продолженіе)* . . . 289

V. РѢЧЬ М. А. МАКСИМОВИЧА НАДЪ ГРОБОМЪ ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛЬДМАРШАЛА КНЯЗЯ САКЕНА. , ... 331

VI. БЫТОВАЯ МАЛОРУССКАЯ ОБСТАНОВКА ВЪ ДОКУМЕНТАХЪ XVII—XVIII ст. 336

VII. СОНЪ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ, ПО СПИСКУ ГЕНЕРАЛЬНАГО ВОЙСКОВАГО СУДЬИ САВЫ 357

VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Гр. Алексѣевичъ Бобринскій. Курганы и случайныя археологическія находки близь мѣстечка Смѣлы. Спб. 1887 г.—*В. Ястребова.* — б) Квитка (Основьяненко). Малороссійскія повѣсти. Харьковъ. 1887 г.—*С.*—в) Историческіе очерки селъ конотопскаго уѣзда, А. Лазаревскаго. Черниговъ. 1886 г.—*Э—ъ.*—г) О скальныхъ пещерахъ на берегу Днѣстра въ подольской губерніи. Вл. Б. Антоновича. Одесса. 1886 г. Слѣды мегалитическихъ построекъ въ Украйнѣ. К. Н. Мельникъ. Львовъ. 1886 г.—*П. Голубовскаго.* . 369

IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Памятники древности въ окрестности Корсуня.—б) Южно-русскій списокъ «Александріи» конца XVIII ст. *В. Каллаша.*—в) Добрый починъ. *В. Г.*—г) Археологическая находка. *Н. Ч.*—д) Актъ «побратимства» въ церковной метрикѣ. *Л. П.*—е) Волынская бывальщина. *О. И.* ж) Кобелякское повѣтовое училище (1808—1833).—*А. Фисенка.*—з) Къ портрету С. Я. Ширая 398

Приложеніе: Портретъ стародубскаго войта С. Я. Ширая.

Продолжается подписка на „Кіевскую Старину“ 1887 года. Цѣна годовому изданію съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Михайловская улица, д. № 12.—Оставшіеся въ незначительномъ числѣ экземпляры журнала за 1882—1886 гг. высылаются по той-же цѣнѣ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 30-го сентября 1887 года.

Спиридонъ Яковлевичъ

ШИРАЙ,

стародубскій войтъ 1681—1708 г.

ГОРЛЕНКИ.

(Очерки прилуцкой старины).

(*Продолженіе*) [1]).

VII.

Событія наступившаго 1667 года несчастливо сложились для Москвы и неминуемо должны были подготовить то, что вскорѣ произошло въ Гетманщинѣ.

Утрата Москвой первенствующаго значенія и ея вынужденное примиреніе съ Польшей, цѣною уступки исконнымъ врагамъ украинскаго народа завѣтной его святыни—древняго Кіева, уступки, уничтожавшей политическое единство Украйны, произвелъ въ послѣдней удручающее впечатлѣніе. Поколебалась вѣра малороссіянъ въ мощную защиту и покровительство православнаго царя. Тревожныя вѣсти изъ столицы еще болѣе волновали умы, и безъ того уже возбужденные самоуправствомъ присланныхъ на Украйну воеводъ, произвольнымъ веденіемъ переписи и насиліями ратныхъ людей да нѣмецкихъ наемниковъ. Ходили недобрые слухи о «великой мѣшанинѣ, наставшей въ Москвѣ», о низложеніи свѣтлѣйшаго патріарха Никона «простыми чернецами» по происканъ бояръ [2]), о появленіи на Дону вольнаго козака-атамана Стеньки, предлагавшаго украинцамъ братство и помощь противъ бояръ и московскихъ людей, а разгоравшіяся страсти еще болѣе раздува-

---

[1]) См. „Кіев. Стар." за февраль 1887 г., стр. 237—268.

[2]) Лѣтопись Самовидца, стр. 97.

лись запорожцами, массами прибывавшими изъ Сѣчи, гдѣ разсвирѣпѣвшіе «братчики» не побоялись поднять руку на царскаго посла, стольника Лодыженскаго.

Гроза надвигалась и глухо рокотала, словно ожидая перваго удара, чтобы разразиться съ полной силой.

Къ 1-му января 1668 года Горленко былъ вызванъ изъ Прилукъ въ гетманскую резиденцію, Гадячь, куда уже съѣхались, по приглашенію гетмана, шесть другихъ полковниковъ [1]). Брюховецкій, надежды котораго рушились передъ безсиліемъ московскаго правительства, чувствуя уже, что почва ускользала изъ-подъ его ногъ, на секретной радѣ у себя въ домѣ предложилъ старшинамъ отказаться отъ всякой солидарности съ Москвой и, вмѣстѣ съ Дорошенкомъ, самимъ отстаивать самобытность и независимость Украйны. Накипѣвшая противъ великороссіянъ непріязнь выразилась на этомъ совѣтѣ крайнимъ рѣшеніемъ, принятымъ съобща: предложить воеводамъ оставить край, а въ случаѣ сопротивленія дѣйствовать силой. Послѣднее положено было до поры до времени хранить въ строгой тайнѣ.

Какъ разъ въ эту пору въ Прилукахъ произошли крупныя недоразумѣнія между мѣстнымъ воеводой Загряжскимъ и полковой старшиной. «Для козака воевода—великая невзгода», замѣтилъ еще Лазарь Барановичъ [2]). Въ глазахъ прилучанъ резидентъ, не располагавшій средствами, достаточными для поддержанія своего престижа, не имѣлъ большаго значенія. Къ тому же онъ пріѣхалъ какъ-то на легкѣ, съ незначительной свитой и даже безъ семьи, что заставляло многихъ придавать его пребыванію въ Прилукахъ временный характеръ; наконецъ малочисленность бывшаго при немъ гарнизона не давала ему возможности занять въ городѣ прочное положеніе.

Столкновенія возникли при первой же попыткѣ Загряжскаго выйти изъ своей пассивной роли для выполненія царскихъ указовъ.

---

[1]) Кіевскій, черниговскій, миргородскій, нѣжинскій, переяславскій и полтавскій.

[2]) Письма Л. Барановича, стр. 58.

Уже въ началѣ зимы почва къ общему неудовольствію была подготовлена переписью; начавшійся же вслѣдъ затѣмъ, на основаніи переписныхъ книгъ, сборъ податей, взимавшихся на содержаніе военныхъ постоевъ деньгами, хлѣбомъ и медомъ, возбудилъ громкій ропотъ въ прилуцкомъ полку.

По отъѣздѣ Горленка въ Гадячъ отношенія эти еще болѣе обострились. 3 января, полковой есаулъ[1]) Иванъ Маценко, довѣренное лицо Горленка, безъ вѣдома воеводы распорядился вывезти съ площади большаго города одну изъ вѣстовыхъ пушекъ и приказалъ установить ее въ проѣзжихъ воротахъ пирятинской башни. Встревоженный Загряжскій немедленно потребовалъ пушку обратно, ссылаясь на то, что въ пирятинской башнѣ стояло другое орудіе, на случай появленія непріятеля. Посланные за пушкой съ поручикомъ Арндтомъ солдаты вернулись избитыми съ отвѣтомъ, что козаки вывезутъ всѣ пушки и изъ верхняго города.

На другой день явился въ съѣзжую избу прилуцкій войтъ[2]) съ бурмистрами[3]), съ денежными и хлѣбными цѣловальниками и заявилъ воеводѣ, что подстрекаемые Маценкомъ прилуцкіе обыватели отказываются платить по окладнымъ книгамъ, что кругомъ все населеніе волнуется и записывается въ козаки и что въ уѣздѣ сборщиковъ податей и сопровождавшихъ ихъ солдатъ народъ хотѣлъ было перебить. Откупщиковъ и мѣщанъ козаки принимались грабить, рѣзали имъ бороды и съ угрозами: «будьте съ нами, а не будете, то вамъ, воеводѣ и русскимъ людямъ, жить всего до масляницы!»[4]). Подобныя извѣстія, одно другаго тревожнѣе, приходили изъ всѣхъ сотенъ: Краснаго, Карабутова, Срибнаго, Переволочной, Варвы, Журавки, Иваницы,

---

[1]) Должность равнозначившая полковому адъютанту и инспектору по военной части.

[2]) Нѣмецкій *Voigt*=градоначальникъ, первенствующее въ магистратѣ лице, назначаемое гетманомъ.

[3]) *Bürgermeister*, помощники войта, безсмѣнно избираемые въ числѣ четырехъ человѣкъ мѣщанами.

[4]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XII, стр. 26.

Монастырища и Ични. Въ послѣдней, гдѣ населеніе издавна отличалось темпераментомъ буйнымъ и безпокойнымъ, сотенный атаманъ отнялъ у войта ключи кружечнаго двора и велѣлъ козакамъ самимъ продавать вино. Запрошенные о причинахъ безпорядковъ войты этихъ мѣстечекъ отказались пріѣхать дать отвѣтъ воеводѣ. Тогда Загряжскій, видя угрожающіе размѣры движенія, все болѣе разраставшагося, и опасаясь со стороны Маценка насилія, заперся въ верхнемъ городѣ, т. е. цитадели и, во избѣжаніе столкновенія съ козаками, пересталъ пускать въ большой городъ своихъ людей.

12-го января возвратился съ гадячской рады нетерпѣливо ожидаемый враждующими сторонами полковникъ. На жалобы воеводы онъ подтвердилъ прежде всего, что гетманъ дѣйствительно разрѣшилъ записывать въ козаки желающихъ, изъ среды мѣщанъ и поселянъ, и приказалъ затѣмъ обнародовать по сотнямъ гетманскіе указы въ этомъ смыслѣ. Все поднялось кругомъ. Тщетно чрезъ подъячаго съѣзжей избы Авдѣева Загряжскій просилъ Горленка выдать ему «сказку» о томъ, что все это дѣлается по распоряженію Брюховецкаго; полковникъ велѣлъ передать ему, что никакого письменнаго удостовѣренія «за рукой» не дастъ и что приказъ былъ отданъ гетманомъ на словахъ.

Такимъ образомъ прилуцкій воевода раньше, чѣмъ успѣлъ предпринять что-либо, очутился въ осадномъ положеніи, связанный по рукамъ и ногамъ малолюдствомъ своего отряда, въ добавокъ на половину разбѣжавшагося. Да и что могъ онъ сдѣлать съ горстью драгунъ и двумя пушками противъ густаго и озлобленнаго населенія Прилукъ, когда уже отстаивать одинъ „верхній городъ, къ тому же не малый“, представлялось непосильной задачей [1]).

Загряжскій продержался не долго.

Изгнаніе воеводы Огарева изъ гетманской резиденціи послужило сигналомъ къ повсемѣстнымъ открытымъ враждебнымъ

[1]) Акты Ю. и З. Р. Т. VII, стр. 13, 14, 16, 19, 20, 21.

дѣйствіямъ противъ московскихъ резидентовъ. Первымъ изъ нихъ сдался прилуцкій; на масляницѣ нѣжинскій епископъ Меѳодій узналъ, что воевода съ ратными людьми достались въ руки прилуцкимъ козакамъ [1]). Ратныхъ людей перебили. Загряжскій въ оковахъ былъ отведенъ вмѣстѣ съ другими плѣнниками въ Гадячь, а оттуда въ темницы лубенскаго мгарскаго монастыря [2]).

Изъ царскихъ воеводъ удержались лишь двое: Толстой въ Черниговѣ и Ржевскій въ Нѣжинѣ. Послѣдній, съумѣвшій снискать расположеніе нѣжинцевъ, спасся благодаря своей популярности и пріятельскимъ отношеніямъ съ нѣжинскимъ протопопомъ Адамовичемъ, какимъ-то образомъ вывѣдавшимъ отъ Горленка о тайныхъ постановленіяхъ гадячской рады и успѣвшемъ заблаговременно предупредить Ржевскаго [3]).

VIII.

Но ничто уже не могло выручить честолюбца, не знавшаго пощады для достиженія своихъ личныхъ цѣлей; 30 мая 1668 г. Брюховецкій палъ жертвою разразившейся надъ нимъ народной ненависти. Покинутый войскомъ, вѣроломный бояринъ и гетманъ трагической кончиной у Сербиновой могилы заплатилъ за свои историческіе грѣхи и ошибки.

Гетманщина снова была повергнута въ полную анархію; войско раздѣлилось: одни полки объявили себя за Москву, другіе, въ томъ числѣ и прилуцкій, примкнули къ Дорошенку.

Въ самихъ Прилукахъ произошла смута. Ее поддерживали и эксплуатировали новые, зашедшіе въ край элементы. Въ числѣ

---

[1]) Ригельманъ, т. II, стр. 105.

[2]) Самовидецъ, 98. О дальнѣйшей судьбѣ прилуцкаго и другихъ воеводъ извѣстно, что по взятіи Лубенъ Дорошенко держалъ ихъ при себѣ, съ цѣлью обмѣнять ихъ на сосланнаго когда-то въ Москву прилуцкаго полковника Черняховскаго. Загряжскій томился въ заключеніи до 5-го мая, когда ему, при помощи игумена трехтеміровскаго монастыря удалось бѣжать изъ Чигирина чрезъ Днѣпръ въ московскіе предѣлы (Акты, т. VIII, стр. 12).

[3]) Акты, т. VIII, стр. 89.

ихъ не послѣднюю роль игралъ нѣкій Ивашко, бывшій на Запорожьи кошевымъ атаманомъ [1]). Онъ былъ у Брюховецкаго своимъ человѣкомъ и явился однимъ изъ самыхъ рьяныхъ сторонниковъ изгнанія воеводъ, но послѣ его смерти нашелъ удобнѣе пристать къ сильнѣйшему, т. е. Дорошенку. Ловко воспользовавшись наступившей неурядицей, Ивашко *кошевый*, какъ его называли, съумѣлъ перетянуть на свою сторону вѣчно-безпокойныхъ козаковъ и вліятельныхъ прилуцкихъ старшинъ, пересоривъ ихъ предварительно между собой и «учинивъ разнствіе» между полковымъ есауломъ Маценкомъ и Лазаремъ Горленкомъ, не хотѣвшимъ передаться дорошенковцамъ [2]).

Горленко не принадлежалъ къ партіи Дорошенка, какъ полагали нѣкоторые [3]). Неся въ концѣ пятидесятыхъ годовъ бранную службу подъ его непосредственнымъ начальствомъ, онъ конечно болѣе многихъ иныхъ могъ оцѣнить личность бывшаго своего полковника. Факты указываютъ однако, что это не привлекло Лазаря въ ряды его приверженцевъ.

Результатъ интригъ Ивашки кошеваго сказался очень быстро. «Великое шалоумство» его принудило Горленка оставить полкъ, домъ и семью и выѣхать изъ родныхъ Прилукъ «по нуждѣ, не для чего инаго, только отъ налогу Иващки и злаго къ нему, Лазарю, намѣренія, такъ какъ онъ на достойность его и заслугу войску запорожскому наступати хотѣлъ» [4]). Въ Прилукахъ *на полковничьемъ урядѣ* появился *Иванъ Кошовый* и былъ *утвержденъ* въ этомъ званіи *Дорошенкомъ* [5]).

Новый полковникъ сталъ круто хозяйничать на новосельи и, безцеремонно пользуясь своей властью, прижиматъ прилучанъ чисто по запорожски [6]).

---

[1]) Акты, т. VII, стр. 150. Не одно-ли это лицо съ *Иваномъ Бѣлковскимъ*, кошевымъ Запорожской Сѣчи 7-го января и 8 марта 1668 г.?

[2]) Ibid, т. VIII, стр. 182.

[3]) Де Пуле: Малороссійскіе эмигранты (Вѣстн. Европы 1872).

[4]) Акты, т. VIII, стр. 182. Письмо Л. Горленка къ Маценку.

[5]) Ibid, т. VII, стр. 153.

[6]) Къ характеристикѣ невыясненной доселѣ личности новаго прилуцкаго полковника можетъ служить жалоба извѣстнаго протопопа Адамовича, бившаго челомъ государю на Ивана Кошоваго, что онъ держалъ его, протопопа, жену

Болѣе полугода держался въ Прилукахъ Дорошенковъ ставленникъ. Наконецъ прилучане, потерявъ терпѣніе и не вида отъ Дорошенка ни помощи, ни пользы, «скинули» Кошоваго съ полковничества и, избравъ на его мѣсто знакомаго намъ Маценка, въ январѣ 1669 г. били челомъ царскому величеству «въ винахъ своихъ» [1]).

27-го числа того-же мѣсяца новый гетманъ лѣвой стороны Днѣпра, Многогрѣшный, извѣстилъ царя, что прилуцкій полковникъ со старшиной изъявилъ ему покорность [2]).

IX.

Гдѣ-же былъ въ это время Лазарь Горленко, «стародавній» полковникъ прилуцкій?

А Лазаревъ слѣдъ скоро отыскался въ пріютѣ всѣхъ недовольныхъ существовавшимъ порядкомъ вещей—Сѣчи запорожской. Пробравшись туда изъ Прилукъ, Горленко нашелъ земляка, молодаго кошеваго писаря Суховія, который, не смотря на свои 23 года, противупоставленъ былъ Дорошенку. Осенью 1668 г. талантливый и предпріимчивый юноша былъ избранъ въ гетманы запорожцами, которые, съ одной стороны, не могли простить Дорошенку смерти Брюховецкаго, а съ другой, не желая ни польскаго, ни московскаго протектората, стремились къ созданію независимой Украйны, опиравшейся на союзъ съ Крымомъ.

Своимъ умомъ, образованностью и плѣнительнымъ обхожденіемъ юный гетманъ съумѣлъ такъ понравиться въ Бахчисараѣ,

---

семьнадцать недѣль въ кандалахъ и колодкахъ, *вымогая животы*. Изъ этой прилуцкой „неволи“ освободилъ ее нѣжинскій воевода Ржевскій (Акты, т. VIII стр. 12). Еще фактъ: въ декабрѣ того-же 1668 года къ Прилукамъ подступилъ трехтысячный татарскій отрядъ и, предъявивъ письмо отъ Дорошенка, просилъ полковника впустить въ городъ, за присягой, около сотни всадниковъ. Очутившись въ городскихъ стѣнахъ, степняки, какъ ни крѣпились, но искушенія не выдержали и, бросившись на жителей съ арканами, стали ловить да вязать себѣ „ясырь“. Тогда Кошовый приказалъ запереть всѣ выходы и перебить татаръ (Акты, т. VII, стр. 15).

1) Акты, т. VIII, стр. 61.

2) Моск. архивъ мин. ин. дѣлъ, № 222.

что ханъ поспѣшилъ признать его въ новомъ достоинствѣ и охотно обѣщалъ свою поддержку. Однако понесенная на первыхъ-же порахъ въ борьбѣ съ Дорошенкомъ неудача принудила его скрыться въ Крыму, откуда впрочемъ весною слѣдующаго года «запорожское рыцарство» снова вызвало его къ себѣ и вторично вручило ему знаки гетманской власти.

Горленко, близко сошедшійся съ Суховіемъ, дѣятельно агитировалъ въ пользу своего пріятеля и разсылалъ вмѣстѣ съ ханомъ Адиль-Гиреемъ «прелестные» листы въ лѣвобережные полки, убѣждая и своего замѣстителя въ Прилукахъ и бывшихъ своихъ полчанъ признать новаго гетмана.

Въ письмѣ «съ Коша, изъ Чертомлыка» [1]), отъ 26 апрѣля 1669 г., Лазарь, поздравляя своего «кума и пріятеля» Маценка съ полковничествомъ, увѣдомлялъ его о совершившемся наканунѣ избраніи «прямымъ гетманомъ и оберегателемъ Петра Суховія», прибавляя, что новоизбранный, «Богомъ вооружась и на своемъ урядѣ гетманскомъ будучи, въ скоромъ времени съ войскомъ запорожскимъ и ордами великими подъ Чигиринъ пойдетъ». «Прямое же дѣло тебѣ похваляю», продолжаетъ Горленко, «что оставивъ весь обманъ Дорошенковъ, къ Многогрѣшному нынѣ подлегаешь... И здѣсь войско запорожское на Многогрѣшнаго ласкавы»... «То и ты, пріятель мой», заключаетъ онъ, «будто *двоеличною китайкою* сего времени будь ко всякому, и то тебѣ луч[illegible]удетъ» [2]).

Закончивъ этимъ макіавелевскимъ совѣтомъ дипломатическую часть своего посланія, Лазарь переходитъ къ своимъ домашнимъ дѣламъ, какъ видно не ладившимся въ его продолжительное отсутствіе. «Ивашку (кошеваго), пишетъ онъ съ радостію, Богъ въ невѣдоміи наказалъ и вручилъ урядъ полковничій тебѣ, пріятелю моему», и затѣмъ выражаетъ „жалость сердечную“, что, по дошедшимъ до него свѣдѣніямъ, какой-то «Тишка

---

[1]) Екатеринославской губерніи и уѣзда, рѣка Чертомлыкъ, притокъ Бузулука, впадающій въ Днѣпровскій лиманъ „Великія Воды“.

[2]) Акты, т. VIII, № 53, § 12.

Косой, съ Денисомъ сговорясь, лошадь его со двора безвинно взяли» и проситъ его приказать отдать женѣ его коня, «за что, прибавляетъ, Косому конечно воздати обѣщеваю» [1]).

«Прелестные» листы эти имѣли однако мало успѣха: изъ Прилукъ они препровождались въ Батуринъ въ доказательство вѣрности прилуцкихъ полчанъ, а затѣмъ были пересылаемы Многогрѣшнымъ къ царю. Надеждамъ Горленка и Суховія, горѣвшаго нетерпѣніемъ отомстить Дорошенку за свое недавнее пораженіе, не суждено было осуществиться и въ концѣ концевъ выставленный запорожцами гетманъ, отчаявшись въ успѣхѣ, спустя два съ половиною мѣсяца послѣ своего избранія, отказался отъ гетманства въ пользу уманскаго полковника Ханенка.

Утомленный безплодными интригами на Запорожьѣ и въ Крыму, Горленко оставилъ Ханенка; постоянныя неудачи разочаровали его, а примѣръ товарищей, Суховія [2]) и Думитрашка Раича, побудилъ его вернуться на родину и наружно примириться съ господствовавшими тамъ порядками.

Преемникъ Брюховецкаго, Многогрѣшный, заставившій провозгласить себя гетманомъ съ помощью иноземныхъ наемныхъ «компаній» [3]), не могъ естественно разсчитывать на доброжелательство родовитой старшины, на глазахъ которой онъ вышелъ изъ простой крестьянской семьи; ей трудно было примириться съ мыслью, что всѣми станетъ верховодить «Демьянъ-мужичій сынъ»; сверхъ того, многіе вліятельные войсковые чины были смѣщены со своихъ прежнихъ должностей и въ ходъ пошли гетманскіе сродники и друзья. Въ 1671 г. Маценко въ свою очередъ принужденъ былъ уступить свое мѣсто въ Прилукахъ нѣкоему *Семену Третьяку* [4]), одному изъ тѣхъ близкихъ

---

[1]) Ibid.

[2]) Акты, т. IX, стр. 818.

[3]) Самовидецъ, стр. 102. Къ акту избранія Многогрѣшнаго приложили руки лишь весьма не многіе полковники: представителемъ же *прилуцкаго полка* явился одинъ только есаулъ Яковъ Трофимовъ, онъ же и наказной полковникъ (Ригельманъ, т. II, стр. 112, 113).

[4]) До сихъ поръ *не встрѣчалось* еще этого имени въ спискахъ прилуцкихъ полковниковъ; но въ архивѣ густынскаго монастыря есть письмо Многогрѣш-

или родственныхъ Многогрѣшному лицъ, въ пользу которыхъ новый гетманъ произвольно распоряжался полковыми урядами.

Возвращаясь на службу къ этому послѣднему, Лазарь имѣлъ свои разсчеты, зная чрезъ друзей о накоплявшемся среди старшинъ нерасположеніи къ гетману и вмѣстѣ съ пріятелемъ своимъ Маценкомъ силою вещей становился центромъ, около котораго группировались недовольные. Какъ бы то ни было, но въ Прилукахъ онъ удовольствовался званіемъ полковаго судьи [1]) и, смирившись до поры до времени, сталъ выжидать готовившихся событій.

X.

Они не заставили долго себя ждать.

Глухіе толки, ходившіе въ прилуцкомъ полку, о сближеніи Многогрѣшнаго съ врагомъ Москвы, Дорошенкомъ, становились все громче, настойчивѣе, упорнѣе. Говорили о близкомъ свиданіи обоихъ гетмановъ въ Прилукахъ, съ цѣлью заключенія оборонительнаго и наступательнаго союза противъ Москвы, имѣющаго быть утвержденнымъ обоюдной клятвой, послѣ чего новые союзники, совмѣстно съ ордой, должны двинуться «на московскіе города войной». Этимъ объясняли и спѣшное выступленіе изъ Батурина къ Ичнѣ «надворной пѣхоты», всюду предшествовавшей гетману [2])..

Вдругъ ночью съ 12 на 13 марта 1672 г. гетманъ былъ схваченъ полковниками Раичемъ, Рославцемъ и генеральнымъ писаремъ Мокріевичемъ и въ оковахъ отвезенъ въ Москву. Картина измѣнилась разомъ: друзья, родственники и сторонники низложеннаго гетмана были арестуемы, выселяемы и изгоняемы изъ предѣловъ Малороссіи, а прежніе изгнанники съ торжествомъ возвращались къ утраченной власти [3]). Отъ 3-го апрѣля ставшіе

няго, изъ Батурина, отъ 30 іюля 1671 г., съ такою надписью: „моему вельце ласкавому пріятелевѣ, пану С. Третьяку, полковниковѣ В. Е. Ц. П. В. З. прилуцкому".

[1]) Архивъ Густынск. монастыря; крѣпости отъ 19 сентября 1671.

[2]) Акты, т. IX, стр. 815.

[3]) Ibid, т. IX, стр. 740.

во главѣ временнаго управленія генеральный судья Забѣло съ товарищами извѣстили государя, что сродники бывшаго гетмана находятся подъ карауломъ и вмѣсто нихъ на начальническія мѣста избраны другія лица.

Лишь только вѣсть о паденіи Многогрѣшнаго достигла Прилукъ, прилучане прогнали Третьяка и снова «обрали полковникомъ Лазаря Горленка», а открывшаяся должность судьи досталась Мацепку [1]). Водворившійся полковникъ немедля собралъ старшинъ и со всѣмъ товариществомъ отправился въ Батуринъ, куда были приглашены вся генеральная старшина и полковники, съ полковой старшиной, сотниками, атаманами и «значными» войсковыми товарищами. Здѣсь общимъ совѣтомъ постановили просить царя Алексѣя Михайловича, чтобы избирательная рада происходила безъ участія простыхъ козаковъ, какъ единственной гарантіи избранія намѣченнаго заранѣе кандидата. Получивъ яа это царское соизволеніе, представители войска запорожскаго, въ томъ числѣ и Горленко, послали въ Москву благодарственную грамоту за своими подписями [2]) и затѣмъ въ полномъ сборѣ двинулись къ Конотопу на встрѣчу государеву посольству, вступившему въ предѣлы Украйны.

По пути малороссійскіе старшины, опасаясь обычныхъ при выборахъ безпорядковъ и буйства, могущихъ разстроить всѣ ихъ комбинаціи, рѣшили еще просить царскаго уполномоченнаго подъ благовиднымъ предлогомъ не созывать рады въ шумномъ и многолюдномъ Конотопѣ.

Командированный съ этою цѣлью кіевскій полковникъ Солонина потерпѣлъ полнѣйшее фіаско и вернулся ни съ чѣмъ, если не считать письма, въ которомъ русскій бояринъ, основы-

---

[1]) Акты, т. IX, стр. 725.

[2]) Ibid, т. IX, стр. 850; 164. Изъ девяти полковниковъ, скрѣпившихъ своими именами грамоту, всего двое „рукою своею подписались". Остальные „повелѣли" росписаться за себя своимъ писарямъ, придерживаясь средневѣковаго рыцарскаго воззрѣнія на грамоту, какъ идущую совсѣмъ въ разрѣзъ съ воинскимъ дѣломъ. Замѣчательно, что высшій *гражданскій* чинъ Малороссіи, генеральный судья Забѣло, былъ повидимому также не грамотенъ.

ваясь на своихъ инструкціяхъ, опредѣлявшихъ мѣстомъ выборовъ Конотопъ, просилъ правителей Малороссіи прислать къ нему изъ своей среды „какую умную особу, съ кѣмъ о томъ разговорить“ [1]).

Общій выборъ палъ на прилуцкаго полковника, который лично зналъ московскаго посла и уже имѣлъ за собой дипломатическое прошлое. Словесно уполномоченный отъ лица всѣхъ старшинъ «для постановленія и утвержденія всякаго», онъ отправился 14 іюля въ московскій станъ, переговорить съ царскимъ воеводой и постараться подѣйствовать на него силою убѣжденій [2]).

Горленко настигъ царское посольство близъ пограничнаго мѣстечка Козачьей Дубровы [3]) и тотъ-часъ же приказалъ увѣдомить о своемъ пріѣздѣ князя Ромодановскаго, воеводу и намѣстника бѣлгородскаго, находившагося во главѣ посольства, въ качествѣ представителя высокой особы царскаго величества. Свиданіе произошло въ шатрѣ боярина, въ присутствіи его товарищей, думнаго дворянина Ивана Ржевскаго и дьяка Ташлыкова. Сообщивъ князю, что онъ прибылъ посовѣтоваться съ нимъ о дѣлѣ чрезвычайной важности, Горленко передалъ ему о настоятельномъ желаніи всей генеральной старшины и всѣхъ полковниковъ устроить раду *тутъ же*, въ Козачьей Дубровѣ, куда они всѣ прибудутъ «въ сходѣ». Не безъ труда удалось Горленку уговорить Ромодановскаго: воевода, буквально придерживаясь царскаго указа. долго колебался, ссылаясь на то, что ему государь велѣлъ раду чинить и гетмана выбрать въ Конотопѣ; сдавшись наконецъ на краснорѣчивые доводы Горленка, вызвавшаго, быть можетъ, еще не изгладившіяся въ памяти боярина воспоминанія о страшныхъ іюньскихъ событіяхъ 1661 года, свидѣтелями и участниками которыхъ они были

---

[1]) Акты, т. IX, стр. 928.

[2]) Ibid, т. IX, 931, № 178.

[3]) Путивльскаго уѣзда, въ 15 верст. отъ Конотопа, населеннаго бѣглецами изъ Гетманщины.

оба, онъ посовѣтовался съ товарищами и вручилъ прилуцкому полковнику благопріятный отвѣтъ [1]).

Такимъ-то образомъ, благодаря успѣху миссіи Горленка, трепетавшіе за исходъ ея старшины, не только избавились отъ пугавшаго ихъ грознаго призрака „черной рады“, но устроивъ ее вдали отъ народной громады, на московской землѣ, тѣмъ самимъ обезпечили успѣхъ своихъ выборовъ.

На рѣкѣ Красенѣ, близъ валовъ Козачьей Дубровы, открылась 15 іюля рада, въ виду московскихъ и козацкихъ войскъ, ставшихъ лагеремъ на противоположныхъ берегахъ.

Въ то время, какъ собравшіеся въ «государевомъ шатрѣ» предводители войска запорожскаго, обмѣнявшись привѣтствіями съ царскими послами, приступали къ подписанію громогласно прочитанныхъ и утвержденныхъ статей [2]), подтверждавшихъ старинныя козацкія права и вольности, стремительно прискакалъ московскій гонецъ Сенявинъ и, спѣшившись у шатра, подалъ боярину царскую грамоту. Тутъ, среди всеобщихъ благопожеланій и поздравленій, впервые было произнесено имя того, чьему державному гнѣву суждено было тяготѣть надъ двумя поколѣніями—дѣтей и внуковъ присутствовавшаго прилуцкаго полковника. Царь извѣщалъ о рожденіи «великаго государя царевича и великаго князя Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи».

На слѣдующій день по избраніи въ гетманы генеральнаго судьи Самойловича, во время пышнаго банкета у кн. Ромодановскаго, на которомъ пировали гетманъ, блюститель патріаршаго престола, архіепископъ черниговскій Лазарь Барановичъ и

---

[1]) Акты. т. IX, стр. 932, 933.

[2]) Къ выборнымъ статьямъ отъ прилуцкаго полка приложили руки: полковникъ *Лазарь Горленко* и полковая старшина: писарь Семенъ *Раковичъ*, обозный Вас. *Севастьяновъ*, судья Ив. *Мащенко*, есаулъ Гр. *Чернявскій*, хорунжій Андр. *Семеновъ*, сотникъ Мих. *Раковичъ*, да сотники: варвинскій, иченскій, сребрянскій, краснянскій, иваницкій, журавскій, монастырищенскій и карабутовскій (Акты, т. IX, стр. 907).

всѣ старшины, прибывшимъ изъ столицы стряпчимъ Хомутовымъ еще въ болѣе торжественной и оффиціальной формѣ было возвѣщено о рожденіи царевича Петра, будущаго преобразователя Россіи. Козацкіе военачальники были щедро одѣлены царскими подарками и «соболиной казной»: Горленку и прочимъ полковникамъ государь жаловалъ «по сороку соболей, въ шестьдесятъ рублей сорокъ, да по парѣ въ десять рублей пара, да по атласу гладкому въ десять аршинъ» [1]).

Долго еще, до поздней ночи, пылали праздничные огни, гремѣли выстрѣлы самопаловъ и пищалей, длилось шумное ликованіе москвичей и козаковъ, соединенныхъ двойнымъ торжествомъ.

XI.

Съ переходомъ власти въ руки Самойловича [2]), еще въ 1665 году въ званіи сотника краснянскаго, служившаго подъ начальствомъ Горленка, послѣдній болѣе чѣмъ когда-либо могъ считать свое положеніе упроченнымъ. Гетманъ, давнишній собратъ его по оружію, былъ связанъ съ нимъ долголѣтней совмѣстной службой, общностью мѣстныхъ и родственныхъ интересовъ и наконецъ долгомъ признательности, какъ къ главнѣйшему, быть можетъ, виновнику своего избранія.

Въ Прилукахъ, съ другой стороны, на своемъ урядѣ полковникъ имѣлъ поддержку въ окружавшей его старшинѣ, среди которой главными дѣятелями были его свойственники Раковичи и пріятель Маценко. Этихъ связей было болѣе чѣмъ достаточно для утвержденія его значенія и благосостоянія; благодаря имъ, Горленко значительно увеличилъ свои маетности. Кромѣ пожалованной въ 1666 г. царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ *с. Ольшаны*, ему принадлежали въ прилуцкой сотнѣ села *Дубовый Гай*, въ иваницкой *Ковтуновщина*, въ монастырищенской

---

[1]) Акты, т. IX, стр. 864.

[2]) Самойловичъ былъ родомъ изъ прилуцкаго мѣстечка Краснаго Колядина, гдѣ отецъ его былъ священникомъ.

Галица, да сверхъ того онъ владѣлъ еще селомъ *Ряшками*, на р. Удаѣ, принадлежавшимъ къ полковничьемъ уряду [1]).

Не долго однако пришлось наслаждаться Горленку спокойствіемъ и тихой семейной жизнью среди занятій по хозяйству и внутренному управленію прилуцкимъ полкомъ.

Появленіе на гетманскомъ урядѣ новаго лица неизбѣжно должно было привести его къ столкновенію съ Дорошенкомъ. Отчаянное дѣло затѣялъ поборникъ независимости Украйны! Чтобы оградить ея единство и сохранить ускользавшую отъ него власть, онъ не побоялся предать родную страну въ руки лютыхъ враговъ христіанства и теперь съ горечью безсилія принужденъ былъ видѣть, какъ покровители его, турки, терзали родную землю. Лѣвобережные полки были наполнены бѣглецами изъ за Днѣпра и прилучане, съ содроганіемъ внимая повѣствованіямъ о звѣрствахъ басурманъ надъ единокровными братьями и поруганіи вѣры православной, проклинали бывшаго своего полковника, поддавшагося султану.

Самойловичъ ясно понималъ всю опасность, грозившую ему съ этой стороны, и все свое искуство и усилія направилъ къ тому, чтобы преодолѣть обычную косность московскаго правительства и убѣдить его, что одной только силой и можно привести Дорошенка къ покорности. Дѣйствитильно, во второй половинѣ января мѣсяца 1674 г., послѣ праздниковъ Рождества Христова, Горленко получилъ приказъ выступить со своимъ полкомъ въ чигиринскій походъ.

Соединенныя велико и малороссійскія войска, съ Самойловичемъ и Ромодановскимъ во главѣ, двинулись по льду, внизъ по замерзшему Днѣпру, къ одному изъ оплотовъ непріятеля, Черкасамъ, господствовавшимъ надъ высотами праваго берега. Послѣ трехдневнаго упорнаго сопротивленія крѣпость сдалась. Охрана этого важнаго стратегическаго пункта была поручена

---

[1]) Лазаревскій, Русск. Архивъ, 1875 г., стр. 2, 250. Ряшки впослѣдствіи достались фельдмаршалу графу Миниху и затѣмъ перешли къ князьямъ Юсуповымъ.

Горленку, который со своими козаками и полчанами сумскаго полковника Корибута занялъ крѣпостной замокъ [1]). Дальнѣйшія военныя дѣйствія не имѣли впрочемъ особенно важныхъ послѣдствій и главныя силы, за ранней весенней распутицей и недостаткомъ продовольствія, отступили къ Переяславлю. Дорошенко былъ, казалось, неуязвимъ, но за то правобережные полковники явились къ Самойловичу съ повинной. Здѣсь Горленко былъ свидѣтелемъ торжественной присяги ихъ на подданство царю, а въ день государевыхъ имянинъ, 17 марта, на пиру у московскаго главнокомандующаго, судьба столкнула его съ лицемъ, игравшимъ впослѣдствіи столь роковую и знаменательную роль какъ въ собственной его жизни, такъ и въ исторіи его потомства. Это былъ прибывшій съ якобы мирными предложеніями генеральный писарь Дорошенка Мазепа [2]).

Чигиринскій гетманъ, протягивая руку примиренія своему сопернику, другою звалъ къ себѣ на помощь турокъ и татаръ, что заставило Самойловича и Ромодановскаго общими силами ударить на врага въ его же убѣжищѣ.

Въ іюлѣ изъ-подъ Черкасъ была выслана для рекогносцировки впередъ къ Чигирину «сторожею» часть кавалеріи подъ начальствомъ Горленка.

Этотъ летучій авангардъ молодецкимъ наѣздомъ захватилъ въ расплохъ непріятельскую «сторожу» и такимъ образомъ очистилъ путь для наступающаго войска [3]). 21 іюля, подвигаясь къ Чигирину и продолжая свою аванпостную службу, Горленко налетѣлъ съ отборными козаками своего и ахтырскаго полка на Дорошенковъ «подъѣздъ», вышедшій изъ города для развѣдки и, послѣ жаркой сѣчи, разбилъ его на голову. Преслѣдуя бѣгущихъ козаковъ и татаръ, прилуцкій полковникъ рубилъ и гналъ ихъ до самыхъ стѣнъ осажденнаго города и вернулся въ лагерь съ большимъ числомъ плѣнныхъ «языковъ» [4]).

---

[1]) Арх. мин. юстиціи, стр. 24, 596.

[2]) Соловьевъ. Истор. Россіи, т. XI, стр. 159.

[3]) Акты, т. IX, стр. 545.

[4]) Ibid., стр. 594.

23-го іюля подошли къ Чигирину гетманъ и бояринъ съ воеводами и начали осаду, но, отбитые вскорѣ подоспѣвшей ордой, должны были, сжегши Черкасы, поспѣшно отступать передъ надвигающимися массами мусульманъ, распространявшихъ паническій страхъ по всей западной Украйнѣ.

Турки, расправившись съ Польшей и потопивъ въ крови Ладыжинъ и Умань, обѣщали Дорошенку раздѣлаться и съ Россіей, а татары грозились къ веснѣ снова вернуться обратно.

Зима 1674—1675 гг. прошла въ приготовленіяхъ къ встрѣчѣ страшныхъ гостей. Лазарь дѣятельно укрѣплялъ Прилуки и принималъ мѣры къ ихъ оборонѣ, заготовлялъ продовольствіе и боевые запасы. Окрестные жители были согнаны съ города съ ихъ припасами; по стѣнамъ и башнямъ разставлены пушки и усилены караулы. Коннымъ и пѣшимъ козакамъ прилуцкаго полка на всякій случай приказывалось быть готовыми къ бою. Проживавшій въ уѣздѣ запорожецъ Лукьянъ съ товарищами приглашенъ состоять при особѣ полковника. Всюду по дорогамъ, ведущимъ къ городу и на разбросанныхъ въ окрестностяхъ курганахъ стояли форпосты, по утрамъ въ степь наряжались разъѣзды, а вѣстовщики и развѣдчики разсылались въ разныя стороны и главнымъ образомъ по направленію къ Пирятину. Не ограничиваясь этимъ, самъ полковникъ дѣлалъ постоянные объѣзды поселеній прилуцкаго полка, нѣсколько разъ видѣлъ показывавшагося вдали непріятеля, не рѣшавшагося впрочемъ открыто атаковать хорошо защищенныя мѣстечка, куда при первомъ извѣстіи о приближеніи враговъ заблаговременно укрылось, по распоряженію Горленка, со всѣмъ имуществомъ и скарбомъ, населеніе пригородовъ и слабыхъ мѣстечекъ Иваницы и Журавки [1]).

На масляницѣ наконецъ показались враги: это были передовыя шайки султана Нуреддина, перешедшаго Днѣпръ и надвигавшагося съ 13,000 татаръ на Лубны и Прилуки, полоня и разоряя [2]). Но краю уже опасаться было нечего: въ немъ

[1]) Акты, т. XII, стр. 24. Донесеніе Горленка Самойловичу.

[2]) Ibid. т. XII, стр. 85.

были сосредоточены значительныя силы, шедшія на помощь польскому королю. Московское правительство совмѣстно съ Польшей собиралось положить конецъ своевольству Дорошенка и его лютыхъ союзниковъ и только нежеланіе Самойловича дѣйствовать за одно съ ненавистными ему ляхами спасло на этотъ разъ его соперника.

Не мало заботъ было Горленку съ переполнявшими его полкъ войсками, главный сборъ которымъ былъ подъ Прилуками. Съ ранней весны и до самой осени стояла въ прилуцкомъ полку московская рать и происходили передвиженія военныхъ силъ и обозовъ Ромодановскаго и Самойловича, 7-го сентября соединившихся на Обѣчевской греблѣ, подъ с. Галицею, имѣніемъ Горленка, въ пяти верстахъ отъ Монастырища. Здѣсь бояринъ и гетманъ простояли цѣлую недѣлю и дождались царскаго указа, которымъ пріостанавливалось ихъ дальнѣйшее движеніе на Яготинъ, къ Днѣпру, и разрѣшалось распустить людей по случаю осенняго ненастья [1]).

Въ началѣ зимы узнали въ Прилукахъ о смерти «тишайшаго царя». Вступленіе на престолъ его преемника временно обнадежило Дорошенка, котораго уже въ мартѣ мѣсяцѣ тѣснилъ высланный противъ него со своими козаками Горленко, не взирая на его неоднократныя письменныя укоризны и завѣренія въ преданности государю: [2]) по приказанію царя Ѳеодора, дѣйствовавшій огрядъ былъ отозванъ и только въ іюлѣ, на основаніи энергичныхъ представленій Самойловича, торопившаго развязку, велико и малороссійскія силы двинуты были къ Чигирину.

Походъ, какъ извѣстно, окончился полнымъ торжествомъ Самойловича, побѣдоносно возвратившагося въ свой Батуринъ гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра. Но внутренніе враги его не дремали и въ то время, какъ онъ распускалъ войска по домамъ и ѣздилъ въ Кіевъ поклониться святымъ угод-

---

[1]) Акты, т. XII, стр. 244.

[2]) Ibid. т. XII, стр. 598.

никамъ за счастливый исходъ дѣла, среди приближенныхъ къ нему старшинъ былъ обнаруженъ смѣлый заговоръ.

XII.

Стародубскій полковникъ Петръ Рославецъ, одинъ изъ вліятельнѣйшихъ въ Малороссіи, личный недругъ гетмана, задумавъ выдѣлить свой полкъ изъ вѣдѣнія послѣдняго, чтобы причислить его къ привиллегированному разряду слободскихъ полковъ, отправился въ концѣ лѣта въ Москву съ доносами на Самойловича и обвиненіями его въ различныхъ злоупотребленіяхъ. Не найдя въ столицѣ ожидаемой поддержки. Рославецъ былъ выданъ гетману «головой» и доставленъ скованнымъ въ его резиденцію.

Наряжено было самое строгое слѣдствіе.

Самойловичъ, едва успѣвшій сладить съ Дорошенкомъ и помнившій хорошо еще свѣжій случай со своимъ предшественникомъ, основательно опасался потрясенія своего авторитета и принялъ это дѣло особенно къ сердцу. Тутъ подслужился ему бывшій генеральный писарь сдавшагося Дорошенка и открылъ обстоятельства, проливавшія новый свѣтъ на дѣло Рославца и придававшія ему особую важность.

Заговоръ будто-бы имѣлъ цѣлью низверженіе Самойловича въ пользу злѣйшаго его врага, Дорошенка, и причастныя къ нему «значныя особы» хотѣли убить гетмана или учинить съ нимъ то, что и Многогрѣшному, а соперника его избрать гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра [1]). Главнымъ соумышленникомъ Рославца былъ, по сообщенію Вуеховича, протопопъ Симеонъ Адамовичъ, тайно извѣщавшій Дорошенка, что съ нимъ за одно нѣсколько «знатныхъ особъ», а именно полковникъ прилуцкій Лазарь Горленко и переяславскій Думитрашко Раичъ, бывшій генеральный писарь Мокріевичъ и другіе, т. е. почти всѣ участники низложенія Многогрѣшнаго. Перечисленныя лица поручали Адамовичу передать Дорошенку, что они желаютъ имѣть его

[1]) Акты, т. XII, стр. 726.

гетманомъ, и это не только съ вѣдома войска и черни, но и съ соизволенія самаго царя, причемъ заранѣе просили его не мстить имъ за прежніе противъ него проступки. Дорошенко отвѣчалъ согласіемъ на все, лишь бы дѣло произошло безъ пролитія крови [1]).

Войсковый судъ надъ обвиняемыми состоялся въ Батуринѣ, 6-го января 1677 года, послѣ Богоявленія.

Горленку и Раичу, участіе которыхъ осталось не доказаннымъ, велѣли присягнуть въ ихъ невинности. Мокріевичъ былъ осужденъ на изгнаніе. Рославцу и Адамовичу, упорно отказывавшимся отъ сношеній съ Дорошенкомъ, но уличеннымъ свидѣтельскими показаніями, смертная казнь была замѣнена: первому тюремнымъ заключеніемъ и вѣчнымъ безчестьемъ, второму—постриженіемъ [2]). Когда же протопопъ отказался исполнить постановленіе духовнаго суда, его отдали мірскому, лишивъ сана. Истязанія и жестокое заключеніе вынудили у Адамовича невольное сознаніе и онъ, не выдержавъ пытокъ, оговорилъ въ Черниговѣ Горленка, Раича и иныхъ въ замыслѣ на жизнь гетмана.

Самойловичъ не пощадилъ заговорщиковъ; по царскому указу отъ 31-го іюля. Рославецъ съ Адамовичемъ были сосланы въ Москву и затѣмъ въ Сибирь; Горленку и Раичу дарована жизнь, но, лишенные урядовъ и должностей, они заключены въ тюрьму, имѣнія ихъ конфискованы въ пользу войска [3]).

Впечатлѣніе, произведенное этимъ событіемъ въ Гетманщинѣ, было подавляющее. Современники объясняли его какъ прямое слѣдствіе общаго упадка древняго благочестія, нравственности и порядка. Въ необычайныхъ вьюгахъ и морозахъ наступившей зимы, загубившихъ не мало народу, а вслѣдъ затѣмъ въ ужасномъ пожарѣ, истребившемъ 18-го мая почти весь Стародубъ,

---

[1]) Акты, т. XII, стр. 854, 865.

[2]) Ригельманъ, т. II, стр. 155; Костомаровъ, т. XV, стр. 531.

[3]) Самовидецъ, стр. 134; Краткое описаніе Малороссіи, стр. 276; Ригельманъ, т. II, стр. 156; Маркевичъ, т. II, стр. 243; Костомаровъ, т. XV, III и VIII.

съ церквами, крѣпостью и артиллеріей, видѣли ничто иное, какъ небесную кару за людскія неправды и нечестіе. «Въ Стародубѣ», говоритъ лѣтописецъ, «началась ненависть першая», породившая раздоры между посполствомъ, козачествомъ и духовенствомъ и приведшая наконецъ къ столкновенію полковниковъ съ гетманомъ» [1]).

Что прикосновенность Горленка къ этому дѣлу, сильно раздутому, была преувеличена [2]), говоритъ уже то, что онъ очень скоро былъ принятъ обратно на службу Самойловичемъ. Не прошло и года послѣ постигшей его опалы, какъ ему было возвращено, гетманскимъ универсаломъ отъ 12 апрѣля 1687 г., село Ольшаны, а два года спустя и полковничество. Излагая побудившія его къ этому причины, Самойловичъ всенародно объявилъ, что «ижъ любо Лазарь Горленко за незбожныхъ людей, полковникуючи, нарушилъ былъ своей повинной и належитой намъ, рейментарови, вѣрности; еднакъ мы, памятуючи его давніи праци...., увесь тотъ проступокъ ему зъ милости нашой христіанской отпускаемъ» и проч. [3]).

Быть можетъ, этому не чужда была присланная царю изъ глубины Сибири челобитная Адамовича, въ которой ссыльный протопопъ оправдывалъ себя, твердя, что оговорилъ невинныхъ подъ страхомъ мученій.

XIII.

Такимъ образомъ Горленко, въ противоположность другимъ своимъ товарищамъ по несчастью, не только наружно примирился съ Самойловичемъ, но и на дѣлѣ до самой своей смерти оставался вѣрнымъ его сторонникомъ, а женитьба сына его, Димитрія, на родной племянницѣ гетманши еще болѣе сблизила недавнихъ враговъ.

---

[1]) Самовидецъ, стр. 134, 135.

[2]) Въ доносѣ на Самойловича сказано, что „отъ нихъ же Самойловичевъ съ согласниками обвинены были полковники Лазарь Горленко и другіе, которые *безвинно* страдали, а за что именно, не объявлено“ (Ригельманъ, т. II, стр. 201).

[3]) Архивъ Н. А. Маркевича, № 6323.

По арестованіи Горленка, его полкомъ управлялъ Маценко [1]), до назначенія туда полковникомъ Ѳ. Мовчана. При немъ старый Лазарь со своими дѣтьми принималъ дѣятельное участіе въ чигиринскихъ войнахъ, въ рядахъ «знатныхъ войсковыхъ товарищей» прилуцкаго полка, сильно потерпѣвшаго въ тяжелыхъ походахъ и вернувшагося осенью на родину «изнужавшимъ» и «изнищавшимъ» [2]). За подвиги противъ турокъ царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ почтилъ полкъ похвальной грамотою, а убитыхъ прилучанъ повелѣлъ «написать въ вѣчное помяновеніе въ сѵнодикѣ, въ святѣй велицѣй соборнѣй церкви Успенія Пресвятыя Богородицы» [3]). Вмѣстѣ съ преемникомъ Мовчана, Димитріемъ Чернявскимъ, Горленки, отецъ и сыновья, ходили противъ турецкаго клеврета Юраски Хмельницкаго, въ послѣдній разъ промелькнувшаго на страницахъ малорусской исторіи съ небывалымъ титуломъ «князя Сарматскаго», чтобы темнымъ и позорнымъ концемъ завершить свое безславное существованіе.

По смерти Чернявскаго, Горленко, занимавшій при немъ урядъ полковаго судьи, 25-го генваря 1680 г. является уже въ званіи, «на тотъ часъ вакансіи полковой, полковника наказнаго войска его царскаго величества запорозскаго прилуцкаго» и приказываетъ «руку свою при печати подписать» [4]), а чрезъ полъгода, осенью, уступивъ должность судьи Маценку, именуется «полковникомъ В. Е Ц. П. В. З. прилуцкимъ» и рядомъ съ древнею печатью города Прилукъ, изображающей пронзенную кривою саблею голову золоторогаго зубра, велитъ притиснуть собственную свою гербовую печать съ полнымъ своимъ титуломъ [5]).

---

[1]) Густынскій архивъ, Универсалъ И. Маценка отъ 31 декабря 1677 г.

[2]) Костомаровъ, Монографіи, т. XV.

[3]) Максимовичъ, Сочиненія, т. II.

[4]) Густынскій архивъ, Листы Л. Горленка отъ 25 января и 10 марта за печатью прилуцкаго полковаго судьи.

[5]) Архивъ Н. А. Маркевича, Листъ Л. Горленка отъ 8 октября 1680 г. На оттискахъ печатей Лазаря Горленка, дошедшихъ до насъ въ трехъ типахъ, въ осьмиугольномъ щитѣ помѣщено символическое изображеніе водруженнаго на полумѣсяцѣ и окруженнаго сіяніемъ креста; надъ нимъ, справа и слѣва, двѣ звѣзды и пукъ страусовыхъ перьевъ—знакъ благороднаго достоин-

Занявшись дѣлами внутренняго управленія, на которыхъ не могли не отразиться перевороты и безурядица послѣднихъ лѣтъ, Горленко обратилъ особое вниманіе на отношеніе своихъ полчанъ къ духовнымъ властямъ густынской обители.

Въ описываемое время монастырь былъ въ полномъ расцвѣтѣ своего значенія и извѣстности. Духовно-литературное движеніе, первый толчекъ которому былъ данъ Петромъ Могилой и представителями коего на Украйнѣ были Лазарь Барановичъ, Іоанникій Галятовскій и Антоній Радивиловскій, не осталось чуждымъ Густыни. Въ 1670 г. въ ней былъ написанъ преподобнымъ Николою, игуменомъ Черной Горы, трудъ духовнаго содержанія[1]), а пять лѣтъ спустя живое и вдохновенное слово молодаго, только что постриженнаго въ іеромонахи, проповѣдника стало привлекать въ лѣсную прилуцкую пустынь десятки тысячъ богомольцевъ, жаждавшихъ слышать его краснорѣчивыя поученія. Юноша, своими дарованіями прославившій пріютившую его обитель, былъ будущій святитель и знаменитый митрополитъ ростовскій, Димитрій Туптало.

Самойловичъ, особенно благоволившій къ молодому подвижнику, какъ вышедшій самъ изъ духовнаго званія и какъ мѣстный уроженецъ, сдѣлавшись всесильнымъ гетманомъ, не забылъ родной прилуцкой святыни. Собственнымъ иждивеніемъ возвелъ онъ въ 1671 году, на мѣстѣ сгорѣвшей старой деревянной церкви, каменный, двухпрестольный, пятиглавый, коринѳскаго ордена соборный храмъ, во имя Св. Живоносной Троицы, весь внутри росписанный аллегорическими изображеніями и те-

---

ства. Вокругъ расположены заглавныя буквы имени и титула: Л. Г. П. В. Е Ц. В. З. П., а на печати судьи: Л. Г. С. П. Весьма схожія съ этими печати употреблялись и полковниками Маценкомъ и Стороженкомъ: это—прототипъ современнаго Горленковскаго герба, видоизмѣненный уже при сынѣ Лазаря извѣстномъ Димитріѣ Горленкѣ.

[1]) Отпечатанный въ 1795 г. въ Почаевѣ, подъ заглавіемъ: „Книга препод. Николы, игумена Черной Горы“ (Главн. церковн. и ризничн. опись Густинскаго монастыря 1859 г.).

кстами изъ св. писанія [1]). Щедро одаривъ новую церковь, набожный гетманъ позаботился и о ея матеріальномъ обезпеченіи: онъ подтвердилъ права монастыря на данное ему еще прежде село Дейматовку, въ сребрянской сотнѣ, приписанное къ обители въ 1668 г. Многогрѣшнымъ «для вшелякаго послушенства, со всѣми выгодами».

Приводя въ исполненіе гетманское распоряженіе и увѣдомляя о немъ «все товариство и посполитыхъ людей, у селѣ Дейматовцѣ мешкаючихъ», Горленко зорко слѣдилъ за тѣмъ, чтобы повинности эти въ чемъ-либо не нанесли ущерба козацкимъ привиллегіямъ. Взглядъ его на значеніе и права реестроваго козака рельефно выразился въ упомянутомъ листѣ къ жителямъ Дейматовки. Напоминая имъ о долгѣ послушанія «мѣсту святому и властному, превелебному въ Богу господину, отцу игумену густынскому», прилуцкій полковникъ въ то же время въ такихъ выраженіяхъ предупреждалъ своихъ полчанъ: «однакъ мы запобегаючи того, сколько у томъ же селу знайдуется товариства козаковъ, въ войску служачихъ, и абы онымъ якая не дѣялась кривда, о томъ со о. игуменомъ разговорювали, и которые зъ доброй волѣ своей, *за Третьякова полковництва*, [2]) откинувшися зъ реестру нашего, сами добровольне монастыреви обовязалися служити, тѣхъ теды и мы, отставивши отъ своего послушенства, изъ реестру витерти казали и подъ монастырское начало поддали: нехъ же теперь жаденъ таковый, больше не чинячи себе козакомъ, належного пилнуе послушанія, знайдуючіеся же въ реестрахъ зъ тамошнего товариства абы заживали своей давной и неотступной козацкой вольности, пильно того мѣти хочемъ и жадаемъ» [3]).

---

[1]) Испорченными, къ сожалѣнію, въ 40-хъ годахъ, при реставраціи храма грубой мазней невѣжественныхъ маляровъ, отъ безжалостной кисти которыхъ уцѣлѣлъ лишь портретъ гетмана-основателя, да характерное изображеніе пораженія ангелами бѣсовъ, въ маломъ куполѣ надъ хорами. Сохранились еще замѣчательной старинной рѣзьбы, посеребренный и вызолоченный, липоваго дерева, иконостасъ и два деревянныхъ рѣзныхъ, искусно разрисованныхъ клироса.

[2]) Семенъ Третьякъ, полковникъ прилуцкій (1671—1672 г.).

[3]) Архивъ Густынск. монастыря, Листъ Л. Горленка отъ 30 іюля 1681 г.

Помимо установленія въ полку внутренней дисциплины и порядка, Горленку не пришлось сидѣть сложа руки. Весь 1680 г. Малороссія была въ тревогѣ; ожидали новаго нашествія турокъ, поспѣшно укрѣпляли города и держали войска въ сборѣ до самаго 1681 года, начавшагося подъ дурными примѣтами: «23-го марта, противъ Лазаревой Субботы» разразилась невиданная въ столь раннюю пору гроза, съ такими ударами и страшной молніей, что небо казалось объятымъ огнемъ, а «на св. Матѳея земля тряслась» [1]).

Въ Малороссіи тѣмъ не менѣе враждебно отнеслись къ предполагаемому союзу Россіи съ Польшей противъ невѣрныхъ и, съ неудовольствіемъ замѣчая возрастаніе при русскомъ дворѣ польскаго вліянія, успѣвшаго даже отразиться на московскихъ обычаяхъ и одеждѣ [2]), настаивали на примиреніи съ Турціей и Крымомъ. Съ этой цѣлью посланъ былъ въ Бахчисарай, со стольникомъ Тяпкинымъ и учителемъ Петра Великаго, Н. М. Зотовымъ, племянникъ Горленка по женѣ, войсковой товарищъ Павелъ Раковичъ, «значный человѣкъ, бусурманскихъ языковъ и латинскаго языка свѣдущій». Посредникомъ-же между московскимъ правительствомъ и блистательной портой взялся быть князь Молдавіи и Валахіи, Іоаннъ Дука, въ 1670 г. поставленный султаномъ, со званіемъ «господаря украинскаго», великимъ гетманомъ надъ землями между Днѣпромъ и Днѣстромъ и извѣстный въ лѣтописяхъ правобережной Украйны, какъ первый колонизаторъ обезлюдѣвшаго края [3]).

---

[1]) Черниговская лѣтопись, изд. Бѣлозерскимъ, Кіевъ. 1856 г., т. I, стр. 36 и 37.

Въ одномъ изъ писемъ Лазаря Горленка упоминается о подобномъ же явленіи въ сребрянской сотнѣ прилуцкаго полка „подъ селомъ Дейкановкой, гдѣ волею Божіей, на ужасное подивленіе людское, *гора съ деревомъ не малымъ внизъ пересунулась*“ (Архивъ Густынск. монастыря, листъ Л. Горленка отъ 8 ноября 1680 года).

[1]) Костомаровъ, Монографіи, т. XV, стр. 465.

[2]) Своимъ возвышеніемъ Іоаннъ Дука былъ обязанъ браку своему съ дочерью господаря Молдавіи, князя Евстратія I. Дабижи (1662 † 1666), потомокъ котораго два вѣка спустя женился на праправнучкѣ въ седьмомъ поколѣніи Лазаря Горленка.

Мярь, хотя и невыгодный, но, по пословицѣ, «все же лучше доброй ссоры», далъ Украйнѣ возможность отдохнуть отъ продолжительнаго напряженія силъ, подрывавшаго правильное развитіе ея внутренней жизни.

XIV.

27-го апрѣля 1682 скоропостижно скончался молодой царь Ѳеодоръ. Выборными людьми земскаго собора былъ избранъ въ Москвѣ на царство малолѣтній царевичъ Петръ, и во всѣ концы земли русской полетѣли гонцы оповѣстить народъ и привести его къ присягѣ.

Въ Прилуки пришла царская грамота на имя Лазаря Горленка. Юный государь, сообщая объ «отшествіи» своего старшаго брата «изъ сего свѣта во вѣчное блаженство небеснаго царствія», указывалъ полковнику привести всѣ чины къ присягѣ *ему*, царю Петру, и брату его, Іоанну, съ нимъ совмѣстно [1]).

Но, не успѣли прилучане присягнуть на подданство новому царю, какъ извѣстія, одно другою невѣроятнѣе, стали распространяться въ народѣ. Въ полку передавалась страшная молва о вспыхнувшемъ на Москвѣ бунтѣ, объ убійствахъ царскихъ родичей и двухдневной дикой рѣзнѣ, въ которой погибъ, растерзанный чернью, припомнившей ему сдачу Чигирина, давній боевой товарищъ Горленка, старикъ князь Ромодановскій..... Всѣмъ заправляли въ столицѣ опьяненные кровью и успѣхомъ стрѣльцы, о царѣ же не было и помину.

Тяжелая неизвѣстность и сбивчивые, противорѣчивые слухи прекратились лишь въ началѣ іюня, съ прибытіемъ «съ царскимъ милостивымъ словомъ» изъ Москвы дворянина его царскаго величества, Ѳедора Анцбукова. Вся козацкая «громада» жадно внимала, какъ въ новой, пространной грамотѣ къ ея полковнику цари Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи, объявляя о своемъ

[1]) Архивъ Н. А. Маркевича, грамота царя Петра Алексѣевича Лазарю Горленку отъ 30 апрѣля 1790 г., № 6331.

вступленіи «на прародительскій великаго и преславнаго россійскаго царствія престолъ», указывали: „а тебѣ бъ, нашего царскаго величества подданному, прилуцкому полковнику Лазарю Горленку о семъ вѣдать... и учинить... и быть во всемъ нанашу царскаго величества милостъ надежну и полку своего во всѣ городы и мѣстечка къ старшинѣ и къ сотникамъ и къ всякимъ градскимъ и уѣзднымъ урядникамъ отъ себе писать, чтобы они съѣхались къ тебѣ, полковнику, и по тому учинили». Оба государя обѣщали его, Горленка, и все войско запорожское „держать въ своемъ милостивомъ призрѣніи и, при помощи Божіей, отъ всѣхъ наступающихъ непріятелей въ оборонѣ", какъ это было при блаженныя памяти отцѣ ихъ и братѣ. «А права ваши и вольности», заканчивала грамота, «ни въ чемъ нарушены не будутъ, въ томъ бы тебѣ, полковнику, и полку твоего всему поспольству на нашу царскаго величества премногую милость быти надежными» [1]),

Такимъ образомъ узнали въ Прилукахъ о совершившемся въ пользу царевны Софіи переворотѣ.

Въ присутствіи царскаго уполномоченнаго Анцбукова, Горленко вторично произнесъ торжественную присягу на вѣрность воцарившимся государямъ, а затѣмъ были «приведены къ вѣрѣ при немъ будучіе поспольство и полку его во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ жилецкіе люди» [2]).

XV.

Наступилъ 1687 годъ.

Вызывающее положеніе, принятое Крымомъ и усилившаяся дерзость набѣговъ хищныхъ его ордъ вынудили московское правительство объявить всеобщее ополченіе на невѣрныхъ.

Получивъ «о св. Георгіѣ» гетманскій универсалъ, призывавшій козаковъ послѣ пятилѣтняго мира къ борьбѣ съ тата-

---

[1]) Главн. моск. архивъ министерства иностран. дѣлъ, по каталогу Бантыша-Каменскаго, № 24. Грамота царей Іоанна и Петра къ Лазарю Горленку отъ 1 іюня 1790 г.

[2]) Ibidem.

рами, старый Горленко снарядилъ свой полкъ, отслужилъ съ только что отстроенномъ имъ въ Прилукахъ соборѣ [1]) напутственный молебенъ и, простившись съ семьей и домашними, выступилъ, на зарѣ яснаго майскаго дня, въ роковой крымскій походъ, изъ котораго не суждено было ему болѣе вернуться.

Стояла дивная весенняя пора. Въ прозрачномъ утреннемъ воздухѣ гдѣ-то высоко звенѣла трель жаворонка; въ зеленыхъ волнахъ молодыхъ хлѣбовъ, усѣянныхъ алымъ макомъ и васильками, задорно перекликались неугомонные перепела. Яркая свѣжая листва радостно трепетала въ золотыхъ, живительныхъ лучахъ ранняго утренняго солнца, весело игравшаго на дорогомъ оружіи и расшитыхъ одеждахъ шедшаго съ музыкой и пѣснями отряда. Мѣрный топотъ слегка пофыркивавшихъ въ утренней прохладѣ коней едва пылилъ мягкую дорогу. Сверкающей стѣной двигались, сотня за сотней, ряды конныхъ и пѣшихъ козаковъ прилуцкаго полка, блестя цѣлымъ лѣсомъ мушкетовъ и копій, надъ которымъ рѣяли въ легкомъ дыханіи вѣтерка пестрые сотенные значки—корогвы. Окруженный старшинами, знатными войсковыми товарищами, среди блестящей свиты гарцующей молодежи, нетерпѣливо сдерживавшей и горячившей коней, подъ сѣнью большаго полковаго знамени, ѣхалъ на кровномъ турецкомъ жеребцѣ престарѣлый полковникъ, задумчиво опустивъ свою посѣдѣвшую въ бояхъ голову. Сильная еще рука привычнымъ, повелительнымъ движеніемъ сжимала драгоцѣнный пернач, символъ полковничьей власти; бѣлое перо на высокой златоверхой шапкѣ плавно колыхалось и дамасскій въ богатой оправѣ клинокъ мѣрно позвякивалъ о серебрянное стремя, при размашистой иноходи лошади.

Думалось-ли старому козацкому вождю, когда онъ въ послѣдній разъ оглянулся на скрывшіеся за поворотомъ гадяцкаго шляха свои подгородные прилуцкіе хутора, что онъ прощается съ ними на всегда?

---

[1]) Въ 1687 г. Горленкомъ была возобновлена деревянная соборная церковь Рождества пресв. Богородицы, основанная въ 1618 году и сгорѣвшая въ 1781 году.

Въ Гадячѣ полкъ Горленка примкнулъ къ шедшему изъ своей столицы, Батурина, гетману и двинулся съ нимъ, чрезъ Полтаву, на соединеніе съ княземъ В. В. Голицинымъ. На лице была вся генеральная старшина. всѣ полковники и все козачество, всего до 50,000 человѣкъ. Внушительная по тому времени армія очутилась вскорѣ за предѣлами Малороссіи „въ полѣ незнаемѣ, среди земли половецкыи". Начались тяжкія испытанія.

Углубившись въ безконечныя степи и нигдѣ не встрѣчая врага, войска стали изнемогать отъ нестерпимаго зноя. За Сѣчью Запорожской, въ Великомъ Лугѣ, они наткнулись на степной пожаръ. Черныя облака копоти и пепла носились въ удушливомъ, смрадномъ воздухѣ, сквозь который свѣтило тусклое, безъ лучей, солнце, а ночью въ свинцово-фіолетовой мглѣ зловѣще вырѣзывался багровый дискъ луны. Чрезъ силу тащившіеся по раскаленной и обугленной почвѣ, люди и лошади стали заболѣвать и падать, изнуренные безцѣльными переходами и лишеніями, войска и военачальники сдѣлали привалъ у степной рѣчки Карачокрака и стали обсуждать свое положеніе.

Послѣ долгихъ преній, въ военномъ совѣтѣ принято было мнѣніе идти, въ виду начавшагося голода и конской безкормицы, обратно къ привольнымъ кормовымъ мѣстамъ и тамъ ожидать дальнѣйшихъ распоряженій изъ Москвы, а чтобы обезпечить свой тылъ отъ внезапнаго нападенія невидимаго врага, отправить къ Сѣчи, на подкрѣпеніе стоявшаго у Каменнаго Затона храбраго воеводы Касогова, сильный отрядъ для отвлеченія татаръ къ Кизикерменю [1]).

Въ составъ его вошли, кромѣ 20,000 ратныхъ людей подъ начальствомъ Неплюева, еще столько же козаковъ, надъ которыми Самойловичъ поставилъ наказнымъ гетманомъ сына своего Григорія. Съ послѣднимъ, сверхъ его черниговцевъ, находились полки извѣстныхъ и опытныхъ предводителей: прилуцкій—Гор-

[1]) Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ. Донесеніе Самойловича; General Patrick Gordons Diary, т. II, стр. 175, 176.

ленка, переяславскій—генеральнаго бунчучнаго Полуботка, миргородскій—Апостола, четверо охотныхъ полковъ да кошевой Сагайдачный съ своими запорожцами, тотъ самый Сагайдачный,

Що проминявъ жинку
На тютюнъ да люльку,
Необачный!

какъ говорится въ старой народной пѣснѣ [1]).

Этотъ сорокатысячный корпусъ, отдѣлившись отъ главнаго обоза, повернулъ на югъ къ Днѣпру и спустившись къ Каменному Затону, переправился на другой берегъ у Никитинской Заставы [2]).

Выборомъ всѣхъ перечисленныхъ лицъ достигалась такимъ образомъ двойная цѣль: наступательныя дѣйствія поручались вождямъ съ установившейся боевой репутаціей и отборнѣйшимъ малороссійскимъ полкамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ изъ главнаго лагеря удалялись родственники, друзья и сторонники гетмана, составлявшіе его надежнѣйшую опору и имѣвшіе значительное вліяніе въ войскѣ.

Готовился эпилогъ драмы, завершившей печальной памяти первый крымскій походъ.

21-го іюня, на разсвѣтѣ, гетманъ былъ тайно, безъ шуму арестованъ и взятъ подъ стражу по обвиненію въ измѣнѣ. Тотчасъ-же былъ отряженъ на Запорожье, къ Неплюеву, гонецъ, съ секретнымъ увѣдомленіемъ о случившемся и предписаніемъ немедленно арестовать сына низложеннаго гетмана и его совѣтниковъ, полковниковъ прилуцкаго, переяславскаго и др., въ виду возможнаго съ ихъ стороны противодѣйствія и какихъ-либо безпорядковъ [3]). Но, несмотря на принятыя Голицынымъ и

---

[1]) Сборникъ малороссійскихъ пѣсенъ, изд. Г. П. Галагана, Кіевъ, 1856 г.

[2]) Въ 15-ти верстахъ отъ Старой Сѣчи, въ устьѣ рѣки Чертомлыка.—Величко, т. III, стр. 12.

[3]) Самовидецъ, стр. 172.

Мазепой предосторожности, вѣсть объ этомъ съ быстротой молніи облетѣла войско и проникла въ передовой отрядъ. Два козака опередили боярскаго гонца и извѣстили о происшедшемъ: первый стоявшихъ въ Кодакѣ козаковъ прилуцкаго и нѣжинскаго полковъ, второй—Григорія Самойловича, въ Сѣчи [1]).

Около мѣсяца прошло съ тѣхъ поръ, какъ посланные на югъ прилучане разбили свои ставки въ кодацкомъ укрѣпленіи на правой сторонѣ Днѣпра, въ трехъ верстахъ ниже устьевъ Самары и нынѣшняго Екатеринослава. Вблизи ихъ лагеря глухо ревѣлъ грозный водоворотъ Старо-Кодацкаго порога. Здѣсь Днѣпръ бѣшено клокоталъ, кипѣлъ и пѣнился о преграждавшія его гряды громадныхъ скалъ, острыя ребра которыхъ причудливо чернѣли среди буруновъ, водяной пыли и бѣлыхъ всплесковъ волнъ, сердито низвергавшихся съ «лавы» на «лаву». Дикіе, поросшіе лѣсомъ, утесы нависли надъ противоположнымъ берегомъ, а далѣе, по теченію рѣки, зеленой смѣной подымались днѣпровскіе острова, гдѣ стояли «на травѣ» козачьи лошади и откуда долеталъ ослабленный громъ водопадовъ Сурскаго и Лоханскаго пороговъ.

Праздность и томительное бездѣйствіе, затѣмъ недостатокъ продовольствія сильно отразились на дисциплинѣ козацкаго лагеря. Давно уже недовольные деспотическимъ управленіемъ гетмана, козаки громко роптали на Самойловича и своихъ начальниковъ, обвиняя ихъ въ произвольномъ и безполезномъ затягиваніи и безъ того непопулярнаго похода. Раздраженіе усилилось, когда узнали, что татары стороной проникли подъ самый Кіевъ и даже *«по сю сторону* Днѣпра по селамъ людей въ полонъ брали и рубили» [2]). Тутъ ужъ и силой нельзя было удержать людей, рвавшихся къ своимъ семьямъ: козаки стали самовольно бросать службу и уходить домой. Ежедневно дезертировали они изъ прилуцкаго, миргородскаго и переяславскаго полковъ [3]). Ос-

---

[1]) Gordon. т. II, стр. 188.

[2]) Ригельманъ, т. V, стр. 3.

тавшіеся, окончательно деморализованные, подстрекаемые гетманскими недоброжелателями и безшабашной запорожской голытьбой, были страшно возбуждены вѣстями съ Украйны, гдѣ, по слухамъ, поднявшійся народъ безпощадно билъ, жегъ и разорялъ пановъ.

Извѣстіе объ отрѣшеніи Самойловича было искрой, попавшей въ порохъ и страшнымъ толчкомъ отдалось на Кодакѣ.

Повторились безобразныя сцены кроваваго разгула, сопровождавшія паденіе Якима Сомка. Пьяные, разнузданные козаки бросились къ шатрамъ начальныхъ лицъ, за которыми не было болѣе гетманской поддержки, чтобы свести съ ними старые счеты. Засверкали обнаженныя сабли, раздались яростныя проклятія, свирѣпыя угрозы, еще мгновеніе—и обезумѣвшая отъ вина и крови толпа неистово кинулась рубить своихъ старшинъ и грабить ихъ ставки. Особеннымъ ожесточеніемъ отличалась звѣрская расправа прилуцкихъ козаковъ. Одной изъ первыхъ жертвъ ея палъ престарѣлый ихъ полковникъ, тщетно старавшійся обуздать своихъ полчанъ. Обезображеннаго сабельными ударами, но еще живаго, Горленка поволокли къ раскаленной печи и бросили въ пылающій огонь [1]).

Такъ кончилъ тревожную жизнь свою «безвременнѣ отъ безчеловѣчныхъ збойцевъ» [2]) «панъ Лазарь Горленко, полковникъ стародавній прилуцкій, пострадавъ невинное убійство отъ своихъ полчанъ, на рѣцѣ Сурѣ» [3]). 2-го августа 1687 г. останки его, съ воинскими почестями, были преданы землѣ, въ полю, межи Кодакомъ и Самарою, гдѣ и могилу значную высыпано надъ нимъ» [4]). Одиноко высился могильный холмъ стараго козацкаго вождя, чернѣя въ дикой, безлюдной степи, да ведя нѣмую бесѣду съ буйными вѣтрами

---

[1]) Gordon, т. II, стр. 194; Самовидецъ, стр. 172; Величко, т. III, стр. 22; Ригельманъ, т. III, стр. 3; Костомаровъ VX. 691.

[2]) Суплика Я. Горленка 1712 г. Архивъ Маркевича, № 272.

[3]) Лѣтопись монастыря густынскаго, стр. 68; Помянникъ кіевской ближней пещеры (Максимовичъ, т. II).

[4]) Ibidem, стр. 64.

да непогодами». Лишь десять лѣтъ спустя кости запорожскаго «лицаря» упокоились въ родной землѣ, подъ сѣнью развѣсистыхъ липъ и кленовъ Густынской обители.

Извѣстіе о кодацкой катастрофѣ и страшной смерти прилуцкаго полковника, ознаменовавшей первые дни гетманства Мазепы, привезъ на Коломакъ изъ Сѣчи, 9-го августа, сынъ переяславскаго полковника, извѣстный впослѣдствіи Павелъ Полуботокъ[1]. Объ ужасной участи Горленка узнала въ Прилукахъ его осиротѣвшая семья въ то время, какъ въ Сѣвскѣ голова другой жертвы переворота, молодаго Самойловича, скатывалась на плаху....

«Дѣла давно минувшихъ дней, преданья старины глубокой.....»

Изъ ея сѣдаго, загадочнаго тумана, изъ фантастическаго мрака временъ, выплываютъ предъ нами забытыя тѣни прошлаго. Въ клубящемся вихрѣ событій, въ дыму и пламени пожаровъ, войнъ и междоусобій мелькаютъ суровыя лица борцевъ за свободу и независимость Украйны; встаютъ страдальческія тѣни Павлюка, Гуни, Остряницы, подымается величавый призракъ Хмельницкаго; изъ кроваваго хаоса «руины» выростаютъ трагическіе силуэты Пушкаря и Выговскаго, Сомка и Брюховацкаго, забрызганный кровью каменецкой рѣзни сумрачный обликъ Дорошенка и надменныя фигуры Трубецкаго и Ромодановскаго. Чудится громъ оружія на поляхъ эпическихъ битвъ за вѣру и народность; пылаютъ Яссы, Черкасы и Чигиринъ; проносятся блестящія «хоругви» панцырныхъ бояръ короля Яна Казиміра и свирѣпыхъ рейтаровъ князя Іеремія Вишневецкаго, Чарнецкаго и Собѣсскаго; съ гикомъ стремятся нестройныя орды Исламъ-Гирея, Адиль-хана и Калги-Султана, рыщутъ безобразныя, дикія толпы калмыцкихъ тайшей; проходятъ грозныя когорты янычаръ Магомета IV и пестрыя, разноплеменныя дружины сербовъ, волоховъ, венгровъ и молдованъ; движутся красные ряды бородатыхъ московскихъ стрѣльцовъ, полки ратныхъ лю-

[1]) Gordon, т. II, стр. 194.

дей, компаніи иноземныхъ наемниковъ и несутся, вслѣдъ за Сѣркомъ и Сагайдачнымъ, въ бѣшеномъ, неудержимомъ порывѣ вольные сыны Сѣчи и Великаго Луга. А тамъ, на рдѣющемъ горизонтѣ, гдѣ въ свистѣ и воѣ бушующаго огненнаго моря слышатся стоны забытыхъ въ дальнихъ снѣгахъ сибирскихъ тайгъ Самойловича и Многогрѣшнаго и гдѣ въ багровыхъ дымныхъ облакахъ горящихъ крымскихъ степей уже восходитъ роковая звѣзда гетмана Мазепы, изъ непроглядной тьмы мрачной исторической ночи ярко выступаетъ, въ зловѣщемъ отблескѣ костра, «порубанный, постреляный» образъ Лазаря прилуцкаго...

Стоящій на рубежѣ стараго, отживающаго міра легендарнаго козачества и занимающейся новой его эры, онъ олицетворяетъ въ себѣ типичныя черты той переходной эпохи. Близкій къ вершителямъ судебъ Украйны, непосредственный участникъ и свидѣтель ея роста, сближенія ея съ Великороссіей и затѣмъ внутренняго ея разложенія, прожившій одинъ изъ самыхъ гибельныхъ періодовъ малорусской исторіи, на своемъ долгомъ вѣку видѣвшій четыре царствованія, столько же королевствованій и длинный рядъ гетманствъ, одинаково извѣстный въ Москвѣ и Крыму, въ Польшѣ и на Запорожьѣ, воинъ, правитель, дипломатъ,—онъ является одной изъ тѣхъ величинъ, которыхъ не можетъ обойти вниманіе изслѣдователя. Къ сожалѣнію, сбивчивость и отрывочность имѣющихся свѣдѣній и неразработанность документальныхъ данныхъ препятствуетъ пока еще правильной и безпристрастной оцѣнкѣ болѣе чѣмъ полувѣковой политической дѣятельности Горленка. Ближайшій анализъ ея и болѣе строгая, опредѣленная обрисовка и характеристика его личности станутъ возможны лишь тогда, когда вполнѣ разсѣется историческая мгла, на половину застилающая фигуру стараго прилуцкаго полковника.

Князь **А. Дабижа.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

ШОЛУДИВЫЙ БУНЯКА

ВЪ УКРАИНСКИХЪ НАРОДНЫХЪ СКАЗАНІЯХЪ.

(Окончаніе) [1]).

III.

Начало легенды С. Баронча: чудовищный паразитъ. Подобное начало въ галицкой сказкѣ г. Франка объ униженной царевнѣ. Оно же въ сказкахъ южноевропейскихъ, особенно въ сказкѣ о претенціозной невѣстѣ и людяхъ съ чудесными свойствами. Индійскій первообразъ послѣдней сказки. Переплетеніе ея побѣговъ съ побѣгами персидской сказки объ упорной или фатальной царевнѣ-невѣстѣ. Отдѣленіе отъ этихъ побѣговъ сказки объ униженной царевнѣ. Ея европейскія разновидности: южноевропейская, средняя и сѣверовосточная. Происхожденіе сказки г. Франка отъ среднеевропейской разновидности. Происхожденіе мотива о чудовищномъ паразитѣ въ сказкахъ восточной части средиземноморскаго бассейна. Случайность спайки этого мотива съ преданіемъ о Бунякѣ и приставки его къ легендѣ о королевичѣ въ подземельи. Сказочно-эпическій характеръ имени царицы Елены.

Обращаемся теперь къ оставленному началу легенды С. Баронча. Если, какъ мы видѣли, вся эта легенда не имѣетъ никакой связи съ историческомъ Бунякомъ, то и это начало не имѣетъ никакой внутренней связи съ самой легендой. Какъ разъ такое вступленіе мы находимъ во главѣ сказки, записанной г. Франкомъ въ Галиціи (въ с. Нагуевичахъ около Дрогобича) и напечатанной имъ въ статьѣ «Старинна романьско-германьска новеля въ устахъ русскаго народа» въ «Зорѣ» 1883 г., №№ 2—3. Здѣсь царевна, не желая выходить замужъ, такъ какъ женихи казались ей глупыми, выкормила въ маслѣ блоху, сдѣлала изъ ея кожи перчатки и обѣщала свою руку только тому, кто угадаетъ, изъ чего онѣ сдѣланы. На вызовъ отправился одинъ царевичъ, который былъ въ нее особенно влюбленъ. Онъ переодѣлся шолудивымъ нищимъ и по дорогѣ

[1]) См. „Кіев. Стар.“ 1887 г., август. кн., стр. 676—713.

зашелъ къ кожевнику, вычинившему кожу на перчатки, и отгадалъ такимъ образомъ тайну царевны. Волей-неволей царевна должна была выйти за шолудиваго нищаго, который отказался отъ всякаго богатства и повелъ молодую жену на свою родину, гдѣ продолжалъ играть избранную роль, поселившись въ бѣдной хаткѣ на краю столицы. Тутъ онъ заставляетъ жену зарабатывать хлѣбъ сначала шинкарствомъ, а когда солдаты выпили водку, побили посуду и не заплатили, то велѣлъ ей продавать горшки на базарѣ. Но и эти горшки побили солдаты. Тогда мужъ посылаетъ жену служить на царской кухнѣ, откуда совѣтуетъ ей приносить домой остатки кушаньевъ. Вечеромъ она набрала этихъ кушаньевъ въ маленькіе горшки и, чтобъ не видно было, подвязала ихъ на поясъ. Но царевичъ велѣлъ ей нести воду въ горницы. Только что вошла она, какъ заиграла музыка, а царевичъ потащилъ ее танцовать. Кушанья облили бѣдняжку съ головы до ногъ, и когда она со стыда упала на колѣни, царевичъ поднялъ ее съ вопросомъ: «а что ты меня не узнаешь?» Оказывается, что это и былъ ея шолудивый нищій [1]).

Въ иностранной народной словесности намъ извѣстны слѣдующія сказки съ началомъ въ родѣ предъидущей: 1) *албанская* (Dozon, Contes albanais, стр. 27—33, Le pou), гдѣ царевна находитъ вошь въ бородѣ отца, который видитъ въ этомъ обстоятельствѣ чудо и велитъ хранить животное, выростающее наконецъ до величины козла, а затѣмъ обѣщаетъ дочь свою тому, кто узнаетъ, что это такое (другой варіантъ въ Albanische Märchen, übers. v. Meyer

[1]) Г. Франко сближаетъ эту сказку съ основой Шекспировой комедіи „Укрощеніе своенравной“ (The taming of the shrew), и распространеніе этой основы слѣдитъ, руководствуясь сочиненіемъ Зимрока: „Die quellen des Shakspeare“, по новеллamъ разныхъ народовъ, отдавая предпочтеніе сравнительной гуманности украинской новеллы. На самомъ дѣлѣ вышеизложенная сказка вовсе не принадлежитъ къ одной темѣ съ новеллой, легшей въ основу комедіи Шекспира. Къ этой темѣ принадлежатъ у насъ другія, ускользнувшія отъ вни манія г. Франка, напечатанныя въ книгѣ Рудченка „Народныя южнорускія сказки“ и у Чубинскаго („Труды“ и проч., т. II, отд. 2, №№ 33, 34).

Къ побѣгамъ той же темы принадлежатъ у насъ кобзарскія пѣсни объ укрощеніи жены и тещи (напр. въ Зап. югозап. отд. и. р. геогр. Общ., I, Матеріал., стр. 35—41 и въ „Кіевской Старинѣ“ 1884 г., т. XI, Савродимка), которыя привязываются къ нѣмецкимъ редакціямъ этой темы. Весьма нелюбезное обращеніе съ женщинами во всѣхъ указанныхъ варіантахъ, кромѣ Чубинскаго, № 33, отнимаетъ почти всякую силу отъ патріотическихъ выводовъ г. Франка.

mit Anmerkungen von R. Koehler въ Archiv f. Litterat. Geschichte, XII, 118); 2) *греческая* (J. Pio, Νεοελληνικὰ Παραμύθια, 104), близкая къ албанскимъ варіантамъ; 3) *итальянская* (Schneller, Märchen und Sagen aus Wälsch-Tyrol, № 31, Die Frau des Teufels; варіантъ, помѣщенный еще въ XVII в. въ неаполитанскомъ сборникѣ Джіамбатиста Базила, Pentamerone, g. II, n. 5, Lo Polece, вмѣсто вши ставитъ блоху) и 4) *гасконская* (Cénac Moncant, Contes pop. de la Gascogne, 184, Le coffret de la princesse), гдѣ царевна дѣлаетъ изъ кожи блохи оболочку шкатулки (вар. у Bladé, Contes pop. de la Gascogne, III, 36, вмѣсто блохи—клопъ).

Всѣ эти сказки родственны между собою не только своимъ началомъ, но и послѣдующимъ содержаніемъ; въ первыхъ трехъ секретъ царя и царевны узнаетъ чудовище: чортъ, или у Базиле—великанъ (Uorco), который и уноситъ царевну къ себѣ въ подземелье, откуда потомъ ее освобождаютъ люди съ чудесными свойствами зрѣнія, слуха и т. п. Только въ гасконскихъ варіантахъ чудовищный отгадчикъ атрофировался и невѣсту добываетъ простой женихъ, узнавъ ея секретъ и преодолѣвъ, съ помощью чудесныхъ людей, хитрости ея отца.

Подобное начало встрѣчаемъ и въ сказкахъ параллельныхъ или отчасти родственныхъ предъидущимъ. Въ сказкѣ напр. *сицилійской* разбойникъ, владѣвшій головой вѣдьмы (родъ Синей-бороды и Кощея Безсмертнаго), узнавъ секретъ громадной вши, овладѣваетъ царской дочерью, потомъ заманиваетъ и двухъ сестеръ ея, но погибаетъ отъ третьей (Gonzenbach, Sicilianische Märchen, № 22). Въ *румынской* сказкѣ о царской дочери и жеребенкѣ (Schott, Walachische Märchen, 171) царь велитъ сдѣлать барабанъ изъ кожъ двухъ вшей и возвѣстить при звукахъ этого барабана, что онъ отдастъ дочь тому, кто узнаетъ, что это за барабанъ. Секретъ узнаетъ драконъ волшебникъ, но впрочемъ не для себя, а для сына, а царевну спасаетъ родившійся въ одинъ день съ нею конекъ, который и уноситъ ее, переодѣтую мальчикомъ, отъ преслѣдованія дракона. Дальше царевна эта сама похищаетъ для другаго царя красавицу изъ стекляннаго дворца и потомъ, открывъ свой полъ, выходитъ за его сына. Наконецъ въ *хорватской* сказкѣ (графъ и пастухъ у Krauss, Sagen und Märchen der Südslaven, т. I, № 63) мотивъ о громадной

вши составляетъ вступленіе въ варіантъ исторіи о пріобрѣтеніи знатной невѣсты бѣднымъ пастухомъ, который угадываетъ секретъ и потомъ еще преодолѣваетъ разныя затрудненія, поставленныя ему отцемъ невѣсты.

Сопоставивъ всѣ эти сказки, видимъ, что большинство ихъ (1—4) прямо принадлежитъ къ одной темѣ, а именно *о людяхъ съ чудесными свойствами*. Разработку и распространеніе этой темы по Азіи и Европѣ прослѣдилъ Т. Бенфей въ статьѣ *Das Märchen von den Menschen mit den wunderbaren Eigenschaften, seine Quelle und seine Verbreitung* (въ Ausland 1858, №№ 41—45), ясно показавъ, что всѣ сказки этой темы пошли отъ индійской, которая вошла въ сводъ, извѣстный подъ именемъ «*Двадцать пять исторій упыря*» (о объ немъ мы будемъ говорить въ слѣдующей главѣ). Въ этой индійской сказкѣ Магадева, дочь перваго министра, проситъ отца отдать ее только за такого жениха, который будетъ обладать какимъ либо непревосходимымъ даромъ. Отецъ встрѣчается съ браминомъ, который построилъ повозку, способную летать по воздуху, и обѣщалъ ему дочь. Между тѣмъ старшій братъ дѣвушки обѣщалъ ее другому брамину, который имѣетъ даръ все узнавать, а мать обѣщала третьему, который способенъ далеко стрѣлять и попадать по одному звуку предмета. Всѣ три жениха сошлись въ недоумѣніи. Ночью злой духъ (ракшаза) унесъ дѣвушку на горы Виндія. Всевѣдущій узналъ, гдѣ она скрыта, стрѣлецъ вызвался убить ракшазу, а владѣлецъ летучей повозки далъ свой экипажъ, на которомъ была привезена дѣвушка. Отецъ недоумѣваетъ, кому изъ трехъ отдать дѣвушку. Упырь, разсказавъ эту басню царю Викрамадтію, спрашиваетъ его рѣшенія; царь присуждаетъ красавицу всевѣдущему: «ибо вѣдѣніе стоитъ выше другихъ свойствъ: усердія, мужества, терпѣнія, силы, мудрости и храбрости».

Въ этомъ рѣшеніи смыслъ *басни*, сложенной индійскими философами. Смыслъ этотъ затемнился въ побѣгахъ басни у другихъ народовъ, у которыхъ она превратилась въ *сказку*, разработавшую фантастическія подробности [1]). Кромѣ того въ дальнѣйшемъ своемъ

---

[1]) Обзоръ новыхъ, опубликованныхъ послѣ статьи Бенфея варіантовъ см. въ примѣчаніяхъ R. Koehler къ сербскимъ сказкамъ въ Archiv d. Slav. Philologie, т. V, стр. 37—38.

движеніи на сѣверъ (къ монголамъ, у которыхъ есть она въ передѣлкѣ исторіи Упыря, извѣстной подъ именемъ Шидди Куръ) и на западъ (отъ Ирана до западной Европы включительно) побѣги сказки этой переплелись съ побѣгами другихъ индійскихъ же сказокъ, особенно *сказки о томъ, какъ простой человѣкъ*, ткачъ, *сталъ мужемъ царевны, проникнувъ въ ея спальню* въ видѣ бога Вишну на деревянной птицѣ, въ родѣ Гаруды, птицы Вишну (Th. Benfey, Pantschatantra, II, 48—56; I, 159—162; изъ прямыхъ побѣговъ этой сказки, изданныхъ послѣ, укажемъ особенно у Садовникова «Сказки и преданія самарскаго края, № 62), а также съ *сказкой о царевнѣ, загадывающей женихамъ загадки, или дающей имъ задачи*, сказкой, которой найболѣе обстоятельные восточные варіанты представляютъ, по нашему мнѣнію, разсказы иранскіе, напр. у Низами, персидскаго поэта XI стол. (изложеніе см. у Hagen, Gesammtabenteuer, № LXIII, примѣч.) и въ «1001 день» повѣсть о китайской царевнѣ Турандоктъ и ногайскомъ царевичѣ Калафѣ (Les mille et un jours. Contes persans, trad. par Pétis de la Croix, 1845, 118 и слѣд., день 45 и слѣд.; повѣсть эту, какъ извѣстно, передѣлалъ въ XIII в. итальянецъ Гоцци въ драму, которую Шиллеръ перевелъ на нѣмецкій языкъ) [1]). Совокупность этихъ побѣговъ образуетъ обширную группу, весьма распространенную у разныхъ народовъ [2]). За опу-

---

[1]) Кромѣ этого въ 1001 днѣ есть нѣсколько разсказовъ на тему о царевнѣ, избѣгающей замужества и страшной для жениховъ, наприм. основной разсказъ повѣсти о царѣ Гормозѣ, который проникаетъ къ помрачающей умы царевнѣ въ видѣ полудиваго садовника (день 121 и слѣд.). Къ этой же, или во всякомъ случаѣ родственной темѣ, должна относиться и повѣсть о Джемшидѣ въ поэмѣ XI вѣка Кересаспъ-Наме, въ которой Джемшидъ, изгнанный Зогакой, женится на дочери кабульскаго царя, которая согласна выйти только за того, кто ее побѣдитъ (Spiegel, Eranische Alterthumkunde, I, 534—555; Mohl, Livre des Rois, I, Préface LXIII). Но поэма эта, напечатанная въ калькутскомъ изданіи Шахъ-Наме (Macan) недоступна намъ, такъ какъ она не переведена на европейскіе языки. Она должна быть очень интересна для сравненія и съ извѣстной исторіей сватовства Зигфрида и Брунегильды, боя Дуная съ Настасіей Королевишной и тѣхъ европейскихъ сказокъ, гдѣ соревнованіе въ загадкахъ замѣнено соперничествомъ въ силѣ жениха (или свѣта) и невѣсты, какъ напр. и въ великорусскихъ сказкахъ у Аѳанасьева, № 116, 150, въ украинской, у Чубинскаго, т. II, стр. 227—229, у Кулиша, Зап. о ю. Руси, т. II, стр. 61 и слѣд.

[2]) Изъ богатой литературы этой группы, кромѣ названныхъ выше, мы укажемъ здѣсь только важнѣйшіе варіанты или такіе, при которыхъ можно найти другія указанія: Oesterley, Gesta Romanorum, c. 70 (въ русскомъ переводѣ Рим

щеніемъ вступленія о чудесной блохѣ, сказка, записанная г. Франкомъ, принадлежитъ къ тѣмъ побѣгамъ указанной группы, въ которыхъ изображено *униженіе гордой царевны осмѣяннымъ ею женихомъ*. Наиболѣе родственные со сказкой г. Франка побѣги этого рода укладываются, по нашему мнѣнію, въ двѣ разновидности: а) *южноевропейскую*, въ которой особенно развитъ мотивъ, какъ отверженный, переодѣтый женихъ ухитряется (соблазномъ разныхъ чудесныхъ товаровъ) заставить гордую царевну провести съ нимъ ночь, послѣдствіемъ чего и было удаленіе ея изъ родительскаго дома; образцы этой разновидности даетъ неаполитанская сказка (у Базиле день IV, новелла 10, La soperbia castecata) и сицилійскія

кихъ Дѣяній, № 27), Hagen, Gesammtabenteuer №№ 10, 63, 64, Grimm, D. Kinder- und Hausmärchen, № 114, R. Koehler,—примѣчанія къ итальянскимъ сказкамъ въ Jahrbuch f. die Romanische und Englische Litteratur, 1866, 30—36 (тутъ же и еврейскій варіантъ о чудесныхъ братьяхъ) и Gotting-Gelehrte Anzeigen, 1858, 1383—4 (объ итальянско-тирольской сказкѣ, въ которой даже загадки одинаковы съ загадками Туркандоктъ), Gonzenbach, Sicilianische Märchen, №№ 18, 31, 74, Imbriani, La Novellaja Fiorentina, № 26 (Il figliolo del pecorajo), Pitrè, Archivio per lo studio delle trad. popolari, I, 57—64, 183—190, Pitrè Novelle popolari toscane № 16 (Soldatino), Legrand, Recueil de contes pop. grecs, 39—46 (La princesse et le berger), Bladé, Contes p. de la Gascogne, III, 12—22 (Le navire marchand sur terre). Нѣкоторыя великорусскія сказки изъ темы о хитрой и разборчивой невѣстѣ (напр. Аѳанасьева, №№ 116, 131, 132) разсмотрѣны сравнительно съ похожими западными, г. Веселовскимъ въ статьѣ „Повѣсть о Василіи королевичѣ златовласомъ чешскія земли и народныя сказки“ (Замѣтки по литературѣ и народной словесности, т. I, стр. 62—80). Съ разсмотрѣнными г. Веселовскимъ сказками родственны также у Аѳанасьева варіанты № 130 (Елена Премудрая), а ко всей нашей группѣ принадлежитъ и великорусская сказка о Семи Семіонахъ (Аѳанасьевъ, № 84). Изъ украинскихъ къ занимающей насъ группѣ относятся, кромѣ разобранныхъ здѣсь, у Рудченка, т. II, стр. 78 (Летючій корабель; подобная же въ великорусскомъ переводѣ у Аѳанасьева, № 83), у Аѳанасьева вар. № 106 (какъ меньшій братъ добылъ царевну въ башнѣ), у Чубинскаго, т. II, стр. 327—229 (Про сильну царевну ср. въ Запискахъ о Ю. Руси Кулиша т., II, стр. 61 и слѣд. въ сказкѣ объ Иванѣ Голикѣ), стр. 265—269 (конецъ сказки Про Сучченка, похожій на Летючій корабель) и 269—278 (Про трехъ бративъ, що ходили до батька на могилу ночувать, про царивну, що седила на шклянній гори, про дурня Терешка, Елена царивна). Изъ этихъ украинскихъ сказокъ „Летючій корабель“ относится къ кругу сказокъ о чудесныхъ людяхъ; другія же интересно сравнить въ одну сторону съ аварской (Schiefner, Avarische Texte, № IV), а въ другую съ № XLIII Contes populaires de Loraine, Cosquin (ср. тамъ же №№ XI, XI, XII). Отмѣтимъ особо варіанты, въ которыхъ тема загадывающей загадки царивны слилась съ темой о дѣвушкѣ, подчиненной злому

(Ganzonbach, № 18, Pitrè, Fiabe, novelle i racconti siciliani, № 105) [1]) и b) *среднеевропейскую*, въ которой болѣе, и притомъ своеобразно, развитъ мотивъ наказанія царевны неудачными и унизительными работами; примѣры этой разновидности даютъ бр. Гриммы (№ 52, Der König Drosselbart или Brösselbart) и Ад. Кунъ (Westfalische Sagen, Gebräuche und Märchen, II, № 17, 251—255, Die drei Bälle, ср. тамъ-же № 13, стр. 239—243, Die drei Bünde [2]).

духу, составляющей между прочимъ основу нашего Вія, пошедшую тоже изъ Индіи: армянскій вар. изъ Гекстгаузена, Transcaucasia, у Benfey, Pantschatantre, I, 445—448; Hahn, Griechische und Albanische Märchen, № 114; Schott, Walach. Märchen, № 21; Чубинскій, т. II, стр. 113—132. Интересное во многихъ отношеніяхъ переплетеніе поэмы о невѣстѣ съ загадками съ темой о кровосмѣшеніи, которая пошла въ новоевропейскихъ сказаніяхъ отъ исторіи Эдипа (тоже съ загадками) отвлекло бы насъ далеко въ сторону, а потому мы ограничимся только его указаніемъ въ сказкѣ ментонской (Romania 1881 г., 244—245) и тосканской (Archivio per lo studio delle tradizioni popolari, I, 183—190). Въ обоихъ герой, плодъ кровосмѣшенія, надѣваетъ перчатки изъ кожи своей умершей матери.

[1]) Другіе итальянскіе варіанты, которыхъ мы не имѣемъ подъ рукою, указаны и отчасти срезюмированы у Гонзенбаха и Питре. Къ итальянскимъ варіантамъ подходитъ и португальскій (Cochlo, Contos pop. portuguezes, 100—102). Изъ итальянскихъ ливорнскій (Knust. Ital. Märchen, № 9, царскій сынъ въ видѣ пекаря, въ Jahrbuch f. Roman. und Engl. Literatur., 1866, 349) сильно отклонился отъ своихъ родственниковъ: въ немъ атрофировались детали соблазна царевны, осталось только испытаніе ее бѣдностью, причемъ устранились опыты ея воровства. Это самый цѣломудренный и самый гуманный варіантъ.

[2]) Къ этимъ нѣмецкимъ сказкамъ, особенно къ гриммовскимъ, примыкаютъ французскія (Sebillot, Contes pop. de la Haute Bretagne, I, № 23; La de daignaise punie и Cosquin, Contes pop. de Lauraine, № 44, La princesse d'Angleterre) и ирландская (Kennedy, Fireside stories of Ireland, II, 114). Первая половина № 17 у Kuhn, а также старонѣмецкое стихотвореніе (довольно скабрезное) Die halbe Birne (Hagen, Gesammtabenteuer, № X) вяжутъ названные нѣмецкіе варіанты съ скандинавскими (Norvegische Volksmärchen, des. v. Asbjörnsen und Moe, deutsch v. Bresemann, II, № 15 и Grundtarig, Gamle dans na Minder, III, 1, у г. Веселовскаго). Другая норвежская сказка (Bresemann, II, № 8) вмѣстѣ съ словацкой (Божены Нѣльцовой, Sebrany spisy, VII, 213 и др. у г. Веселовскаго) и № 14 Simrock, Deutsche Märchen, вводящія въ дѣло чудесные предметы, въ родѣ скатерти самобранки, которыми герой приманиваетъ царевну, составляютъ третью разновидность, *съверовосточную*, которая родственна въ одну сторону съ великорусскими сказками (у Аѳанасьева, № 136 и 133, у Рыбникова, Пѣсни, т. III, № 57) и съ старорусскою повѣстью о Василіи королевичѣ, а въ другую съ исландской сагой XIV ст. Clarus Saga, которая, по признанію автора, епископа Йона Гельдерсона, сдѣлана по латинскому стихо-

Мы думаемъ, что среднеевропейская разновидность пошла отъ южной, какъ это видно наглядно на болонскомъ варіантѣ Brisla in barba (Propugnatore, VII, № 15). Сама же южная разновидность, а также отчасти и третяя можетъ быть возведена къ персидской сказкѣ о царѣ Гормозѣ, переодѣтомъ въ *шолудиваго садовника* (пузырь на головѣ) у царевны Резіи, которая помрачаетъ умы мужчинъ своею красотою, но потомъ сама прельщена пѣніемъ и пляскою Гормоза, хотя теперь въ 1001 днѣ конецъ этой сказки измѣненъ, прилаживаясь къ другимъ похожденіямъ этого царя [1]). Переходная форма между сказкой о царевнѣ, загадующей загадки или задачи и сказкой объ униженной царевнѣ сохранилась, какъ намъ кажется, въ сербской сказкѣ у Караджича (Српске нар. приповијстке, № 23; она же у Krausz, Sagen und Märchen der Südslaven, I, № 101, ср. тамже, II, № 131), въ которой кромѣ того подробность обращенія неудачливыхъ жениховъ въ овецъ сближается съ эпизодомъ въ заключеніи основной исторіи 1001 дня. Такъ какъ въ тоже время другая подробность сербской сказки, подсматри-

---

творенію, найденному во Франціи (Clarus Saga, 1879 г. Lund; резюме въ Romania, 1879 г., 479 480 и у г. Веселовскаго). Начало саги сходно съ началомъ старонѣмецкаго стихотворенія о царевнѣ съ загадками (Gesammtabenteuer, № XLIII). Отмѣтимъ кромѣ того, что № 116 (вар. см. у Аѳанасьева), какъ и украинскія сказки объ Иванѣ Голикѣ, имѣютъ черты родственныя съ сагой, а варіантъ *a* № 116 сходенъ съ началомъ № 13 у Куна, гдѣ царевну похищаютъ чудесные люди, въ родѣ героевъ нашего „Летючаго корабля". Наконецъ въ старонѣмецкомъ стихотвореніи Der Jung-herr un der treue Heinriech, въ которомъ рыцарь ѣдетъ съ слугою, какъ въ названныхъ великорусскихъ и украинскихъ сказкахъ и исландской сагѣ, добывать (на турнирахъ) невѣсту, дочь кипрскаго короля, рыцарь, получивъ отъ птицы чудесный камень, летаетъ по ночамъ въ башню къ царевнѣ, какъ ткачъ въ Панчатантрѣ. Такимъ образомъ и этотъ сортъ сказаній все таки вращается въ кругѣ названныхъ выше основныхъ темъ всей нашей группы.

[1]) Сказка эта отчасти родственна съ темой, распространенной по Азіи, отъ Камбоджи и Индустана, и по всей Европѣ, о юношѣ съ чудесными волосами, которые онъ во многихъ варіантахъ прячетъ подъ пузыремъ, представляя изъ себя шолудивца; подъ конецъ онъ женится на царевнѣ, хотя приключенія его совсѣмъ другія (см. сводъ въ примѣчаніяхъ къ № XII у Cosquin, Le prince et son cheval). Изъ украинскихъ сказокъ къ этой темѣ принадлежатъ: у Чубинскаго, т. II, I отд., №№ 58 и 59, у Рудченка, т. I, № 48. Впрочемъ старорусскій разсказъ о златовласомъ царевичѣ Василіи соединяетъ тему объ униженной царевнѣ съ темой о златовласомъ юношѣ, а румынскія сказки о чудесномъ конѣ, которымъ мы займемся далѣе, прямо сближаются съ занимающей насъ группой.

ваніе счастливымъ женихомъ значка на тѣлѣ царевны, встрѣчается въ великорусской сказкѣ (у Аѳанасьева, № 131; довольно спутано и блѣдно), то слѣдуетъ тѣмъ болѣе думать, что занимающіе насъ побѣги сказки объ униженной царевнѣ отдѣлились отъ побѣговъ сказки о царевнѣ съ загадками еще на Востокѣ [1]).

Что касается до сказки г. Франка, то она, особенно во второй своей половинѣ, гдѣ описывается неудачная торговля царевны, ея служба на кухнѣ и роковой танецъ, близко подходитъ къ нѣмецкимъ варіантамъ. А такъ какъ эти послѣднія пошли отъ итальянскихъ и такъ какъ танецъ царевны мотивируется старымъ нѣмецкимъ обычаемъ танца на знатной свадьбѣ жениха съ кухаркой и невѣсты съ поваромъ (Kuhn, op. cit.), то слѣдуетъ признать, что галицкая сказка есть побѣгъ нѣмецкой [2]). Этотъ побѣгъ, подвинувшись въ Галицію съ Запада, притянулъ къ себѣ начало одного изъ побѣговъ родственной сказки о людяхъ съ чудесными свойствами и о невѣстѣ съ загадочнымъ насѣкомымъ, зашедшее въ Галичину съ юга.

Подобнымъ же образомъ прицѣпилось это начало и къ легендѣ С. Баронча о Бунякѣ. Мы видѣли, что сказки съ этой странной подробностію (греческая, албанская, итальянская, гасконская, румынская, хорватская) записаны въ мѣстностяхъ, расположенныхъ съ извѣстною правильностію у береговъ Средиземнаго и Чернаго моря, а потому слѣдуетъ предполагать, что эта подробность образовалась и прицѣпилась къ варіантамъ группы сказокъ о претенціозной невѣстѣ гдѣ нибудь въ бассейнѣ восточной половины Средиземнаго моря. Намъ кажется, что ключъ къ вопросу о томъ процессѣ фантазіи, по которому образовалась эта странная подробность, даютъ двѣ извѣстныя намъ румынскія сказки о трудной невѣстѣ.

Первая изъ нихъ (Schott, Walachische Märchen, 153—160, № 13, Die Princessin und der Schweinhirt) даетъ намъ основу уже

---

[1]) Тирольскій варіантъ (у Zingerle, Sagen, Märchen und Gebräuche aus Tirol, 436—441. Die drei Raben), слилъ оба мотива, пришедшіе въ эту нѣмецкую область, очевидно, изъ Италіи.

[2]) Замѣтимъ также, что редакція сказки г. Франка пропускаетъ общій итальянскимъ и нѣмецкимъ варіантамъ мотивъ предварительнаго осмѣянія царевной героя и черезъ то плохо мотивируетъ его переодѣванье.

извѣстныхъ намъ сказокъ о претенціозной царевнѣ, но только съ своеобразной переработкой подробностей. Здѣсь царевна, имѣя волшебное зеркало, соглашается выйти только за того, кто спрячется отъ нея такъ, что она не найдетъ его. Свинопасъ, при помощи благодарныхъ животныхъ, прячется разъ въ облакахъ, въ другой разъ въ морѣ. но царевна находитъ его. Наконецъ онъ идетъ въ лѣсъ, гдѣ и встрѣчаетъ великана; этотъ помогаетъ ему, превративъ его въ розу, которую продалъ царевнѣ и воткнулъ ей въ волоса. Зеркало не могло открыть секрета, и царевна должна была выйти за свинопаса [1]). Въ другой сказкѣ (тамже, 184—193, № 17, Iuliana Kosseschana) пріобрѣсти трудную невѣсту помогаетъ царевичу чудный конь. Тутъ самъ отецъ дѣвушки царь и волшебникъ и предлагаетъ жениху прятаться, при чемъ *поднимаетъ себѣ глаза* (очевидно вѣки) *костылями*, напоминая этимъ нашего Вія-Буняку. За третьимъ разомъ конь прячетъ царевича въ голову самому волшебнику, но уже не въ видѣ цвѣтка, а въ видѣ вши [2]). Мы думаемъ, что такого рода подробность въ дальнѣйшемъ своемъ

---

[1]) Интересно, какъ здѣсь прежній похититель невѣсты, ракшаза индійской сказки, дикій великанъ (Uorco) неаполитанской, обратился въ помощника жениху. Такъ точно въ датской сказкѣ „лѣсной великанъ“ помогаетъ принцу, переодѣтому садовникомъ, выиграть царевну побѣдами на турнирахъ (Grundtwig, Dänische Volksmärchen über v. Leo, 228—252, Der Waldmensch). Въ сербской сказкѣ (Караджичъ, № 27) великанъ появляется неизвѣстно зачѣмъ; въ лотарингской сказкѣ (у Cosquin № 43) выведено уже три великана, которыхъ убиваетъ герой-пастухъ и которыхъ оружіе онъ пускаетъ въ ходъ на турнирѣ. Любопытно видѣть, какъ фантазія сказочниковъ, при всѣхъ своихъ произвольныхъ полетахъ, все таки держится разъ пущенныхъ въ оборотъ образовъ.

[2]) Передъ этимъ эпизодомъ царевичъ долженъ прятаться отъ сестры царя волшебника, и конь, превративъ его въ вошь, прячетъ его межь своихъ зубовъ. Очевидно, что это удвоеніе мотива, не совсѣмъ ловкое, которое часто встрѣчается въ сказкахъ, особенно черезъ слитіе двухъ варіантовъ. Интересно видѣть, какъ *измѣняется образъ прятанія по мѣрѣ удаленія варіантовъ отъ Чернаго моря*: у трансильванскихъ нѣмцевъ женихъ прячется еще въ волосахъ царевны въ видѣ морскаго зайчика (Haltrich, D. Volksmärchen aus den Sachsenlande in Siebenbürgen, 3 Ausg, № 39), въ хорутанской сказкѣ (Valjavec, Narodne pripoviesti, 77—78) онъ прячется въ волосахъ у кобылы, въ великорусскихъ—въ одномъ въ книгу въ видѣ булавки, въ другомъ просто за зеркаломъ (Аѳанасьевъ, № 130), а въ третьемъ подъ кровать (Рыбниковъ, Пѣсни, т. I, стр. 452). Въ тоже время въ греческомъ варіантѣ проявляется юмористическое настроеніе, и женихъ прорывается подъ землю до стула царевны и колетъ ее булавкой въ задъ, пока

развитіи дала поводъ къ образованію мотива о чудовищномъ насѣкомомъ, которое царь или дочка его выставили на загадку женихамъ, и этотъ мотивъ сдѣланъ началомъ нѣкоторыхъ побѣговъ сказки о претенціозной царевнѣ [1]). Начало легенды С. Баронча о Бунякѣ есть, очевидно, отрывокъ подобнаго побѣга, который, по нашему мнѣнію, связался съ легендой о сокрытомъ въ землю царевичѣ совершенно случайно. Поводомъ къ этой спайкѣ могла послужить какая нибудь черта въ первоначальномъ украинскомъ варіантѣ, въ родѣ подробности греческаго и албанскаго варіанта, въ которомъ чудовищный женихъ названъ дьяволомъ и уноситъ царевну подъ землю. Образъ же діавола привелъ за собою имя Буикка. который, какъ мы видѣли уже и какъ увидимъ еще, отождествляется въ нашихъ народныхъ преданіяхъ съ чортомъ.

Такимъ образомъ спайка всего вступленія легенды С. Баронча съ самой легендой кажется намъ совершенно случайною, механическою и ужъ конечно не имѣющею никакого отношенія къ историческому Боняку. Замѣтимъ въ заключеніе, что и имя героини Елены не должно имѣть тоже никакого реальнаго, историческаго значенія, а представляется намъ просто сказочно-эпическимъ именемъ Елены (отголоскомъ Елены гомерической), которое и сохранилось въ со-

---

она разыскиваетъ его въ волшебное зеркало (Hahn, I, № 61). Тутъ еще разъ видимъ, *что сходство сказочныхъ образовъ совпадаетъ вовсе не съ племеннымъ родствомъ народовъ* (какъ было бы, если бы сказки были общимъ достояніемъ племенъ въ древности), *а съ ихъ географическимъ сосѣдствомъ.*

[1]) Въ подтвержденіе нашего предположенія о подобномъ образованіи занимающаго насъ теперь побѣга исторіи о невѣстѣ съ загадками, мы укажемъ еще на одну курьезную редакцію ея, какую находимъ въ гасконской сказкѣ у Bladé, Contes pop. de la Gascogne, II, 116 — 124. Le pou. Здѣсь дѣвушка, дочь мельника, думаетъ о женихѣ; въ эту минуту является нищій, получаетъ милостыню и говоритъ ей, что она останется довольной. Но вслѣдъ затѣмъ показывается изъ дупла дерева злой духъ Cagoloni dors и говоритъ ей, что онъ позаботится найти дѣвушкѣ жениха. Вечеромъ онъ приноситъ вошь и говоритъ дѣвушкѣ, что это ея женихъ, который останется таковымъ всю жизнь, если она черезъ три дня не угадаетъ, гдѣ онъ, духъ, спрячетъ три волосинки, которыя онъ возьметъ у ея головы. Вошь влазитъ дѣвушкѣ въ ухо и совѣтуетъ подчиниться, потомъ прячется въ голову злаго духа, высматриваетъ его спряты и, влѣзши затѣмъ въ ротъ дѣвушки, отвѣчаетъ на всѣ вопросы демона. При всей странности обработки и группировки подробностей этой сказки, все таки очевидно, что всѣ онѣ взяты изъ тѣхъ средиземноморскихъ сказокъ, которыми мы сейчасъ занимались.

отвѣтственныхъ сказкахъ великорусскихъ и украинскихъ (см. выше указаніе на Аѳанасьева и Чубинскаго) и которое слѣдуетъ видѣть и въ румынской Юліанѣ.

IV.

Сказаніе о людоѣдѣ Бунякѣ и его секретѣ. Извращеніе его у польскаго хрониста Юзефовича и за нимъ у Энгеля и Костомарова. Древнія черты въ варіантѣ Юзефовича. Объясненіе сказанія у гг. Голубовскаго и Халанскаго. Его сходство съ монгольскимъ разсказомъ въ Шиддѣ Куръ и классической сказкой о Мидасѣ. Побѣги послѣдней въ Греціи, Сербіи, странахъ кельтическихъ и въ Азіи. Вопросъ о происхожденіи и распространеніи сказокъ о Мидасѣ. Новоазіатскій источникъ нашего преданія о секретѣ Буняка. Его спеціальныя особенности. Отношеніе къ сказкамъ о Костіѣ. Заключеніе: объ интер національномъ характерѣ нашихъ народныхъ преданій о Бунякѣ.

Въ сводѣ «малорусскихъ народныхъ преданій и расказовъ» г-на Драгоманова (стр. 224—226) напечатаны еще двѣ легенды о Бунякѣ, записанныя на Волыни. Вотъ онѣ:

А) *Буняково замчище и Настина могила.* Про це замчище багато де чого розсказують. Найлучче, якъ бы вы спиталися у нашого добродія; у ёго тамъ у церковнихъ записахъ, кажуть, е переписано про все: и коли ти валы повысыпувани и хто тіи мури муровавъ, що теперъ одъ ихъ тильки цегла та каминячки валяються,—про все тамъ е. То, бачите, инши говорять, що тамъ колись мисто було, нибы на тому городищеви; говорять, що и церква була и що тую-бъ то церкву перенесено въ Деревичи. Ще росказують (хто ёго зна, чи воно казка, чи що, такъ стари люди росказують, то й я за ними), що нибы колись давно, давно сидивъ у тому городищеви якійсь лицарь, звався винъ Шолудивый Буняка. И бувъ той лицарь не абы який, навить и тиломъ не такій, якъ повинно бути людыни; мало того, що страшенно велыкій, ще, выбачайте, у ёго печинки й легке то були на верси, отакъ отъ и стремили за плечима, такій то неподобный бувъ той Буняка! Ну, живъ винъ собі у городищеви, и дуже ёго вси боялись; найстрашнійшій же винъ бувъ ось черезъ що: ûвъ людей. Отакъ таки справди ûвъ; оце кажуть, звелить було, щобъ ёму привели що найкращого хлопця, та визьме та и зъисть. И такъ кожного: що приведуть, то й зитне, то й зитне. Багацько позбавлявъ Буняка такимъ способомъ людей,

але жъ таки и ёму добра причина сталася! Пришла, бачите, черга ити въ замчище, тобъ то на убий, якомусь то тамъ хлопцеви (бо то хлопцивъ тихъ по черзи брали и постачали Буняци). А въ того хлопця була тилько мати, батько не давно вмеръ. Отъ та бидна мати плаче вже, плаче, та побивается, що никому порятувати хлопця. А якъ ёго вырятувати? Плакала та жинка, плакала, а дали щось то ій пришло на думку, перестала побиватися, розважилась и просить тильки людей, тихъ, що мали вести хлопця до Буняки, щобъ зачекали годиночку, поки вона щось зготуе сынови на остатню дорогу. Ти кажуть: добре. Отъ чекають; а вона взяла, пишла, нациркала у себе зъ грудей покорму, замисила зъ того покорму тиста, спекла перижкивъ, та даючи ихъ своему хлопцеви й каже: «на жъ, сыну, оци тоби перижки, та ось що зъ ними зроби: якъ прыйдешъ до Буняки, то конешне пидведи его, щобъ винъ хоть едного перижка ззивъ; отцимъ ты маешъ вызволитися, бо якъ Буняка наиться моихъ перижкивъ, то вже тебе не займе, для того, що вважатиме тебе за брата (то бъ то черезъ ій покормъ).

Ну, той хлопець такъ и зробивъ: якъ прыйшовъ у замчище, то умисне и ставъ такъ ûсти материни перижки, щобъ Буняка побачивъ. Той побачивъ, тай питаеться: «що се ты ûси?»—«Це каже, мини мати дала, выряжаючи въ остатню дорогу».—«А дай лишъ, каже Буняка, покоштувати, що тамъ воно таке»! Хлопець отдавъ ему перижки, а той и поивъ ихъ. Якъ же наився Буняка тихъ перижкивъ, заразъ и почувъ, яка въ ихъ заправа була. «Ну, каже, хлопче, дякуй своій матери, що такъ мудро вхитрувалася: теперъ ты еси вызволенный видъ смерти, не можу бо я тоби того лйха заподіяти, черезъ те, що ты стався мени братомъ».

Отъ той хлопець уже такій радый, такій радый, неначе справди въ друге на свитъ народився! Ото жъ хотивъ бувъ по тій розмови мерщій до дому бигти, а потимъ роздумався и не побигъ заразъ: «останусь лишъ я, каже самъ соби, на якій часъ тутъ ще; я, мовлявъ, теперъ безпечный, Буняка мене не ззисть, а тымъ часомъ зроблю ось що: заподію нашому ворогови таке, щобъ винъ не тильки мене, але и никого больше не мигъ безвременне на той свигъ заганяти»! Ото и зостався при Буняци; у ночи Буняка заснувъ, а той хлопець мерщій до ёго въ хату, пидступився нищечкомъ до лижка, та черкъ ножемъ и видтявъ Буняци печинки

(вони жъ, бачите, на верси були). Якъ видтявъ, Буняка заразъ и пропавъ! [1]).

Б) Въ сёму миропильскому займищи, отъ що зовуть *Буняковымъ*, въ гору по Случи, за мистечкомъ у лиси, живъ колись то давно поганый Буняка, ворожбитъ татаринъ. Коло того займища давно колись бувъ перевизъ черезъ Случь и йшовъ шляхъ на Бердичевъ; того лиса, що навкруги ёго теперечки росте, зовсимъ не було. Отъ той Буняка дуже любивъ Настю, тутешню таки дивку, чи молодыцю, и взявъ ии до себе за жинку. А вона ёго не любила. Та ще якъ стала зъ нимъ жити, то й доглядилася, що у его печинки на верси, такъ просто за плечима, и побачила вона, що то винъ не абы зъ кимъ знаеться.

Отъ та Настя якось одкралася, тай утекла отъ Буняки; а винъ доганяти! Наздогнавъ ии у степу, що теперъ за Миропильямъ, туда до Гордіевки, вговорюе вернутися, а вона каже, що черезъ те и те не хочу. Тоди Буняка бачить, що вона про ёго усе знае, та й убивъ ии. Ота жъ сама Настя сказала була, щобъ на ии коштъ поставили у степу корчму. То отъ, де ии вбито, высыпали могилу, такъ вона и зветься Настина могила, а на степу за Миропильемъ постановили корчму, вона и теперь стоить и тежъ зветься Настиною [2]).

Вторая изъ этихъ легендъ, очевидно, передана неполно и потому не совсѣмъ ясна. Кажется, она относится къ одному кругу съ тѣми частями разработанныхъ въ предъ идущей главѣ преданій, которыя ставятъ Буняка въ конфликтъ съ женщиной [3]). Мы отказываемся отъ дальнѣйшаго обсужденія этого разсказа впредь до нахожденія другой, болѣе полной его редакціи, отмѣтивъ изъ него только подробность о «печинкахъ на верси», которая сближаетъ его съ первой изъ приведенныхъ сейчасъ легендъ, интересной во многихъ отношеніяхъ.

---

[1]) Слышала Ольга Косачева отъ крестьянина села *Деревичи*, новоградволынскаго уѣзда.

[2]) Слышано отъ крестьянина въ мѣстечкѣ *Миропилья* и передано Ольгой Косачевой.

[3]) Подобно царицѣ Еленѣ въ вар. Баронча, и имя Насти въ этомъ варіантѣ должно быть тоже эпическимъ. *Настасья Прекрасная* въ нашихъ, какъ и въ великорусскихъ, сказкахъ замѣняетъ собою Елену Прекрасную (см. Драгоманова, Малор. нар. преданія и пр., 286, 299, Чубинскаго, II, 308, Аѳанасьева, №№ 178, 179 и др.).

Эта легенда еще раньше была изложена Костомаровымъ въ разсказѣ о возстаніи волынской черни во время Богдана Хмельницкаго въ 1648 г. «Злодѣянія волынскихъ возстанцевъ, говоритъ нашъ знаменитый историкъ, остались въ народной памяти и теперь въ дико-фантастическомъ образѣ Шолудиваго Буняка: это имя древняго хана половецкаго преданіе помѣстило въ эпохѣ Хмельницкаго. Говорятъ, что такъ назывался начальникъ одного загона: онъ, по преданію, былъ мертвецъ, вставшій изъ гроба, имѣлъ человѣческое лице, снаружи казался живымъ существомъ, но внутренность его была наполнена гнилыми костями и это было видно, когда онъ раздѣвался. Онъ каждый мѣсяцъ ходилъ въ баню и бралъ съ собою козака, котораго потомъ убивалъ, чтобъ тотъ не разсказалъ, кто онъ такой.... Пришла очередь пойти одному козаку, котораго мать была колдунья: она дала сыну пирогъ, испеченный на молокѣ груди своей. Сынъ предложилъ чудовищу въ банѣ этотъ пирогъ и тотъ догадался, когда съѣлъ его. «Ты ушелъ отъ смерти: я теперь братъ твой, потому что мы питались отъ груди одной матери, но я погибъ». Названный братъ перебѣжалъ къ полякамъ, открылъ имъ, что слышалъ, и Шолудивый Бунякъ погибъ въ первой стычкѣ. Память о немъ до сихъ поръ сохраняется у волынскихъ поселянъ. Между Кременцемъ и Дубномъ, близъ мѣстечка Вербы, показываютъ курганъ, гдѣ будто бы погребенъ Бунякъ. Злые духи гнѣздятся тамъ, гдѣ только чудовище обитало въ жизни. Въ такихъ то фантастическихъ образахъ перешла къ потомству страшная эпоха возстанія козаковъ» [1]).

У Костомарова послѣ этихъ словъ стоитъ ссылка: «Gesch. der Ukraine von Engel, 156». Но обращаясь къ тексту Энгеля (Geschichte der Ukraine und der Ukrainischen Kosaken wie auch des Königreich Halitsch und Wladimir, Halle, 1796, 155—157), мы не находимъ никакого указанія на курганъ Буняка; очевидно, это указаніе взялъ Костомаровъ изъ другаго источника, быть можетъ, изъ собственныхъ воспоминаній о поѣздкахъ по Волыни. Въ самомъ текстѣ Энгеля исторія Буняка разсказана нѣсколько подробнѣе и сопровождается интересными для характеристики современныхъ автору историко-критическихъ пріемовъ соображеніями. «Съ большимъ основаніемъ,

[1]) Богданъ Хмельницкій, изд. 1884 г., т. I, стр. 342.

говоритъ нѣмецкій историкъ, обвиняютъ Хмельницкаго польскіе писатели въ томъ, что онъ поддавался недостаткамъ козацкой толпы, пьянству и гаданіямъ. На сколько послѣднее, вмѣстѣ съ всяческими другими суевѣріями, было въ ходу у грубыхъ козацкихъ воиновъ, показываетъ случай при осадѣ Замосця» (здѣсь Энгель разсказываетъ случай съ неудачнымъ пусканіемъ ракеты, который козаки поняли такъ, что «теперь не ихъ доля»). «Но характернѣе и страшнѣе, продолжаетъ онъ, преданіе, которое идетъ отъ времени Хмельницкаго и его военныхъ товарищей Кривоноса, Небабы, Нечая, Гладкаго и т. д. и которое сохранилъ Юзефовичъ (внизу Энгель цитируетъ Annales revolutionum Regni Poloniae et rerum notabilium civitatis Leoburgicae ab an. 1614—1700, a Joh. Thoma Josefowicz, canonico Leopol. et caet.): жилъ де нѣкогда, разсказываютъ старые козаки передъ теплою печкою въ долгіе зимніе вечера своимъ дѣтямъ, въ главное время войнъ ихъ отцовъ съ польскою шляхтою, герой, по имени Шолудивый (Solodiwi) Бонякъ, человѣкъ неизвѣстнаго происхожденія, съ паршивою головою, отъ которой онъ носилъ и имя, но знаменитый по своей ненависти противъ поляковъ и по тѣмъ могиламъ, которыя онъ имъ приготовилъ на Украйнѣ, которые и въ позднѣйшее время назывались холмами (могилами) Шолудиваго Буняка и которыя быстро доставили ему званіе атамана. Этотъ человѣкъ, котораго не брала никакая пуля, былъ никто другой, какъ воплощенный сатана въ человѣческомъ видѣ. Ничего у него не было подобнаго съ обыкновенными сынами земли, кромѣ лица, рукъ и ногъ, но вмѣсто туловища онъ имѣлъ только страшные потроха внутри голаго скелета». Дальше идетъ разсказъ, который передалъ Костомаровъ; наконецъ поляки, «при помощи религіозныхъ заклинаній», убили Буняка. Но духи до сихъ норъ гнѣздятся въ домахъ и замкахъ, въ которыхъ онъ живалъ. «Изъ этого видно, заключаетъ Энгель, что нѣкоторые удальцы поджигали козаковъ противъ поляковъ, даже распуская слухъ о своей неуязвимости, а когда они все таки умирали, то люди умѣли поддерживать вѣру въ эту неуязвимость разными баснями».

Какъ видимъ, сынъ «философскаго вѣка» усиливался раціонализировать басни, которымъ вѣрила «толпа». Но вмѣсто того историку слѣдовало бы обратить раціонализмъ на критику самого

текста польскаго писателя, у котораго онъ нашелъ басню о Бунякѣ, что мы сами сейчасъ и сдѣлаемъ.

Манускриптъ Юзефовича мы имѣемъ въ польскомъ переводѣ [1]), а въ немъ на стр. 266—268, подъ 1648, а не 1663 годомъ, въ описаніи похода короля Яна Казиміра на Украйну, во время смутъ при Юріѣ Хмелницкомъ (а не Богданѣ), находимъ исторію Буняка въ такомъ видѣ: «Во время этого похода, или, можетъ быть, во время другихъ, немного давнѣйшихъ (!!) палъ, какъ говорятъ, въ борьбѣ съ нашими и предводитель козаковъ, Шолудивый Буняка, величайшій непріятель поляковъ и поджигатель ненависти къ нимъ, страшилище, по всему дьяволъ въ человѣческомъ видѣ. А такъ какъ имя его очень извѣстно на Украинѣ, и много могилъ насыпано на Полѣсьи, къ Кіеву, покрытыхъ лѣсами сосновыми и дубовыми, которыя носятъ его имя, то думаю не будетъ некстати, если я раскажу о немъ слѣдующую повѣсть, которая и до сихъ поръ держится у козаковъ, какъ найправдивѣйшая исторія... Нѣкоторые козаки разсказываютъ, что Шолудивый Бонякъ, названный такъ ради паршивой головы, прибылъ неизвѣстно откуда, къ непріязненнымъ Польшѣ козакамъ и тѣмъ самымъ приставши къ войску, такъ отличился жестокостями не только противъ поляковъ, но и противъ козаковъ (!!), что въ скоромъ времени выбранъ былъ начальникомъ послѣднихъ. Этотъ злодѣй ходилъ разъ въ мѣсяцъ купаться и всегда бралъ съ собою одного изъ ряда реестровыхъ воиновъ, котораго самъ же послѣ купанья убивалъ, для того, чтобы этотъ не разсказалъ, что онъ, кромѣ лица, рукъ и ногъ и смрадныхъ внутренностей, не имѣлъ на себѣ ни мяса, ни тѣла живущихъ людей, а только кожу и кости, какъ видимъ на трупахъ, или на картинахъ представляющихъ смерть». Разсказавъ дальше извѣстную намъ уже исторію съ коржикомъ и про смерть Буняки, прежде неуязвимаго, каноникъ заключаетъ: если это не можетъ быть принято за правду, хотя козаки вѣрятъ въ подобныя чары, то пусть оно послужитъ читающимъ хоть для развлеченія. Достойно однако вниманія, что, какъ говорятъ, всѣ тѣ

---

[1]) Kronika miasta Lwowa 1634—1690 napisana spólcześnie w ięzyku Laciński przez X. J. Tomasza Józefowicza, teraz przełożona przez M. Piwackiego, Lwów, 1854.

мѣста, въ которыхъ этотъ Бунякъ проживалъ, страшны и не безопасны для людей и потому до сихъ поръ должны оставаться необитаемы. Пусть вѣритъ, кто хочетъ, разскащикамъ. Нѣкоторые думаютъ, что подъ именемъ Шолудиваго Буняка разумѣется Болеславъ храбрый, найболѣе отличавшійся въ тѣхъ сторонахъ польскій король».

Сравнивая тексты Юзефовича, Энгеля и Костомарова, мы наглядно видимъ, какъ новые историки поддались вліянію польскаго хрониста, первый, желая представить типическія суевѣрія «грубыхъ людей», а другой—усмотрѣть поэтическое отраженіе исторической дѣйствительности въ народной фантазіи. Изъ разсказа Юзефовича вовсе не видно, что «народное преданіе помѣстило имя древняго половецкаго хана въ эпохѣ Хмельницкаго», а видно, что *имя это* и *прицѣпившіяся къ нему сказанія привязывались къ разнымъ урочищамъ (въ томъ числѣ и старымъ могиламъ) и временамъ*, и что разные люди, конечно грамотѣи, а вовсе не народъ, усматривали подъ этимъ именемъ разныя личности, отъ Болеслава Храбраго до начальника козацкихъ загоновъ, при чемъ первые были вѣроятно русины, а вторые поляки. Полякъ Юзефовичъ охотно помѣстилъ Буняку въ козаки, не замѣтивъ даже противурѣчія въ томъ, что его преданіе дѣлаетъ Буняку мучителемъ и козаковъ; при этомъ онъ все таки не рѣшается окончательно опредѣлить эпоху дѣятельности и смерти своего героя и, ставя смерть его подъ 1663 г., прибавляетъ: «а можетъ быть и ранѣе». Сравнивъ же расказы Юзефовича съ легендою, слышанною г-жею Косачевою «изъ устъ народа» и переданною безъ всякой тенденціи, мы видимъ, что преданіе о Бунякѣ не имѣетъ ничего общаго съ козацкой эпохой, и потому уже, конечно, существовало у него раньше ея, въ томъ почти видѣ, въ какомъ оно существуетъ и теперь и въ какомъ расказывалось и во время Юзефовича, разсказъ котораго, если отбросить отъ него наивную, хотя и тенденціозную историзацію польскаго хрониста, въ основѣ почти одинаковъ съ варіантомъ г-жи Косачевой.

Впрочемъ между обѣими редакціями есть и отличія, довольно интересныя для естественной исторіи развитія этой и подобныхъ тэмъ. Такъ редакція Юзефовича ничего не говоритъ о людоѣдствѣ и въ тоже время не дѣлаетъ сына вдовы прямымъ убійцей Буняка,

а дѣлаетъ смерть послѣдняго фатальнымъ послѣдствіемъ открытія его тайны. Редакція Юзефовича, по времени записи, болѣе старая, и уже по этому можно предположить, что она прочнѣе сохранила типическія черты сказанія. Но это предположеніе подтверждается, какъ увидимъ дальше, и сравненіемъ нашего сказанія съ родственными ему иностранными.

Вышеприведенное сказаніе обратило на себя вниманіе и другихъ нашихъ ученыхъ, кромѣ Костомарова. Одинъ изъ нихъ, г. Голубовскій въ сочиненіи «Печенѣги, Торки и Половцы до нашествія татаръ» (III, Дополненіе) строитъ по поводу его слѣдующую теорію роста подобныхъ сказаній.

«Въ 20 того же мѣсяца день пятокъ, въ часъ 1 дне, пріиде *Бонякъ* безбожный *шолудивый*, отай, хищникъ, Кыеву...», такъ разсказываетъ лѣтопись объ одномъ смѣломъ нападеніи этого хана на Кіевъ. Народная фантазія разукрасила его образъ и придала ему чудовищныя черты. Онъ жилъ въ этомъ городищѣ и ѣлъ людей, которыхъ ему доставляли по очереди... Ханъ половецкій, Бонякъ Шолудивый, никогда не жилъ тамъ, куда пріурочено его имя народнымъ преданіемъ. Но это сказаніе интересно еще въ томъ отношеніи, что показываетъ, какъ съ теченіемъ времени наслаиваются новыя и новыя подробности на первоначальную основу преданія и какъ самый образъ дѣйствующаго лица постепенно измѣняется въ народной памяти, теряя свои оригинальныя черты, обобщаясь, получая чудодѣйственную окраску. Народъ помнилъ о существованіи страшнаго врага своихъ предковъ, уводившаго при своихъ нападеніяхъ плѣнныхъ, которые по большей части навсегда были потеряны для родной земли,—онъ ихъ съѣдалъ. Съ поколѣніями все болѣе и болѣе стушевываются дѣйствительныя черты бывшей жизни и событій давно минувшихъ, исчезаетъ память о томъ, что нѣкогда велась борьба съ врагами, о томъ, какъ она велась. Остается только ясное воспоминаніе, что существовалъ нѣкогда врагъ, уничтожавшій населеніе, поѣдавшій его; населеніе не могло съ нимъ справиться, стало быть, этотъ врагъ обладалъ какой то чудодѣйственной силой. На такой стадіи развитія народное преданіе не останавливается. Разработка его идетъ у народа далѣе; наслоенія и обобщенія все далѣе растутъ. Теряется самое имя врага; стушевываются послѣднія оритинальныя

черты лица (все равно, будетъ ли это цѣлый народъ или отдѣльный человѣкъ) и событій; память о борьбѣ съ врагомъ сливается все болѣе и болѣе съ памятью о доисторической борьбѣ съ силами природы, которыя олицетворены уже у народа въ образъ великановъ и змѣевъ. Подъ этими общими образами являются потомъ и всѣ враги, по большей части, цѣлыя племена, съ которыми приходилось долго и кроваво бороться осѣдлому населенію. Въ такомъ видѣ преданіе переходитъ въ былину».

Всѣ эти соображенія, которыя характеризуютъ цѣлое, болѣе или менѣе господствующее теперь, направленіе въ средѣ изслѣдователей нашего народнаго быта и исторіи, были бы гораздо ближе къ истинѣ, если бы изслѣдователь допустилъ, въ числѣ наслоекъ на остатки первоначальнаго воспоминанія объ извѣстномъ историческомъ событіи или лицѣ, и *наслойки образовъ, возникшихъ совсѣмъ не въ той странѣ, гдѣ имѣло мѣсто это событіе, гдѣ дѣйствовало это лицо, т. е. наслойки сказаній чуженародныхъ.* Но, очевидно, г. Голубовскій, стоя на точкѣ зрѣнія объ исключительно почвенномъ, національномъ происхожденіи народныхъ сказаній, вовсе не имѣлъ въ виду даже возможности наслоекъ такого рода[1]). Эту возможность предположилъ въ данномъ случаѣ Халанскій въ книгѣ «Великорусскія былины кіевскаго цикла» (Варшава, 1885, 34—37), только ему не удалось попасть на настоящую дорогу въ поискахъ за оригиналами нашей легенды о Бунякѣ. Г. Халанскій сравнилъ эту легенду съ сказаніями пятигорскихъ татаръ и другихъ сосѣднихъ съ ними кавказскихъ племенъ о бо-

---

[1]) Вслѣдъ за выше приведеннымъ построеніемъ эволюціи сказки о Бунякѣ, г. Голубовскій подобнымъ же образомъ конструируетъ образованіе на національно-исторической почвѣ сказокъ о Кожемякѣ, не смотря на то, что интернаціональный характеръ этихъ сказокъ былъ указанъ въ русской литературѣ въ статьѣ г. Буслаева „Клинообразныя надписи Ахеменидовъ“, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, 1873 г., декабрь, стр. 722—725 и въ примѣчаніи къ украинскому сказанію Илья Швець и змій, въ Малорос. народн. преданіяхъ и разсказахъ М. Драгоманова, стр. 249. Количество параллелей можно увеличить гораздо болѣе. На основаніи всѣхъ ихъ намъ кажется, что родину сказанія слѣдуетъ признать и въ этомъ случаѣ въ Иранѣ, а не въ Вавилонѣ, какъ думаетъ г. Буслаевъ. На Вавилонъ только перенесли иранцы мѣсто жительства своего змія въ послѣдствіи, а отъ нихъ приняли эту локализацію евреи (апокрифъ о Даніилѣ).

гатыряхъ-*нартахъ* и чудовищныхъ женщинахъ великанахъ, *эмегенахъ*, особенно съ сказаніемъ о женитьбѣ нарта Алаугана на дочери Эмегены. Богатырь спасъ себя отъ Эмегены тѣмъ, что, подкравшись сзади, пососалъ закинутыя на спину груди великанши и такимъ образомъ сталъ ея молочнымъ сыномъ [1]). І. Халанскій приводитъ также подобную же подробность въ аварской сказкѣ, а также кавказскіе обычаи усыновленія и заключаетъ: «по этому намъ кажется, что малорусское преданіе о Шелудивомъ Бунякѣ сложилось подъ непосредственнымъ вліяніемъ кавказскихъ и, можетъ быть, черкесскихъ сказаній и обычаевъ».

Между тѣмъ гораздо большее сходство съ нашимъ преданіемъ о Гунякѣ представляетъ одно изъ сказаній, вошедшее въ монгольскую книгу Шидди-Куръ [2]). Книга та есть передѣлка индійской *Vetala pantcha vincati* (26 разсказовъ упыря), составленная по всей вѣроятности при посредствѣ тибетской редакціи первоначальнаго индо-буддійскаго оригинала, до сихъ поръ еще ученымъ неизвѣстной [3]).

---

[1]) Матеріалы для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, Тифлисъ 1881 г., т. I, II, стр. 8 — 10. У насъ, къ сожалѣнію, нѣтъ подъ рукою этого изданія.

[2]) Оставляя параллель г. Халанскаго для другой, какъ увидитъ читатель, болѣе близкой, мы замѣтимъ, что изображенный въ приводимыхъ г. Халанскимъ кавказскихъ сказаніяхъ способъ обезоруженія чудовищной женщины не составляетъ исключительной принадлежности кавказскихъ преданій. Мы встрѣтили, напримѣръ, въ сѣверо-африканской сказкѣ кабиловъ, чрезвычайно подходящей и къ европейскимъ сказкамъ о трехъ братьяхъ и о добываніи младшимъ жаръ-птицы, коня и чудесной дѣвушки, такое-же самое обезоруженіе (Riviere, Recueil de contes populaires de la Kabylie du Djurdjura, 239). Въ тоже время мы встрѣчаемъ въ великорусской сказкѣ того же круга образъ бабы-яги, которая лежитъ въ избушкѣ, „нзъ угла въ уголъ ноги уперла, титьки черезъ грядки висятъ“ (Садовниковъ, Сказки и преданія самарскаго края, стр. 32). Очевидно, что родины остановившихъ на себѣ вниманіе г. Халанскаго кавказскихъ обрядовъ, какъ, добавимъ, и всей русской бабы-яги, въ которой многіе наши ученые видятъ существо древнеславянскаго Олимпа, надо искать даже не на Кавказѣ, а дальше на Востокѣ.

[3]) Основой индійской книги служитъ исторія о томъ, какъ царь Викрамадитія, по просьбѣ коварнаго *йоги*, колдуна, отправляется принести трупъ, висящій на деревѣ, на мѣсто волхвованій, имѣющихъ цѣлью пріобрѣтеніе *siddhi*, т. е. высшихъ совершенствъ (въ томъ числѣ пріобрѣтенія способности дѣлать золото). По дорогѣ царь долженъ молчать, но трупъ разсказываетъ ему исторію и предлагаетъ замысловатые вопросы, на которые царь, не утерпѣвъ, отвѣчаетъ, послѣ чего трупъ всякій разъ уходитъ на старое мѣсто. Подъ конецъ трупъ,

Въ 22-ой главѣ монгольской редакціи трупъ разсказываетъ герою (здѣсь царевичу Сайнъ Амулучану) слѣдующую исторію: «Нѣкогда давнымъ давно жилъ въ странѣ чернокитайской, на востокѣ Индіи, царь, по имени Дангбонгъ, у котораго былъ сынъ. Этотъ сынъ не показался народу ни разу съ тѣхъ поръ, какъ вступилъ на престолъ. Каждый день онъ бралъ изъ народа красиваго мальчика и послѣ того, какъ этотъ причесывалъ ему волосы, убивалъ его. Въ теченіе многихъ лѣтъ такъ перебилъ онъ много молодыхъ людей, когда наконецъ дѣло дошло до сына одной старухи. Когда очередь расчесывать волосы царю пала на этого юношу, мать его опечалилась мыслью о его смерти. Она надѣла сыну новое платье, замѣсила въ тѣсто муку молокомъ изъ своей груди и сдѣлала хлѣбцы, которые спрятала ему за пазуху съ такимъ наставленіемъ: «когда будешь причесывать волосы царю, постарайся ѣсть эти хлѣбцы, то онъ тебя не убьетъ». Мальчикъ пошелъ къ царю и когда сталъ расчесывать ему волосы золотымъ гребнемъ, оказалось, что у царя ослиныя уши. Тутъ была причина, почему царь убивалъ мальчиковъ, такъ какъ онъ боялся, что они разскажутъ объ этомъ народу. Пока мальчикъ чесалъ волосы царю, онъ ѣлъ свои хлѣбцы. Царь спросилъ: «это что такое?»—«Рисовые хлѣбцы!» отвѣтилъ мальчикъ.—«А дай мнѣ», попросилъ царь; тотъ подалъ царю хлѣбецъ. Съѣвши, царь сказалъ: «запахъ и вкусъ мнѣ нравятся, что тутъ за примѣсь?» Мальчикъ отвѣчалъ: «моя мать замѣсила это молокомъ своей груди и дала мнѣ».—Тогда царь по-

---

прельщенный мудростію и доблестію Викрамадити, открываетъ ему опасность, угрожающую ему отъ йоги; царь убиваетъ послѣдняго и самъ овладѣваетъ совершенствами. Книга переведена, или, лучше сказать, передѣлана на разные языки Индіи, и изъ этихъ передѣлокъ нѣсколько переведены на новые европейскіе языки. Изъ санскритской редакціи Сивидасы части переведены по нѣмецки Бракгаузомъ (Berichte der K. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaft, 1853, 281—306) и Лубертомъ (Der Vetâlapañcavinçati, Göez, 1875). Полный переводъ другой санскритской редакціи, внесенный въ огромный сборникъ сказокъ Сомадевы, сдѣланъ въ англійскомъ переводѣ этого сборника: Kathasaritsagara, transl. by Tawney (Calcutta, 1880—1884). Изъ переводовъ новѣйшихъ индійскихъ редакцій важнѣе другихъ Osterley, Baital-Pachisi, Leipzig, 1873 (hindi), по обстоятельности сравнительныхъ примѣчаній. Монгольская передѣлка переведена на русскій языкъ въ Этнографич. Сборникѣ, т. VI, а потомъ точнѣе на нѣмецкій (Jülg, Kalmükische Märchen, Leipz., 1866 и Mongolische Märchen, Insbruck, 1868).

думалъ: «нельзя мнѣ его убить; гдѣ во всемъ свѣтѣ возможно такое? послѣ того какъ мы оба пили молоко одной матери, противуестественно убивать человѣка собственнаго рода». А мальчику сказалъ: «я тебя не убью, но ты не долженъ говорить никому, что у меня ослиныя уши!»—«Никому не скажу, царь!» проговорилъ мальчикъ.—«Даже твоей матери не говори; если же ты кому нибудь проговоришься, я тебя убью». Такъ и сказалъ ему».

«Никто объ этомъ не узналъ. Мальчикъ вернулся домой. Другіе же, которые послѣ него ходили чесать волосы царю, по прежнему убивались. Всѣ были удивлены, какъ счастливъ оказался сынъ старухи. Всякій спрашивалъ его, что такое съ нимъ было; но онъ не говорилъ ничего ни матери, ни кому другому. Между тѣмъ, никому не сказавъ, что у царя уши длиннѣе, чѣмъ у другихъ людей, мальчикъ впалъ въ сильную, тяжкую болѣзнь, ибо онъ постоянно объ этомъ думалъ, внутри себя. Ни лѣкарства, ни жертвоприношенія, ничто другое, что дѣлается въ этихъ случаяхъ, не помогали ничего. Будучи уже близокъ къ смерти, позвалъ онъ врача, и когда тотъ пришелъ, далъ ему пощупать свой пульсъ. Врачъ сказалъ: «ты ничѣмъ не боленъ, кромѣ духа; въ такой болѣзни лѣкарства не помогутъ. Еслибъ ты могъ перенести на губы то, что у тебя на сердцѣ, и довѣрить какому нибудь человѣку, тогда бы ты выздоровѣлъ». Всѣ присутствующіе приставали къ нему: «если у тебя на сердцѣ есть малѣйшая тайна, то выскажи ее: когда же ты успѣешь открыть ее, если не сообщишь ее никому даже при смерти?» Но мальчикъ увѣрялъ, что у него нѣтъ никакой тайны, и не говорилъ ничего. Нѣсколько позже мать стала при одномъ случаѣ приставать къ нему и выспрашивать; онъ сказалъ ей: «я таки имѣю тайну; но если я выдамъ ее, то буду наказанъ царемъ». «Если это такъ, наставила мать, то иди въ безлюдную пустыню и выскажи ее въ яму въ землѣ, или въ щель въ скалѣ или деревѣ, и будешь здоровъ».—Сынъ пошелъ и нашелъ нору бурундака (родъ горностая) и крикнулъ туда: «у нашего хана ослиныя уши!» Выкрикнувши такъ четыре раза, мальчикъ выздоровѣлъ. Но бурундакъ, бывшій въ норѣ, услышалъ эти слова, понесъ ихъ далѣе и они, подхваченныя вѣтромъ, донеслись до ушей царя. Царь подумалъ, что это мальчикъ сказалъ эти слова и послалъ за нимъ. Когда мальчика привели къ царю, тотъ ска-

залъ: «я тебѣ приказывалъ не говорить никому, а какъ только къ тебѣ приблизилась бѣда, такъ ты сейчасъ и выдалъ тайну?!» На этотъ вопросъ молодой человѣкъ отвѣтилъ: «я самъ никому дома не сказалъ ничего».—«Ты, очевидно, сказалъ какому нибудь человѣку, говорилъ царь, такъ какъ слова эти донеслись до меня; еслибъ ты ничего не говорилъ, какъ бы я могъ ихъ слышать?» Тогда мальчикъ отвѣчалъ: «возвратившись домой, я впалъ въ тяжкую болѣзнь» и т. д. (тутъ слѣдуетъ сжатое повтореніе прежде сказаннаго эпизода о болѣзни и врачѣ). «Если это не вѣтеръ выдалъ эти несчастныя слова, то кто бы иначе могъ принести ихъ?» На это царь сказалъ: «пусть будетъ по прежнему; я въ самомъ дѣлѣ услышалъ слова, перенесенныя вѣтромъ; за чѣмъ я буду его убивать?»—и обратясь къ молодому человѣку, продолжалъ: «ну, можетъ быть, ты знаешь какое нибудь средство скрыть мои ослиныя уши?» Юноша отвѣчалъ: «если ты, могучій царь, хочешь послушаться моего совѣта, то у меня есть средство помочь».—«Назови мнѣ, молодой человѣкъ, сказалъ царь, твое средство. Я послушаюсь!» И юноша началъ: «могучій царь, вели приготовить для твоей головы шапку и вели сдѣлать клапаны съ обѣихъ сторонъ головы, чтобъ скрывать уши, и надѣнь ее. Всѣ, кто къ тебѣ будутъ приходить, найдутъ приличнымъ являться къ тебѣ также одѣтыми». Царь одобрилъ предложеніе. Всѣ удивлялись и расхваливали такую шапку. И такъ какъ никто не зналъ, что у царя уши ослиныя, то онъ ввелъ въ моду эту шапку, которая стала извѣстна подъ именемъ шапки съ клапанами. Съ тѣхъ поръ старѣйшины стали носить такія шапки въ присутствіи Дайбангъ-хана. Молодой человѣкъ сдѣланъ былъ министромъ и убіеніе мальчиковъ королемъ прекратилось. Весь народъ чрезвычайно обрадовался и сталъ богатѣть и умножаться» [1]).

Сходство первой половины этого разсказа съ нашей легендой о Бунякѣ такъ очевидно, что не нуждается ни въ какихъ дальнѣйшихъ указаніяхъ. Главное отличіе между двумя версіями заключается въ томъ, что въ монгольской чудовищный человѣкъ имѣетъ ослиныя уши, тогда какъ въ украинской онъ имѣетъ не прикрытыя внутренности. Этимъ своимъ отличіемъ, равно какъ и своей второй

[1]) B. Jülg, Mongolische Märchen, 46—51.

половиной монгольскій разсказъ сходится съ классическою повѣстью о Мидасѣ, царѣ фригійскомъ, которая дошла до насъ въ найболѣе полномъ видѣ въ XI книгѣ метаморфозъ Овидія, вслѣдъ за другой, также очень распространенной въ классическомъ мірѣ, исторіей о томъ-же лицѣ. Такъ какъ эта исторія будетъ намъ нужна для соображеній о странствованіяхъ занимающей насъ повѣсти, то мы напомнимъ здѣсь вкратцѣ содержаніе ихъ обѣихъ.

Когда Вакхъ подошелъ къ горѣ Тмолу, надъ рѣкой Пактоломъ, Силенъ отсталъ отъ его кортежа; утомленный годами и пьяный, онъ попалъ въ руки фригійскихъ пастуховъ, которые отвели его къ Мидасу. Этотъ, будучи уже посвященъ въ вакхическія мистеріи, узналъ Силена, угощалъ его 11 дней и послѣ отвелъ его къ Вакху, за что получилъ отъ бога обѣщаніе исполненія его желаній. Мидасъ пожелалъ, чтобъ все, къ чему онъ коснется, обращалось въ золото. Глупое желаніе, такъ какъ несчастный долженъ былъ умереть съ голоду. По его новой просьбѣ богъ избавилъ его отъ своего дара, приказавъ ему выкупаться въ Пактолѣ, который съ тѣхъ поръ сталъ золотоноснымъ. Но Мидасъ не поумнѣлъ (pingue sed ingenium mansit) и опять попалъ въ бѣду. Панъ вступилъ съ Аполлономъ въ состязаніе въ музыкѣ, и Мидасъ, въ противность Тмолу и всѣмъ свидѣтелямъ, отдалъ предпочтеніе дудкамъ Пана передъ цитрой Аполлона. Делоскій богъ не потерпѣлъ, чтобъ столь грубыя уши сохраняли человѣческую форму, а удлиннилъ ихъ, покрылъ пухомъ, далъ имъ способность двигаться, словомъ—сдѣлалъ ослиными. Мидасъ прячетъ ихъ подъ пурпурной тіарой, но слуга, который стрижетъ ему волосы, узнаетъ его секретъ и, не будучи въ состояніи молчать, прошептываетъ его въ ямку въ землю. На томъ мѣстѣ выростаетъ густой тростникъ и, колеблемый вѣтромъ, разноситъ вѣсть объ ушахъ царя (Ovidii, Metamorph. XI, 85—193).

Послѣдняя половина разсказа о Мидасѣ: повѣсть о его ушахъ, по всей вѣроятности, сложилась не сразу, такъ какъ она состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ эпизодовъ: о наказаніи Мидаса богомъ и болтливомъ юношѣ, какъ это можно думать и потому, что у древняго миѳолога Гигина разсказанъ о Мидасѣ только первый эпизодъ [1]).

---

1) Hygini Fabulae, ed. M. Schmidt Jenae, 1872, CXCI Rex Midas, CLXV Marsyas. Здѣсь только Мидасъ самъ судитъ музыкальный конкурсъ Аполлона съ

Эта повѣсть о царѣ съ звѣриными (козьими, ослиными или конскими) ушами получила довольно широкое распространеніе въ старинной письменности и даже въ устной словесности европейскихъ народовъ. Въ послѣдней намъ извѣстны варіанты:

1) *Новогреческій*, напечатанный у Bernhard Schmidt, Griechische Märchen, Sagen und Volkslieder (Leipzig, 1877) № 4; варіантъ этотъ передаетъ исторію довольно спутанно, начиная ее почти съ конца. Осиротѣлый юноша срываетъ по дорогѣ тростникъ и дѣлаетъ изъ него дудку, которая проигрываетъ ему слова: «у царя, закрытаго пятью покрывалами, козлиныя уши». Идя дальше, юноша приходитъ въ царство такого царя, котораго цирульникъ признался, что выдалъ секретъ его землѣ. Еще раньше вѣщія дѣвы (Мойры) предсказали, что царь умретъ, если народъ узнаетъ его тайну. Теперь царь отдаетъ за юношу свою дочь и умираетъ.

2) *Сербскій*, напечатанный у В. Караджича, Српске народне приповијстке (у Беру, 1870 г., 2-е изданіе; библіографич. рукопись, стр. 150—152). Здѣсь исторія прямо начинается съ того, что царь Троянъ имѣлъ козьи уши. Чтобъ цырульники не выдали его тайны, царь убивалъ каждаго цырульника. Когда дошла очередъ до одного цырульника, тотъ сказался больнымъ и послалъ своего ученика. Этотъ замѣтилъ уши царя, но на вопросъ его, что онъ увидѣлъ особеннаго, отвѣтилъ, что ничего. Царь далъ ему двѣнадцать золотыхъ и приказалъ всегда приходить брить его. Только мальчикъ началъ чахнуть и наконецъ признался хозяину, что у него есть нѣчто на сердцѣ и что еслибъ онъ съ кѣмъ подѣлился, то ему бы полегчало. Хозяинъ совѣтуетъ разсказать тайну или ему, или духовнику, или же землѣ.—Дальнѣйшаго разсказывать нечего, кромѣ окончанія, которое въ сербскомъ варіантѣ тоже очень благодушно, но на другой ладъ; царь убѣдившись, что земля ничего не можетъ скрыть, простилъ цырульника и сталъ пускать всякаго брить его.

3) *Ирландскій*, помѣщенный у Kennedy Patrick, Legendary Fictions of the Irish Celts, 1866, 248 и слѣд. Это довольно длинная

Марсіасомъ. Схоліастъ къ Аристофану говоритъ, что Мидасу далъ ослиныя уши Вакхъ за то, что тотъ подсмотрѣлъ его ословъ (Scholiae Graeciae in Aristophanem, ed. Dindorph. v. Plutus, v. 287).

повѣсть, съ излишнимъ даже развитіемъ второстепенныхъ подробностей. Сущность ея заключается въ слѣдующемъ: въ старину былъ въ Ирландіи царь *Lora Lanschaeh* (или Labhradh Loingseach), который стригъ волосы только разъ въ годъ, послѣ чего цырульникъ исчезалъ куда-то. Когда такая участь постигла семь человѣкъ подъ рядъ, ни одинъ цырульникъ больше и не подходилъ къ замку. Король выдалъ приказъ приводить ему цырульниковъ по жребію. Первый жребій выпалъ на сына бѣдной вдовы; та успѣла выпросить сыну помилованіе, которое король ему и далъ, съ тѣмъ, чтобъ онъ поклялся никому не разсказывать, что видѣлъ у него. Молодой человѣкъ увидѣлъ у царя конскія уши, длинныя какъ у осла. Вслѣдъ за тѣмъ цырульникъ заболѣлъ. Докторъ посовѣтовалъ ему сказать свой секретъ въ щель дерева въ лѣсу. Черезъ нѣсколько времени былъ нааначенъ конкурсъ арфистовъ въ присутствіи всѣхъ королей и знати Ирландіи, на которой вызывались охотники состязаться съ Крафтиномъ, арфистомъ фатальнаго короля. Крафтинъ нашелъ порчу въ своемъ инструментѣ, пошелъ въ лѣсъ и срѣзалъ какъ разъ то дерево, въ которое цырульникъ проговорилъ свою тайну и сдѣлалъ изъ него себѣ новую арфу. Въ день конкурса арфа производила чудесные эффекты, которыхъ не въ состояніи были превзойти арфисты другихъ королей. Подъ конецъ Крафтина заставили опять играть, и арфа его пропѣла: «конскія уши имѣетъ Labhradh Loingseach»! Смущенный король поднимаетъ руки къ головѣ, сбиваетъ повязки, обнажаетъ свои уши и падаетъ безъ чувствъ. Когда онъ пришелъ въ себя, то раскаялся въ убіеніи бѣдныхъ цырульниковъ, назначилъ пенсіи ихъ женамъ и матерямъ и потомъ уже стригся, какъ обыкновенный человѣкъ.—Разсказчикъ, сообщившій собирателю эту повѣсть, ссылался на то, что, по словамъ знакомаго ему начетчика, она находится и въ писанныхъ исторіяхъ Ирландіи. И дѣйствительно, сказка эта найдена въ нѣсколькихъ кельтскихъ рукописяхъ, по которымъ она и напечатана въ болѣе короткомъ видѣ (въ оригиналѣ и въ англійскомъ переводѣ) въ Revue Celtique, II, 197—198 (Labraid Lore and his ears) и въ болѣе распространенномъ въ Keating, General History of Ireland, 1723, 161 — 167, откуда переведена по нѣмецки въ Maryenblatt, 1810, № 237 и помѣщена потомъ у Kletke (Marchensaal, 1845, II, 131 — 132). Здѣсь

король называется *Macin* по прозванію *Labhradh Loingseach*, а арфистъ его, какъ и въ двухъ предъидущихъ редакціяхъ, *Craftine*.

4) Подобный разсказъ былъ очень распространенъ въ концѣ прошлаго вѣка въ *Бретани*; о томъ говоритъ Cambray (Voyage dans le Finistere, Paris, (an VII de la Republique, II, 287), «король Порцмаршъ (Portzmarch) убиваетъ всѣхъ своихъ цырульниковъ изъ страха, чтобъ они не разсказали, что у него конскія уши. Разъ пришлось брить его интимному другу; этотъ поклялся не разсказывать того, что зналъ. Но не могши устоять противъ горячаго желанія разсказать объ этомъ явленіи, онъ, по совѣту одного мудреца, разсказалъ объ этомъ береговымъ пескамъ. На томъ мѣстѣ выросли три тростника, барды сдѣлали изъ нихъ части (des hanches) гобоя, которыя повторяли: «Порцмаршъ, король Порцмаршъ имѣетъ конскія уши [1]).

Какимъ образомъ объяснить это распространеніе сказки о Мидасѣ отъ Монголіи до Ирландіи? Вопросъ этотъ связанъ съ вопросомъ о происхожденіи и первоначальномъ значеніи исторіи Мидаса; а этотъ послѣдній вопросъ изъ числа запутанныхъ, главнымъ образомъ потому, что сказанія о Мидасѣ дошли до насъ не изъ первыхъ источниковъ. Всѣ классическія указанія ведутъ насъ въ Малую Азію, Фригію или Ѳракію, какъ въ страны, гдѣ дѣйствовалъ Мидасъ и гдѣ должны были существовать разныя сказанія о немъ [2]). Но эти сказанія дошли до насъ уже въ греческихъ отголоскахъ и даже сколько нибудь полныя редакціи ихъ, какъ Овидія, такъ и Гигина, мы имѣемъ уже въ латинскихъ копіяхъ этихъ отголосковъ. По этимъ копіямъ, равно какъ и по отрывочнымъ указаніямъ болѣе старыхъ, греческихъ писателей, весьма трудно возстановить спеціально-фригійскій образъ Мидаса и раз-

---

[1]) Revue Celtique, II, 507—508. Надо напомнить, что *Mark* по кельтски—лошадь. Эпизодъ о королѣ Маркесъ съ конскими ушами находится и въ одной изъ старо-французскихъ поэмъ о Тристанѣ (W. Grimm, Götting. Gel. Anzeigen 1824, I, 118, De la Villemarque, contes populaires des aneuns Bretons, I, 99). По словамъ Вилле'марке, сходный разсказъ существуетъ и у кельтовъ Уэльса.

[2]) Геродотъ (VIII, 138) помѣщаетъ сады Мидаса, гдѣ плѣненъ былъ Силенъ, въ Македоніи. Ксенофонтъ (Anabasis, I, 2, 13) вспоминаетъ ключъ Мидаса, царя фригійскаго, у города Ѳимбріи, гдѣ пойманъ былъ Силенъ, упившійся подлитымъ въ ключъ виномъ. Павзаній (Descriptio Graeciae, ed. Dindorf, I, cap. IV, 5) говоритъ о ключѣ называемомъ Мидасовымъ въ Анкирѣ (въ Малой Азіи).

сказовъ о немъ. Нѣкоторыя данныя, какъ напр. изображенія Мидаса сходно съ греческимъ луннымъ богомъ (Μην)[1]), котораго рога могли дать поводъ къ эпизоду объ ушахъ, или замѣчаніе Филострата, что Мидасъ былъ изъ рода сатировъ[2]), указываютъ на то, что первоначально имя Мидаса принадлежало въ Малой Азіи божеству. *Но изъ этого еще отнюдь не слѣдуетъ, чтобъ всѣ подробности сказокъ, которыя мы теперь имѣемъ о Мидасѣ, имѣли значеніе религіозное и принадлежали къ исконнымъ миѳамъ*, какъ это усиливаются доказать ученые школы Гриммовъ и М. Миллера, видящіе въ сказкахъ произведенія исконной старины и извѣстную оболочку древнѣйшихъ религіозныхъ вѣрованій. Такое религіозное значеніе придаетъ разсказу объ ушахъ Мидаса, напр., Баховенъ (Versuch über die Gräbersymbolik der Alten, 375 и слѣд.) и г. Де Губернатисъ (Mythologie Zoologique, I, 387 — 388, 403 и слѣд.). Первый усматриваетъ въ ослиныхъ ушахъ Мидаса указаніе на теллурическое значеніе этого бога, такъ какъ оселъ-де символъ половой силы плодородія. Такое-же значеніе имѣетъ, по Баховену, и проростаніе тростника изъ ямки, куда слуга Мидаса проговорилъ его тайну[3]). Г. Де Губернатисъ усматриваетъ въ Мидасѣ-ослѣ бога солнечнаго, основываясь главнымъ образомъ на экивокѣ въ санскритскомъ языкѣ gardarbha—оселъ и gandharva существо солнечнаго цикла, небесный музыкантъ), да на томъ, что у Овидія уши Мидаса бѣлесоваты и подвижны, т. е. будто-бы напоминаютъ зарю! Существованіе сказки о царѣ съ ослиными ушами въ монгольской книгѣ, составленной на индійской основѣ, даетъ итальянскому ученому тѣмъ болѣе основаній зачислять сказку о Мидасѣ въ ряды древнихъ общеарійскихъ миѳовъ. При такомъ взглядѣ существованіе этой сказки и въ народной словесности балканскаго полуострова и кельтовъ, объяснилось-бы, какъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, сохраненіемъ устной словесностью древнѣйшаго обще-племеннаго достоянія.

---

[1]) Pauli, Real encyclopaedie der Klassischen Alterthumskunde, Midas.

[2]) Philostrati Tyanensi Apollonie vita, VI, 27.

[3]) По истинѣ трудно понять, какъ въ такомъ толкованіи одна подробность вяжется съ другой, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ рождаетъ тростникъ не Мадасъ, а слуга, который ослиныхъ аттрибутовъ не имѣетъ. Но миѳологисты извѣстной школы не смущаются такими подробностями.

Сказку объ ушахъ Мидаса затронули и ученые болѣе поло жительнаго метода, занимавшіеся вопросомъ объ обмѣнѣ басень между Индіей и Греціей. Какъ извѣстно, ученые этой школы не расположены объяснять сходство извѣстнаго рода басень у разныхъ отдаленныхъ другъ отъ друга народовъ общностью басеннаго капитала у предковъ этихъ народовъ въ древнѣйшую эпоху ихъ единства, а стараются объяснить это сходство преслѣдованіемъ осязательныхъ международныхъ отношеній политическихъ и культурныхъ. Но тѣмъ не менѣе и до сихъ поръ еще въ каждомъ частномъ случаѣ не всѣ изъ этихъ ученыхъ освободились отъ идей, по которымъ то или другое сказаніе имѣетъ за собою непремѣнно исконную древность и миѳологическое значеніе. Такъ когда белгійскій ученый Вежене (Wagener, Essai sur les rapports qui existent entre les apologues de l'Inde et les apologues de la Grèce), сторонникъ теоріи индійскаго происхожденія греческихъ басень (Эзопа), притянулъ (по нашему мнѣнію, неосновательно) сказку объ ушахъ Мидаса къ баснѣ объ ослѣ въ львиной (въ Индіи—тигровой) шкурѣ, то знаменитый индіанистъ Веберъ, защитникъ теоріи движенія эзопическихъ басенъ въ Индію изъ Греціи, вовсе не усомнился въ этомъ отношеніи сказки объ ушахъ Мидаса къ баснѣ объ ослѣ въ львиной шкурѣ, а только увидѣлъ въ этомъ отношеніи поддержку своей теоріи. «Такъ какъ подъ сказкой этой, говоритъ Веберъ, согласно съ Баховеномъ, скрывается извѣстное миѳологическое отношеніе, то греческая басня получаетъ черезъ то полную значенія подкладку», т. е. является очень древнею [1]). Либрехтъ, сторонникъ теоріи индійскаго происхожденія апологовъ и сказокъ европейскихъ, тоже не оспариваетъ взгляда Баховена на сказку о Мидасѣ, только замѣчаетъ, что и въ Индіи оселъ имѣетъ значеніе символа производительной силы [2]).

Между тѣмъ, прежде всего, *въ Индіи до сихъ поръ не открыто сказки объ ушахъ Мидаса*; ни въ одной изъ собственно индійскихъ редакцій разсказовъ Упыря нѣтъ ничего подобнаго [3]).

[1]) Weber, Indische Studien, III, 338.

[2]) Liebrecht, Zum Pantschatantra, въ Jahrb. f. Roman. und Engl. Literatur, III, 86—87.

[3]) Мы не знаемъ, на какомъ основаніи г. Веселовскій говоритъ, что сказка эта есть и въ Индіи (изъ Исторіи литературнаго общенія востока и запада, стр. 3, примѣч. 4).

Самъ Т. Бенфей считаетъ, что сказка объ ушахъ Мидаса единственная, которая пошла противъ общаго теченія своихъ собратовъ, а именно съ Запада на Востокъ и предполагаетъ, что монгольская редакція разсказовъ упыря приняла въ себя, кромѣ индійскихъ, еще и иноземные матеріалы [1]). И дѣйствительно греческая литература, въ которой исторія Мидаса была разрабатываема особенно охотно въ драматической формѣ, была такъ распространена въ Азіи въ эпоху послѣ-македонскую, когда греко-азіатскія государства существовали даже въ Бактріи и въ сѣверной Индіи, что проникновеніе исторіи Мидаса до Тибета, гдѣ вѣроятно сложена была редакція разсказовъ трупа, съ которой сдѣлана была монгольская, не представляетъ ничего невозможнаго.

Гораздо съ большею основательностію можно допустить индійское происхожденіе за другими сказками о Мидасѣ, наприм. за исторіей поимки имъ Силена и полученія дара отъ Вакха, котораго, замѣтимъ, и классическое преданіе связываетъ съ Индіей. Поимка опьяненнаго Силена дѣйствительно напоминаетъ опьяненіе демона (Ветала) Викрамадитіей въ другой сказочной исторіи этого царя «Тридцать двѣ повѣсти трона» [2]). Въ золототворномъ дарѣ Вакха Мидасу можно видѣть подобіе *сидды* Викрамадитіи [3]). Можно также усмотрѣть отголосокъ буддизма въ пессимистической теоріи жизни Силена, изложенной въ его словахъ Мидасу, въ отрывкѣ Аристотеля, сохраненномъ у Цицерона (Tusculan. I, 48) и у Плутарха (Consol. ad Apollinem, 27), что лучше не родиться, а родившись скорѣе умереть. Но изъ этого все таки не слѣдуетъ, чтобъ и сказка объ ушахъ Мидаса пошла тоже изъ Индіи.

---

[1]) Pantschatantra, I, Vorrede, XXII, примѣч.

[2]) Feer, Contes indiens, Les frente-deux Recits du trône, Introduction 15. Переходъ этого Ветала въ Асмодея, пойманнаго по приказу Соломона, потомъ въ Сатира-Китовраса-Мермана указанъ въ русской наукѣ въ извѣстномъ сочиненіи г. Веселовскаго о Соломонѣ и Китоврасѣ.

[3]) Въ книгѣ Eug., Lévêque, Les mythes et les legendes de l'Inde et de la Perse dans Aristophane, Platon, Aristote, Virgile, Ovide etc. (Paris, 1880, 289—294), полной впрочемъ натяжекъ, исторія дара Мидаса сближается съ одной исторіей въ Магабаратѣ (о желаніи царя, чтобъ отдѣленія его сына были золотыя) и съ находящейся тамъ же басней о птицахъ, которыя и поютъ золотомъ.

Такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ впредь, пока не найдены будутъ въ В. Азіи другіе варіанты исторіи объ ушахъ Мидаса, кромѣ монгольскаго, приходится въ поискахъ за отечествомъ этой исторіи возвратиться на берега Средиземнаго моря и въ частности въ Элладу. Здѣсь же эта сказка всегда имѣла юмористическій характеръ [1]). *И сколько бы ни было указаній на то, что у фригійцевъ Мидасъ былъ богомъ, изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы извѣстная греческая сказка о его ушахъ имѣла какое нибудь символическое значеніе во всѣхъ ея деталяхъ, съ которыми она только и имѣетъ смыслъ.* Если, какъ это очень вѣроятно, въ Малой Азіи Мидасъ считался сатиромъ, или силеномъ, т. е. однимъ изъ боговъ зооморфическаго типа, въ родѣ Марсіаса или Пана, въ пользу которыхъ Мидасъ, по варіантамъ сказки, подалъ голосъ въ музыкальномъ состязаніи ихъ съ Аполлономъ, то греческая сказка объ ушахъ его скорѣе всего будетъ сосѣдскою насмѣшкой береговыхъ эллиновъ, съ ихъ антропоморфическимъ богомъ-музыкантомъ, Аполлономъ, надъ фригійцами, ихъ богомъ и музыкой [2]).

Сказка эта такимъ образомъ окажется сравнительно позднею, не имѣющею никакого дѣла съ доисторическою древностью индоевропейскихъ народовъ, а распространеніе ея отъ Ирландіи до Монголіи должно быть объяснено культурнымъ общеніемъ между народами въ эпоху уже совсѣмъ позднюю, послѣ Александра Македонскаго. О пути распространенія этой сказки въ Азіи говорено было выше. Сохраненіе ея у новогрековъ и переходъ къ сосѣднимъ имъ сербамъ не представляетъ ничего удивительнаго. Интересно отмѣтить при этомъ то обстоятельство, что въ ново-греческой и сербской народной сказкѣ царскія уши являются не ослиными, какъ у Овидія и Гигина, а козьими, что ближе къ Филостратовымъ словамъ о Мидасѣ, принадлежащемъ къ роду сатировъ, и что, вѣроятно, сходно съ древне-греческими устными варіантами сказки.

---

[1]) Такою она является уже въ намекѣ у Аристофана (Plutus, V, 286—287).

[2]) Почти такъ объясняетъ сказку объ ушахъ Мидаса Decharmes въ его Mythologie de la Grèce antique, 447—449. По Павзанію, фригійцы сами говорили, что Марсіалъ—рѣка ихъ, которая такимъ образомъ стала богомъ музыкантомъ. Силены, друзья нимфъ, собственно водяные боги, какъ сатиры (панъ) лѣсные, которые впрочемъ впослѣдствіи перемѣшались между собою.

Распространеніе классической сказки среди кельтовъ, и притомъ съ чертами близкими къ латинскимъ редакціямъ, не покажется удивительнымъ, если вспомнимъ, что, послѣ великаго переселенія народовъ, Ирландія и Бретань были одно время убѣжищемъ классической культуры.

Сопоставляя всѣ не классическіе побѣги этой исторіи, мы усматриваемъ въ ней подробности, которыхъ не находимъ въ латинскихъ варіантахъ. Таково во всѣхъ новѣйшихъ варіантахъ убіеніе цырульниковъ (у насъ баньщика), а въ ирландскомъ, монгольскомъ и украинскомъ спасеніе молодаго цырульника матерью, которая въ сербскомъ варіантѣ замѣнена старикомъ. Это сходство подробностей въ разсказахъ народовъ столь отдаленныхъ даетъ основаніе предположить, что нѣчто подобное имъ должно было существовать уже въ греческихъ оригиналахъ ихъ, не полно, значитъ, резюмированныхъ Овидіемъ и Гигиномъ. Сравнивая въ частности украинскій варіангъ со всѣми другими, мы получаемъ тотъ интересный выводъ, что онъ *ближе къ варіанту монгольскому, чѣмъ къ европейскимъ, не исключая и варіанта не очень далекихъ къ намъ и единоплеменныхъ намъ сербовъ*. Очевидно, это обстоятельство можетъ быть объяснено только тѣмъ, что *сказка эта зашла не прямо изъ Европы, а уже изъ Азіи*, черезъ посредство той смѣси племенъ, которая двигалась въ средніе вѣка по нашимъ степямъ [1]).

Намъ остается теперь дополнить уже сдѣланное выше сравненіе самихъ украинскихъ редакцій занимающаго насъ сказанія. Мы указали, что редакція записанная въ XVII в., не знаетъ людоѣдства Буняки, ни убіенія его сыномъ вдовы, подробностей, которыя находятся въ современной редакціи, записанной г-жею Косачевой. Теперь читателю очевиднѣе, что редакція Юзефовича ближе къ

---

[1]) Впрочемъ съ новогреческимъ варіантомъ нашъ имѣетъ то сходство, что въ обоихъ фатальный герой умираетъ, когда его тайна открывается. По этому поводу возможно сдѣлать два предположенія: или что еще въ классическую эпоху существовалъ варіантъ повѣсти о Мидасѣ съ такою развязкою,—противъ чего впрочемъ говоритъ то обстоятельство, что во всѣхъ другихъ варіантахъ развязка болѣе благополучная,—или что трагическая развязка существовала въ тѣхъ азіатскихъ побѣгахъ классической сказки, отъ которыхъ пошелъ нашъ варіантъ и которые повліяли и на новогреческую версію. Жаль впрочемъ, что послѣдняя извѣстна теперь только въ очень спутанной редакціи.

сказкѣ о Мидасѣ и ко всѣмъ вышеизложеннымъ ея побѣгамъ, чѣмъ современная. При этомъ уже и старѣйшая изъ украинскихъ редакцій носитъ на себѣ слѣды потемнѣнія первоначальной основы въ томъ, что подмѣнила чудовищныя уши Мидаса его страннымъ (скелетообразнымъ) туловищемъ, а потому, вѣроятно, и цырульникъ сдѣлался баньщикомъ. А такъ какъ, собственно говоря, этотъ баньщикъ совсѣмъ не нуженъ для обычнаго у насъ обмыванія, то въ позднѣйшемъ варіантѣ г-жи Косачевой онъ и атрофировался, а черезъ то ничѣмъ теперь не мотивированное очередное человѣкоубійство Буняки, такъ сказать, гипертрофировалось и перешло въ людоѣдство, на которое по очереди поставлялись молодые люди. Такимъ образомъ *это людоѣдство является самою позднею чертою* въ эмбріогеніи нашего разсказа, въ противность приведенному выше построенію г. Голубовскаго.

Является вопросъ о степени самостоятельности нашего народнаго творчества въ изобрѣтеніи этихъ отличій образа Буняки отъ Мидаса и его азіатской копіи. На этотъ вопросъ, во всякомъ случаѣ второстепенный въ данномъ случаѣ, мы теперь не можемъ предложить рѣшительнаго отвѣта и ограничимся пока только сведеніемъ всего имѣющагося у насъ матеріала.

Во первыхъ еще разъ напомнимъ, что между изображеніемъ Буняки у Юзефовича и легендой г-жи Косачевой есть разница: у перваго нѣтъ яснаго образа великана съ открытыми сзади «легкими и печинками», а Буняка изображается такъ: «онъ, кромѣ лица, рукъ и ногъ и смрадныхъ внутренностей не имѣлъ на себѣ ни мяса, ни тѣла живущихъ людей, а только кожу и кости, какъ видимъ на трупахъ или *на картинахъ представляющихъ смерть*». Можно думать, что этотъ послѣдній образъ скелета, обтянутаго кожей, безъ открытыхъ сзади внутренностей, но съ открытыми развѣ отчасти спереди, и составляетъ болѣе старую принадлежность представленія о Бунякѣ. Этотъ же образъ есть общеевропейское средневѣковое изображеніе демона смерти [1]). Наша «народная»

---

[1]) Pompeijo Gener., La mort et le diable, 145, note 1. „Въ XIV в. христіанскій міръ былъ убѣжденъ, что смерть есть дѣйствительная и реальная личность. Ее изображали въ формѣ скелета, съ косою въ одной рукѣ и песочными часами въ другой. Нашелся мистическій писатель, который увѣрялъ очень серіозно,

фантазія сначала просто взяла этотъ образъ и для своего упыря-черта Буняки, а потомъ уже должна была, параллельно развитію этого образа въ церковномъ искусствѣ и подъ вліяніемъ другихъ подобныхъ образовъ, передѣлать его въ фигуру человѣка съ открытыми сзади внутренностями.

Что касается до этого образа, то мы встрѣтили его въ повѣрьяхъ у западно-сибирскихъ козаковъ, великоруссовъ, но не безъ примѣси и не безъ вліянія козаковъ-украинцевъ, отъ которыхъ они несомнѣнно усвоили нѣкоторыя пѣсни. Г. Потанинъ, въ статьѣ «Югозападная часть томской губерніи» (Этнограф. сборникъ, т. VI, стр. 143), сообщая вѣрованія о смѣшеніи женщинъ съ чертями, говоритъ: «чертъ принимаетъ видъ какого нибудь извѣстнаго человѣка и начинаетъ посѣщать женщину; чтобъ отличить его, нужно заглянуть ему за спину; спины у него нѣтъ и внутренности лежатъ наружу въ грудномъ ящикѣ, какъ въ корытѣ», и дальше разсказываетъ преданіе, какъ чортъ такимъ образомъ является одной козачкѣ въ видѣ ея умершаго мужа, изъ чего можно заключить, что по томскимъ повѣрьямъ чортъ береть въ такихъ случаяхъ образъ именно умершаго человѣка. Таковыя повѣрья вполнѣ подходятъ къ общеевропейскимъ христіанскимъ представленіямъ о діаволахъ *incubus*

что онъ видѣлъ ее въ этомъ образѣ рядомъ съ ангеломъ-истребителемъ надъ зачумленнымъ городомъ. Около XIII в. и въ началѣ XIV смерть представляли въ видѣ муміи, въ формѣ скелета, покрытаго кожей; тогда еще недостаточно изучили анатомію человѣческаго тѣла, чтобъ знать точную форму костей. Надо пересмотрѣть съ этой стороны виньетки религіозныхъ книгъ XIII и XIV ст. Въ XV ст. скелетъ уже рисуется превосходно, какъ можно убѣдиться по гравюрамъ этого времени". Въ сочиненіи E. H. Langlois, Essai historique, philosophique et pittoresque sur les Danses des Morts, II, находимъ изображенія смерти въ видѣ сухореброго мертвеца съ легко намѣченнымъ отверстіемъ на животѣ (pl. VIII, IX, X, XV, XXIII, XLVI); на одномъ же рисункѣ, нюренбергскомъ (pl. XXVII, стр. 141—142), отверстія велики и изъ нихъ висятъ кишки; на рис. XVI, представляющемъ борьбу смерти съ воиномъ, первая изображена въ видѣ вооруженнаго трупа съ открытыми сзади ребрами. Польскія и западно-русскія изображенія должны были отставать вѣка на два отъ западно-европейскихъ. Въ велико-русскомъ синодикѣ Буслаева XVII—XVIII в. смерть еще рисуется сухореброю фигурою безъ всякаго знака отверстія на животѣ (Буслаевъ, Истор. очерки, т. I, стр. 624, рис. 56, 7); въ позднѣйшей интермедіи объ Аникѣ воинѣ смерть уже называется „мякинное брюхо",—намекъ на гнилость его (Ровинскій, Русскія народныя картинки, текстъ V, 178; къ сожалѣнію, атласа г. Ровинскаго мы не имѣемъ подъ рукою).

et *succubus*, которые входили въ трупы мужчинъ или женщинъ [1]). Представленіе объ отсутствіи наружныхъ покрововъ на извѣстной части тѣла должно было выросли въ разсказахъ въ родѣ сибирскаго и нашего, на основѣ вышеупомянутаго общеевропейскаго вѣрованія, которое разработали религіозные книжники гораздо болѣе, чѣмъ собственно народъ, массы.

Образъ Буняки скелета, да еще умирающаго только тогда, когда разоблачается его секретъ, призываетъ намъ на мысль еще одинъ образъ сказочнаго существа, на которомъ мы тѣмъ болѣе должны остановить вниманіе читателя, что одно изъ именъ его въ русской области имѣетъ нѣкоторое отношеніе и къ половцамъ. Это *Костій безсмертный* нашихъ сказокъ, Kośćiej польскихъ, Кощей, Кошъ и даже Котъ великорусскихъ. Надо впрочемъ сказать, что образъ этотъ и имя чаще встрѣчается въ сказкахъ великорусскихъ [2]), чѣмъ въ украинскихъ, изъ которыхъ пока напечатаны только одна съ именемъ Костія (у Чубинскаго, т. II, отд. I, № 64). Въ великорусскихъ сказкахъ Кощей является по большей части похитителемъ красавицъ, а безсмертнымъ онъ называется потому, что смерть его запрятана далеко и въ очень сложномъ аппаратѣ: въ яйцѣ, которое спрятано въ уткѣ, а утка въ зайцѣ, а заяцъ въ сундукѣ, сундукъ на деревѣ и т. п. Красавица успѣваетъ выпытать секретъ Кощея, герой добываетъ фатальное яйцо и Кощей погибаетъ [3]). Украинская сказка съ именемъ Костія принадлежитъ

---

[1]) Gener, op. cit. 524.

[2]) Аѳанасьева, № 93 (3 вар.); ср. № 150, вар. *е*, конецъ; Садовникова, № 63.

[3]) Имя Кощей встрѣчается въ великорусскихъ сказкахъ и другой фабулы въ видѣ обычнаго змія безъ фатальнаго яйца (напр. у Аѳанасьева № 94 и Эрвенлейна, 2-е изд., 1882, 8—91). Изъ польскихъ намъ извѣстны только двѣ сказки съ именемъ *Kościej niesmiertelny*: одна той-же фабулы, что великорусская Аѳанасьева № 93, другая—особой (о запроданномъ черту сынѣ, о Królewiczu Niespodzianku), въ которой Костій является просто подземнымъ царемъ безъ фатальнаго яйца (Ralston, The song of Russian people, 166; Glinski, Bajarz polski, 2 wyd., I, 109—128). Безъ имени Кощея, но также образъ существа съ спрятанной далеко смертью встрѣчается и въ другихъ русскихъ сказкахъ, напр. въ бѣлорусской у Аѳанасьева, № 95 (змѣй) и въ великорусской, тамъ же, 97. Въ одной великорусской сказкѣ у Аѳанасьева (т. II, стр. 393) любовь царь-дѣвицы скрыта въ яйцѣ, а яйце въ уткѣ, а утка въ зайцѣ, заяцъ въ сундукѣ, сундукъ на дубу, на той сторонѣ моря-океана. Еще въ одной великорусской сказкѣ у Аѳанасьева (т. I, стр. 499), Иванъ царевичъ только тогда можетъ взлѣзть на сте-

къ другой фабулѣ (Иванъ Богодавецъ, похожденія чудесно рожденнаго сына долго бездѣтныхъ родителей, который здѣсь между прочимъ самъ съ товарищами захватываетъ дочекъ Костія). Костій здѣсь называется *бездушнымъ*, такъ какъ душа его спрятана въ яйцѣ, яйцо въ уткѣ, утка въ гнѣздѣ на дубѣ.

Ученые, ищущіе въ сказкахъ миѳологіи, сдѣлали изъ того Кощея личность національно-русскаго или темно-славянскаго Олимпа, родъ Плутона, или бога зимы[1]). При болѣе точномъ изслѣдованіи сказокъ разныхъ народовъ оказывается, что мы имѣемъ дѣло съ бродячимъ, чисто сказочнымъ образомъ, распространеннымъ подъ разными именами и формами у разноплеменныхъ народовъ стараго свѣта, отъ Сіама и Индустана до Шотландіи, и отъ арабовъ и кабиловъ до сибирскихъ турокъ и лопарей, особенно же любимымъ въ сказкахъ Индіи, откуда онъ скорѣе всего и пошелъ[2]).

кляную гору и овладѣть царевной, когда убьетъ змія, который живетъ на озерѣ у отца царевны: „въ томъ змѣѣ сундукъ таится, въ сундукѣ заяцъ, въ зайцѣ утка, въ уткѣ яичко, въ яичкѣ сѣмячко". „Коли ты убьешь змія, говоритъ царевна, да достанешь то сѣмячко, въ тѣ поры можно хрустальную гору извести и меня избавить". Изъ этихъ примѣровъ видно, *до какой степени калейдоскопически переставляются образы въ сказкахъ даже одного племени* и какъ мало сказки имѣютъ органической связи въ своихъ частяхъ, въ противность мнѣнію ихъ толкователей миѳологической школы!

[1]) Tkany, Mythologie der Alten Deutschen und Slaven, I, 158—159; Hanusch, Die Wissenschaft des Slavischen Mythus, 334; Аѳанасьевъ, Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу, т. II, стр. 594—604. Этому взгляду поддались и болѣе новые изслѣдователи: Ralston, The songs of the Russian people, 164—16, Russian Tales, 109—115, и даже L. Leger въ его трезвой работѣ Essai sommaire de la mythologie slave, 18. Для миѳологовъ этого направленія имя Кощей-Костѣй является производнымъ отъ *костенѣть* въ смыслѣ дѣйствительномъ: наводящій окостененіе, т. е. холодъ, зима; но это этимологія совершенно неправильная, извращающая смыслъ окончанія *ѣй, ій*, которое при существительномъ корнѣ означаетъ обиліе; кост—ій=кост—истый; ср. украинскіе клички: губій, чубій и т. п. Аналогія съ словомъ Палій совсѣмъ не идетъ здѣсь къ дѣлу. Интересно, что другіе толкователи сказокъ, тоже миѳологическаго направленія, говоря о сказкахъ о Кощеѣ и подобныхъ имъ у другихъ народовъ, видятъ въ этой личности существо солнечнаго цикла, напр. L. Brueyre, Contes populaires de la Grande Bretagne, 81.

[2]) См. Stokes, Indian Faiy Tales, №№ XI и XXIV; Минаева, Индійскія сказки и легенды, № 10 (Унесенная царица); M. Frere, Märchen aus der Indischen Vergangenheit, № I,—всѣ четыре одной фабулы съ № 93 Аѳанасьева: другія подобныя индійскія, которыхъ мы теперь не имѣемъ подъ рукою, указаны у Cosquin, Contes papulaires de Lorraine, № 15, вмѣстѣ съ множествомъ варіантовъ другихъ

Конечно, идея о заключеніи души, извѣстнаго существа, или простаго человѣка, далеко отъ его тѣла принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ вѣрованій, которыя принято теперь называть *анимистическими* [1]). Весьма можетъ быть, что и первообразъ исторіи, отъ котораго пошли азіатскія, а потомъ и европейскія сказки, въ родѣ русскихъ о Костіѣ—Кощеѣ, сложился въ очень сѣдой древности, но изъ того еще не слѣдуетъ, чтобъ сами эти послѣднія сказки существовали въ Европѣ и въ частности на Руси очень давно, а тѣмъ болѣе, чтобъ они были здѣсь исконны. Теперь выбирая изъ всего, что можно сказать объ этихъ сказкахъ, преимущественно только то, что имѣетъ найболѣе близкое отношеніе къ предмету настоящаго изслѣдованія, мы замѣтимъ, что герой этихъ сказокъ рисуется если не дракономъ, то великимъ или же просто сильнымъ человѣкомъ безъ спеціальныхъ наружныхъ отличій. Но въ нѣкоторыхъ индійскихъ сказкахъ, которыя есть основаніе считать болѣе оригинальными, прототипы нашего Костія являются *ракшазами*, т. е. демонами, людоѣдами, которые въ индійскихъ представленіяхъ сливаются и съ *веталами*, т. е. упырями или демонами, засѣдающими въ трупахъ [2]). Эти образы, значитъ, нѣсколько напоминаютъ черты, какими рисуется Буняка въ

народовъ; въ собраніи пенджабскихъ и кашемирскихъ сказокъ Steel и Temple (Wide-Awake stories, 47—68) находимъ сказки той фабулы, къ которой принадлежитъ наша сказка объ Иванѣ Богодавцѣ. См. также Cosquin № 50, L. Brueyre, Contes p. de la Grande Bretagne, №№ XI—XII, Orient und Occident, II, 100—103, Tolk-Lore Journal, 1884 X, Philosophie of Punchkine. Въ французскихъ сказкахъ существо, соотвѣтствующее нашему Костію, зовется также бездушнымъ (corps sans âme),—въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ нѣмецкихъ: безъ сердца (ohne Herz).

[1]) Множество примѣровъ см. Tylor, Primitive Culture и Spencer, Principe of Sociology, I. Старѣйшая записанная сказка, которая построена на этомъ анимизмѣ, это египетская сказка о двухъ братьяхъ, въ которой жизнь одного изъ братьевъ, по смерти его, сохраняется въ его сердцѣ-фаллосѣ на деревѣ, пока другой братъ не возвращаетъ ее въ тѣло умершаго (Maspero, Les contes populaires de l'Egypte Ancienne, 5—28, по папирусу XIX династіи). У насъ этому представленію соотвѣтствуетъ сказка про царевну, которой душа была въ яйцѣ (Чубинск., op. cit. № 6). Со второй половиной египетской сказки (о коварствѣ женщины) прямо связаны наши сказки, въ родѣ Невичній Царенко (Рудченко, I, № 49; ср. Драгоманова, Малорос. Народ. Преданія, стр. 297—299), какъ черезъ устные варіанты, такъ и черезъ древне-русскую писанную повѣсть объ Иванѣ Пономаревичѣ (Костомаровъ, Памятн. стар. русской литер., т. II, стр. 319—322).

[2]) M. Frere, op. cit., 384.

легендахъ Юзефовича и г-жи Косачевой, и могли оказать вліяніе на сложеніе этихъ чертъ. Вѣроятно съ подобными чертами рисовался чудовищный герой въ тѣхъ ближайшихъ къ индійскимъ варіантахъ, отъ которыхъ пошли и первообразы славянскихъ сказокъ о Костіѣ—Kośćieju, если и теперь, когда эти черты стерлись въ этихъ сказкахъ, все таки герой ихъ носитъ имя Костій, т. е. скелетъ. Повторяемъ, такихъ сказокъ теперь не должно быть много на Украйнѣ и въ Польшѣ; но въ Великороссіи они очень распространены, и конечно великороссійское слово Кощей есть ничто иное, какъ передѣлка Костія—Kośćieja, которая внѣ этого своего первообраза настолько не имѣетъ смысла, что нѣкоторые великорусскіе варіанты измѣняютъ это непонятное имъ имя на Кошъ и даже Котъ [1]); очевидно, что это имя должно было зайти въ Великороссію съ юго-запада, гдѣ оно произносилось въ формѣ, этимологическій смыслъ которой былъ еще ясенъ.

Интересно, что слово *Кощій*, *Кощьій*, *Кощей* встрѣчается въ древнерусскихъ памятникахъ въ особомъ смыслѣ и въ связи съ половцами. Такъ въ Словѣ о полку Игоревѣ это имя попадается три раза.—Послѣ описанія плѣна сѣвернаго героя:

1) Ту Игорь князь высѣдѣ изъ сѣдла злата а въ *сѣдло кощіево.*

2) Великый княже Всеволоде! Аже бы ты былъ, то была бы чага по ногатѣ, а *кощей по резанѣ.*

3) Стрѣляй, господине, Кончака, поганаго *кощея* за землю русскую! Слово *чага* во 2-ой выдержкѣ объясняется, согласно употребленію его и въ лѣтописи, какъ невольница [2]), соотвѣтственно чему и *кощей* выходитъ тоже въ родѣ невольника, слуги, и вся фраза переводится: если бы ты былъ тамъ, то (побѣдилъ бы половцевъ, такъ что) плѣнница была бы по ногатѣ (монета около 50 коп.), а плѣн-

---

[1]) Теперь въ обычномъ языкѣ слово *кащей* употребляется какъ будто производное отъ романскаго *касса*, т. е. оно означаетъ скупца. Такое значеніе имѣетъ *Кащей* и въ великорусскихъ лубочныхъ картинкахъ (Ровинскій, Русскія народныя картинки, I, 248; Mélusine, t. III, № 8, 173).

[2]) Лѣтопись по Ипатск. списку (изд. 1871 г., стр. 369), 1170 г.: „князи русьтіи... увѣдавше, оже половцы побѣгли... гониша по нихъ... и толико взяша полона множьство, якоже всимъ русскимъ воемъ наполнитися до изобилья и колодники, и чагами, и дѣтьми ихъ, и челядью, и скоты и конми; хрестьяны же отполонивше пустили на свободу вси".

никъ по рѣзанѣ (ок. 20 коп.)[1]). Сообразно смыслу этого мѣста объясняются и два другія. Но слово *кощей* встрѣчается и въ лѣтописяхъ. Важнѣйшія изъ лѣтописныхъ мѣстъ съ этимъ словомъ— это двѣ фразы въ ипатской лѣтописи, сосѣднія съ выписаннымъ нами уже въ выноскѣ мѣстомъ изъ описанія похода русскихъ князей на половцевъ въ 1170 г.

«Идоша князи 9 дневъ исъ Киева, и бысть вѣсть Половцемъ отъ кощѣя отъ Гаврилкова отъ Ославича, оже идутъ на нѣ князи Рустии..... Братья же вси пожаловаша на Мьстислава, оже утаивься ихъ, пусти на воронъ сѣдельники своѣ и кощѣѣ».... Изъ послѣдней фразы выходитъ, что кощіи были родъ слугъ, помѣщавшіеся въ обозѣ вмѣстѣ съ сѣдельниками, а изъ первой выходитъ, что между кощіями были симпатизурующіе половцамъ, какъ была, по другому мѣсту лѣтописи, извѣстная близость и между половцами и сѣдѣльниками[2]). Можно думать, что и *сѣдѣльники*, и кощіи были группы населенія, столько же отличныя занятіемъ, сколько и происхожденіемъ, смѣшанной національности, половецко-русской, отъ плѣнниковъ и кліентовъ русскихъ у половцевъ и, наоборотъ, половцевъ у русскихъ,—родъ низшихъ націй-кастъ, какія встрѣчаемъ въ разныхъ политическихъ конгломератахъ, подобныхъ тѣмъ, какими были тогдашнія націи и княжества русскія и половецкія. Мы смѣемъ думать, что имя *кощѣй* врядъ ли можно вывести отъ славянскаго корня, такъ какъ принимаемое переводчиками и толкователями Слова о полку Игоревѣ производство отъ *кость*, костѣй, кощѣй не объяснитъ намъ смысла слова: рабъ, плѣнникъ,

---

[1]) Максимовичъ переводитъ по украински:

По ногатѣ бъ полоняникъ,
По рѣзанѣ бувъ бы рабъ.

Украинецъ, 1859 г., стр. 66, ср. Максимовичъ, сочиненія, т. III, стр. 383, Аристова, Христом. по русской исторіи, 1271—1274, Огоновскаго, Слово о полку Игоревѣ, 92—93.

[2]) Ипатск. лѣтопись подъ 1172 г. (стр. 376): „Тогда же Глѣбъ пусти половци въ вежѣ, и шедше сташа за Васильевымъ (Юрьевымъ) *у сѣдѣльниковъ*, съжидаюче дружины своея; Василько же Ярополчичъ (сынъ Ярополка Изяславича) увѣдавъ ѣ изъ Михайлова и ѣха на нѣ ночь... за утро, солнцу всходящу, удариша на нихъ. Половцы же, съвъкупившеся съ сѣдѣльникы, бишася съ ними“...

потому что съ какой стати называть раба скелетомъ? Не слѣдуетъ ли поискать корня этого слова въ языкахъ азіатскихъ, подобно тому, какъ объясняется слово *чага* изъ языка арабскаго: купленная? Слово же *костѣй* могло сблизиться съ *кощѣй*, уже готовымъ, черезъ тотъ процессъ наивной этимологизаціи, по какой и теперь называютъ кощеемъ скупца, дрожащаго надъ кассой, по какому старинные книжники сближали имя *россѣане* съ причастіемъ разсѣянные. Очень можетъ быть, что такая этимологизація началась давно, еще во времена столкновеній нашихъ предковъ съ половцами и ихъ вассалами, чему поводомъ могла послужить какая нибудь физическая особенность племени, въ родѣ выдающихся скулъ, или худобы стана, постоянной, или послѣ зимняго голоданія, довольно обычнаго у кочевниковъ [1]). Именемъ такихъ сосѣдей, да еще враговъ своихъ, наши предки могли играть, дѣлая изъ него жестокій каламбуръ, кощѣй—костѣй, тѣмъ болѣе, что и само это имя могло произноситься сначала коштѣй (ѱ—шт.). Въ пользу такого предположенія говоритъ и 3-я изъ приведенныхъ фразъ Слова о полку Игоревѣ, въ которой не плѣнникъ, но побѣдитель, ханъ половецкій Кончакъ названъ *поганымъ кощѣемъ*,—фраза характера общаго и явно браннаго. Возможно, что кличка *костѣй* привязывалась и къ Боняку, о которомъ жила память въ нашемъ народѣ и что имя «Костій—Буняка» послужило своего рода литературнымъ скелетомъ, на который со временемъ нацѣпился варіантъ сказки о Мидасѣ, когда онъ дошелъ до нашей области, и который измѣнилъ эту сказку, замѣнивъ секретъ ушей героя секретомъ его туловища. Считаемъ впрочемъ нужнымъ оговориться, что мы всего менѣе думаемъ выдавать наши послѣднія соображенія за рѣшительныя. Мы только не могли оставить безъ вниманія всѣ затронутыя здѣсь точки соприкосновенія занимающей насъ легенды съ сказками о Костіѣ—Кощеѣ и имени Кощѣй съ половцами, и передаемъ поставленные нами вопросы на далнѣйшее обсужденіе литературной публики.

Мы окончили сравнительное обозрѣніе всѣхъ опубликованныхъ до сихъ поръ украинскихъ разсказовъ и преданій, связан-

[1]) Ср. въ Ипатск. лѣтоп. подъ 1060 г. „Торци... помроша бѣгающе... одни отъ зимы, другіе же гладомъ, инии же моромъ, судомъ Божіимъ“.

ныхъ съ именемъ Буняки. Мы сами очень хорошо видимъ не полноту нашего изслѣдованія и слабость нашей аргументаціи въ нѣкоторыхъ ея пунктахъ. Та и другая происходитъ, конечно, отъ недостатка нужныхъ для полноты изслѣдованія средствъ, между прочимъ и знаній оріенталиста. Но и помимо нашей вины наша работа должна была натолкнуться и на скудость матеріала, какъ въ области собственно украинской этнографіи, такъ и въ сосѣднихъ областяхъ. Очень было бы желательно, чтобы лица, имѣющія къ тому возможность, поискали въ «устахъ народа» еще варіантовъ преданій о Бунякѣ, особенно о его отношеніяхъ къ героинѣ Еленѣ, Ольгѣ, Настѣ, которыя выступаютъ очень не ясно въ опубликованныхъ до сихъ поръ разсказахъ [1]). Кромѣ того пожелаемъ, чтобъ народная словесность племенъ лежащихъ на юго-востокъ отъ насъ: разныхъ степняковъ, кавказцевъ, иранцевъ и др., была собрана хоть бы такъ, какъ собрана теперь словесность сибирскихъ турокъ г. Радловымъ; до тѣхъ поръ, пока это не будетъ сдѣлано, многіе вопросы по эмбріологіи европейскихъ народныхъ сказаній, а особенно нашего племени, останутся темными.

Во всякомъ случаѣ, мы позволяемъ себѣ думать, что представленные нами матеріалы и соображенія достаточны хотя бы для того, чтобъ опредѣлить характеръ занявшихъ насъ въ этой статьѣ народныхъ сказаній и путь, по которому должно идти для ихъ объясненія.

Сказанія эти вовсе не представляютъ собою продукта мѣстнаго національнаго творчества, которое бы отражало, хотя бы и въ фантастическихъ формахъ, мѣстную историческую дѣйствительность; мы видимъ, что во всѣхъ занимавшихъ насъ сказаніяхъ *нѣтъ ничего не только историческаго, но даже мѣстнаго, кромѣ имени Буняка да эпитета шолудивый, который даетъ половецкому хану наша лѣтопись.* Всѣ же подробности этихъ сказаній принадлежатъ къ матеріаламъ сказочнымъ и иностраннымъ, которые стали давно уже международными и нацѣпились на имя Шолудиваго Буняки, какъ на вѣшалку.

---

[1]) Эта Елена напомнила намъ „преданіе, связанное съ окрестностями Никополя о воинственной дѣвицѣ Суркѣ, воевавшей съ Мамаемъ". О преданіи этомъ говоритъ г. Сумцовъ въ „Кіев. Стар.", 1886, іюль, стр. 489. Къ сожалѣнію, мы не припомнимъ, гдѣ было разсказано въ печати это преданіе.

Обстоятельство это тѣмъ интереснѣе, что въ занимающихъ насъ сказаніяхъ шло дѣло не о личности типической, или абстрактной идеѣ (какъ въ сказкахъ собственно или басняхъ, апологахъ), а о лицѣ историческомъ, затронувшемъ нашу мѣстную національную жизнь. И оказывается, что въ народныхъ сказаніяхъ даже о такомъ лицѣ вовсе нѣтъ ничего мѣстно-національнаго. Въ другихъ изслѣдованіяхъ мы надѣемся показать, что подобный же элементъ, между-національный, сильно участвуетъ въ сказаніяхъ нашего народа даже о личностяхъ гораздо болѣе ему близкихъ и болѣе позднихъ, чѣмъ старый половецкій ханъ.

Собственно говоря въ этомъ обстоятельствѣ нѣтъ ничего удивительнаго. Поэтическое творчество, какъ и всѣ другія проявленія жизни народовъ, давно уже въ нашей части свѣта вышли изъ національной изолированности. Даже если не говорить о древнѣйшихъ движеніяхъ народовъ и о распространеніи государствъ египетскаго и вавилоно-ассирійскаго, о колонизаціи финикійской, то во всякомъ случаѣ два такія историческія явленія, какъ движеніе буддизма изъ Индіи на пропаганду международную и сложеніе медународнаго государства персидскаго, представляютъ собою рѣшительные переходы исторіи культуры изъ періода національнаго въ періодъ космополитическій, уже за 500 лѣтъ до Рождества Христова. Съ тѣхъ поръ всѣ проявленія культуры, наука, искусство, религія, общественныя теоріи и учрежденія становятся въ значительной степени интернаціональными. Взаимодѣйствіе народовъ сдѣлало съ тѣхъ поръ количество сходныхъ явленій въ ихъ жизни и культурѣ еще болѣе значительнымъ даже противъ того количества, каковое обусловливается общностью человѣческой природы и подобіемъ условій жизни разныхъ отдѣльныхъ народовъ. Этого, отъ разныхъ причинъ происходящаго, сходства никогда не долженъ упускать изъ виду историкъ цивилизаціи и этнологъ, а особенно тотъ, который занятъ вопросомъ объ опредѣленіи особенностей національностей. Безъ идеи объ аналогіяхъ въ явленіяхъ жизни и цивилизаціи разныхъ народовъ, а также безъ идеи о прямомъ взаимодѣйствіи народовъ и ихъ культурныхъ заимствованіяхъ даже серіознѣйшія научныя работы по исторіи цивилизаціи и этнологіи не могутъ имѣть другаго значенія, кромѣ сбора и сшивки матеріаловъ. Всякія же попытки теоретическаго ихъ освѣщенія и

обобщенія, съ чисто ли научною, или съ практически общественною цѣлью, внѣ названныхъ выше идей и соотвѣтственнаго имъ метода, могутъ быть только упражненіемъ въ логическихъ построеніяхъ или даже въ изліяніяхъ чувствъ и фантазій, совершенно субъективныхъ, а потому и не прочныхъ.

П. Кузьмичевскій.

Отрывокъ изъ драмы Т. Гр. Шевченка „Никита Гайдай“ [1]).

ДѢЙСТВІЕ III.

Вечеръ. Внутренность хаты мрачно освѣщена нагорѣвшею свѣчкой, на столѣ стоящею.

Марьяна одна. Смотритъ пристально въ окно.

Марьяна.

Правду матушка сказала, что козаки всѣ такіе недобрые: имъ все равно, смѣемся мы или плачемъ. Уѣхалъ, ему и горя мало, а еще женихъ! А что же будетъ послѣ?... Цѣлый день что онъ тамъ дѣлаетъ? Несносный этотъ гетманъ, вѣрно угощаетъ его за то, что онъ оборонилъ его отъ смерти. Очень нужно угощать! Такъ Богу было угодно. (*Прислушивается)* Чу! Кажется, ѣдетъ. (*помолчавъ*) Нѣтъ, не ѣдетъ. Хоть бы дорогу было видно, все бы легче. Должно быть будетъ дождь: ни одной звѣздочки на небѣ. Что это мнѣ гетманъ не идетъ изъ головы? Какой онъ нехорошій, должно быть, злой: онъ такъ на меня смотрѣлъ сердито. Что это? (*При-*

---

1) Окончивъ начатое съ половины прошлаго года печатаніе неизданныхъ и бывшихъ доселѣ совершенно неизвѣстными произведеній Т. Гр. Шевченка на русскомъ языкѣ, вслѣдъ за ними мы помѣстимъ еще два самыя раннія произведенія его въ семъ родѣ, именно отрывокъ изъ драмы „Никита Гайдай“ и поэму „Безталанный“, напечатанныя свыше сорока лѣтъ назадъ въ давно забытомъ журналѣ „Маякъ“ (1842 г., № 5 и 1844 г., т. XIV), уцѣлѣвшемъ, какъ рѣдкость, въ весьма немногихъ библіотекахъ, а также повѣсть „Музыкантъ“, напечатанную недавно, но въ изданіи мало извѣстномъ и нынѣ не существующемъ, въ кіевской газетѣ „Трудъ“.—*Ред.*

слушивается) Онъ! Онъ! Пріѣхалъ! Разговариваетъ съ Дорошемъ... Матушка! Матушка! Никита пріѣхалъ!

(*Никита* входитъ мрачный, на встрѣчу ему бѣжитъ *Марьяна*. *Катерина* выходитъ изъ боковыхъ дверей)

Марьяна.

Что ты тамъ такъ долго дѣлалъ?

Катерина.

Слава Богу! Я думала, что ты опять на Запорожье уѣхалъ.

Никита.

Оно бы было лучше.

Марьяна.

Что съ тобой? Ты такой сердитый, невеселый!

Никита.

Такъ, ничего,—мало спалъ.

Катерина.

Такъ и есть, я говорила, еще рано, успѣешь наговориться съ своимъ гетманомъ.

Никита (подавая Катеринѣ шапку и грамоты).

Зашейте въ шапку эти грамоты поскорѣе и покрѣпче.

Катерина (принимая грамоты и шапку).

Какія это грамоты? Зачѣмъ?...

Никита.

Послѣ разскажу, зашейте поскорѣе.

Катерина.

Не посланецъ ли ты гетманскій? а?

Никита.

Послѣ узнаете.

Катерина.

Что это? Слова нельзя добиться. *(Уходитъ).*

Марьяна.

Какія это грамоты, Никита? Зачѣмъ ты ихъ въ шапку велѣлъ зашить?

Никита.

Чтобы не растерялись въ дорогѣ.

Марьяна.

Развѣ ты куда ѣдешь?

Никита.

Ѣду и далеко.

Марьяна.

Какой ты, право, все бы ему шутить.

Никита.

Я не шучу.

Марьяна.

Нѣтъ, я не вѣрю, шутишь, шутишь. Ну, развеселись же. Какой ты сердитый! На кого ты разсердился? Или ты нездоровъ? Скажи мнѣ: я все знать хочу.

Хочу тебя развеселять,
Хочу узнать твои желанья,
Твои сердечныя страданья
Хочу съ тобою раздѣлять;
Скажи же мнѣ.

Никита.

Тебѣ сказать!
Къ чему тебѣ мои страданья,
Моя сердечная тоска?

Марьяна.

Чтобъ раздѣлить ее, какъ съ другомъ,
Какъ съ братомъ милымъ и отцемъ;
Предупреждать твои желанья,
Прекрасный взглядъ твой понимать,
И пѣть съ тобою, и рыдать,
И лаской дѣвичьей моею
Твои недуги врачевать;
Чтобы любить тебя!...

Никита.

Любить!
Какъ много, много ты сказала!

Любить!... Любить!... Прекрасный звукъ,
Прекрасно тайное значенье
Простого слова. Но, дитя!
Ты поняла-ль душой невинной,
Что ты сказала мнѣ?

Марьяна.

Кто? Я?
Ахъ, я любить, любить умѣю,
Да не умѣю разсказать,
Какъ я люблю тебя? Съ тобою
Я все готова раздѣлять;
Ты для меня отецъ и братъ;
Ты для меня все, все на свѣтѣ!
И даже матушку любить
Я не могу, какъ я любила,
Когда не видѣла тебя.

Никита.

Ты Божій ангелъ-утѣшитель;
Какъ мнѣ отрадно понимать
Невинныя, простыя рѣчи!
Любить одно! не раздѣлять
Любовь прекрасную на двое—
Это по моему. И тотъ,
Кто говоритъ, что все онъ любитъ,
Холодный камень онъ: онъ вретъ,
Онъ ничего тогда не любитъ,
Онъ богохульствуетъ. Любовь
Какъ солнце ясное, высоко
Одно на небѣ голубомъ.
Какъ Богъ одинъ, одна любовь!...
Затаена въ душѣ глубоко,
Въ душѣ прекрасной, какъ твоя.
Меня ты любишь, знаю я,
Но ты соперницу имѣешь,
Какъ ты прекрасную.

Марьяна.

Кто? Я?
Гдѣ жъ она, и кто такая?

Никита.

Украйна милая моя!
Моя Украйна родная!
Ея широкія поля,
Ея высокіе курганы,
Святая прадѣдовъ земля!
Люблю тебя, моя Украйна:
Твои зеленыя дубровы,
Твои шелковые луга,
Днѣпра крутые берега,
Люблю я васъ любовью новой,
Любовью крѣпкою. И ты,
Украйны образъ несравненный,
Люблю тебя, въ тебѣ одной
Я всю Украйну обожаю.

Марьяна.

И я люблю ее, какъ ты;
Я пѣсни родины пѣвала,
И я всегда воображала
Прекрасно-гордыя черты
И брови черныя и станъ,
Какъ у тебя, живой, высокій;
И я въ тебѣ, мой кароокій,
Славу Украйны люблю;
Вождей безсмертныхъ обожаю,
Что въ пѣсняхъ кобзари поютъ.

Никита.

Какъ ты прекрасна! ты козачка,
И я люблю тебя. Люблю,
Какъ мою родину святую...
Какъ счастливъ я! Люби меня,

Воображай во мнѣ героя
Минувшихъ дней,—только люби!...

Марьяна.

Ты мой на вѣки, ты мой милый,
Я неразлучная твоя:
И на край свѣта, и въ могилу
Съ тобою я, съ тобою я!...
Съ тобой повсюду, и какъ любо
Намъ будетъ горе горевать
И пиръ веселый пировать!
Я боевыя пѣсни буду
Пѣть для тебя; пойду плясать;
Ты мнѣ разскажешь про походы:
Какъ вы ходили воевать
Татаръ, турецкаго султана,
Какъ Сагайдачный съ козаками
Москву и Польшу воевалъ,
Какъ Наливайко собиралъ
Передъ родными бунчуками
Народъ козацкій защищать
Святую церковь. Все, какъ было,
Будешь разсказывать, а я
Ивана сына пеленаю
И, пеленая, припѣваю:
«Выростай козакамъ на славу,
Врагамъ на расправу»!...
И выростетъ сынъ Иванъ,
Запорожскій атаманъ,
Какъ ты, смѣлый, карооκій,
Какъ ты, стройный и высокій.
Какъ мнѣ весело, какъ любо,
Какъ я рада, рада буду...

(*Поетъ и пляшетъ*).

Съ золотыми подковами
Башмаки, башмаки!

Не смѣйтеся на улицѣ
Козаки, козаки.
Я золото не молотомъ
Накую, накую,
Вдоль улицы протанцую,
Пропою, пропою.

Что, хорошо?

Никита.

Настоящій ребенокъ! Теперь ты пляшешь, а черезъ минуту готова плакать.

Марьяна.

А ты настоящій дѣдъ старый, никогда не пляшешь, и кажется, не плачешь, а вѣчно хмуришься, какъ будто сердитъ на меня за то, что я люблю тебя. Или ты боленъ? Скажи, что у тебя болитъ?

Никита (показывая на сердце).

Вотъ что!

Марьяна.

Что-же мнѣ дѣлать? Я не знаю,
Чѣмъ пособить тебѣ могу...

Никита.

Молися Богу.

Марьяна.

Я молюся,

А ты по прежнему грустишь.

Никита.

Утѣшься, скоро перестану;
Заплачу радостно, какъ ты,
Съ тобою вмѣстѣ протанцую.

Марьяна.

Когда же, скоро ли?

Никита.

Очень скоро; только возвращусь изъ Варшавы, и пиръ горой.

Марьяна.

Развѣ ты въ Варшаву ѣдешь? Зачѣмъ?

Никита.

Да, ѣду. А ты, смотри; все къ свадьбѣ приготовь.

Марьяна.

Все приготовлю. Зачѣмъ ты ѣдешь?

Никита.

Я гетманскій посланникъ, ѣду съ грамотами къ королю и сейму.

Марьяна.

Что-жъ въ этихъ грамотахъ написано? Ты читалъ?

Никита.

Нѣтъ, не читалъ, да и зачѣмъ мнѣ знать пустое маранье придворныхъ хитростей. Они не искренни со мною, хитрятъ, секретничаютъ, но правды имъ не перехитрить: она возьметъ свое. Я полагаю, они трактуютъ о вольностяхъ козацкихъ, чтобъ отстранить Хмельницкаго. Немного поздно спохватились, но, можетъ быть, еще успѣютъ безъ крови дѣло погасить. Дай то, Господи! пора имъ опомниться; но зачѣмъ они секретничаютъ со мною? Будто я не знаю дѣлъ Хмельницкаго и сейма? Да мнѣ все равно: пускай они пишутъ, что хотятъ, а я скажу, что чувствую и знаю. Владиславъ добрый король, другъ благороднаго Хмельницкаго: онъ меня выслушаетъ.

И Я смѣло стану передъ тропомъ,
Какъ важный сынъ родныхъ полей:
И сейму правдою моею
Святость народнаго закона
Я докажу. Они поймутъ,
Поймутъ, надменные магнаты,
Что ихъ огромныя палаты

Травою дикой поростутъ
За поруганіе закона,
Что наша правда, наши стоны
На нихъ судъ Божій призовутъ.
Что Наливайка духъ великій
Воскреснетъ снова средь мечей,
И тьмы страдальческихъ тѣней
Наши неистовые клики
Въ степяхъ разбудятъ. Божій судъ
Страдальцы грозно принесутъ
На тѣ широкіе базары,
Гдѣ Остраницы кровь текла,
Гдѣ вы разыгрывали кары,
Гдѣ реву мѣдного вола
Въ восторгѣ зломъ рукоплескали;
Гдѣ вы младенцовъ роспинали
Въ глазахъ отцовъ и матерей,
На тѣ базары тьмы тѣней,
Въ молчаньи грозномъ, какъ страдали,
Расправу злую принесутъ
И вашей кровію польютъ
Ваши широкіе базары. *(Со вздохомъ).*
О, Боже сильный! Боже славы!
Пошли мнѣ мудрость отвратить
Эту кровавую расправу,
Пошли мнѣ мудрость вразумить
Алчныхъ грабителей лукавыхъ,
Что братья мы, что не любовью,
Раздоромъ грѣшная земля
Утучнена, родною кровью! *(Помолчавъ)*
Я знаю сердце короля;
Онъ добръ, сговорчивъ, но магнаты...
Несчастной черни палачи!...
Они коварны: ихъ словамъ
Не должно вѣрить простодушно...
Они обманутъ, и тогда
Бѣда Украйнѣ, бѣда!

И вамъ, кровавые деспоты,
Не сдобровать!

Они думаютъ передать страшную расправу сынамъ и внукамъ. Нѣтъ! Теперь должно кончить и кончить навсегда. Мы знаемъ васъ, вѣроломные! Мученическая смерть Богуна, Остряницы и Наливайка намъ показала, какъ исполняются клятвы. Столѣтняя война—между кѣмъ? Между родными братьями. Страшно! *(Немного помолчавъ)*. Что, ежели опредѣлено судьбою мнѣ, простому человѣку, окончить словами, чего мильоны не могли кончить саблями?..

Съ какою радостью сердечной
Я возвращуся въ Чигиринъ!
Съ какимъ торжественнымъ восторгомъ
Взгляну на славныя поля,
Гдѣ кровь козацкая текла,
Гдѣ улеглися милліоны
Несчастныхъ жертвъ. Всему конецъ!
Всему кровавому конецъ!
Сынамъ и внукамъ миръ и слава!
О дняхъ минувшихъ, дняхъ кровавыхъ
Кобзарь имъ пѣсню пропоетъ,
Въ концѣ той пѣсни знаменитой
Онъ имя сотника Никиты
Съ благоговѣньемъ помянетъ. (*Въ восторгѣ*)
Я славу словомъ завоюю
И славный подвигъ торжествую
Съ тобой одной! Въ тебѣ одной
Я всю Украйну поцѣлую (*въ восторгѣ цѣлуетъ Марьяну*).

Марьяна.

Какъ это весело!

Никита.

Какъ мнѣ весело, когда бъ ты знала! Ты, какъ дитя неразумное, веселишься, плачешь, а я?... Но послѣ о радостяхъ поговоримъ. Иди къ матушкѣ и поторопи ее съ шапкой.

Марьяна.

Да зачѣмъ тебѣ такъ скоро шапка нужна?

Никита.

Послѣ скажу, иди скорѣе. Невѣста еще только, а уже не слушается.

Маръяна (усмѣхаясь).

Иду, иду. *(Уходитъ).*

(Никита ходитъ зазумавшись по комнатѣ. Немного погодя, останавливаясь говоритъ, какъ бы съ самимъ собою, сначала тихо, потомъ громче и останавливается на авансценѣ).

Никита.

Святая родина! Святая!
Иначе какъ ее назвать?
Ту землю милую, родную,
Гдѣ мы родилися, росли
И въ колыбели полюбили
Родныя пѣсни удалой старины. *(Громче).*
То пѣсни славы! Звуки рая!
Сынамъ на диво, на любовь
Сложили ихъ, не умудряя
Дѣла великія отцовъ;
И эти звуки, эти горы,
Эти широкія поля,
Немолчный говоръ синя моря,
Небо высокое, земля,
Съ ея богатствомъ, нищетою,
Все это наше, намъ родное,
Родные дѣти мы всему,
Мы часть ея, земли той милой,
Гдѣ наши дѣды родились,
Гдѣ ихъ высокія могилы
Въ степяхъ такъ гордо поднялися
И наши очи приковали
Своею мрачною красой,
И безъ рѣчей намъ разсказали
Судьбу Украины родной.

(Немного помолчавъ).

Въ комъ нѣтъ любви къ странѣ родной,
Тѣ сердцемъ нищія калѣки,
Ничтожныя въ своихъ дѣлахъ
И суетны въ ничтожной славѣ.

(Немного помолчавъ).

И чѣмъ несчастный, тѣмъ милѣй

Всегда намъ родина бываетъ,
Тѣмъ краше видъ ея полей... *(Со вздохомъ).*
А наша родина страдаетъ, *(Печально).*
А прежде счастлива была.
Тогда враги ее боялись,
Тогда сыны ея мужали
И славныя отцовъ дѣла
Своею славой обновляли,
И все минуло! все прошло!
Козакъ въ неволѣ изнываетъ,
И поле славы поросло
Травой негодной... умираетъ
И звукъ и память о быломъ!
(Торжественно).
Нѣтъ, запоемъ мы пѣсню славы
На пепелищѣ роковомъ,
Мы цѣпь неволи разорвемъ,
Огонь и кровь мы на расправу
Въ жилища вражьи принесемъ!
И наши вопли, наши стоны
Съ ихъ алчной яростью умрутъ.
И наши вольные законы
Въ степяхъ широкихъ оживутъ!

(Взволнованный долго ходитъ молча по хатѣ, останавливается и говоритъ какъ бы самъ съ собою).

Славяне, несчастные славяне! Такъ нещадно и такъ много пролито храброй вашей крови междоусобными ножами. Ужели вамъ вѣчно суждено быть игралищемъ иноплеменниковъ? Настанетъ ли часъ искупленія? Придетъ ли мудрый вождь изъ среды вашей погасить пламенникъ раздора и слить воедино любовію и братствомъ могущественное племя?

(Задумывается. Входятъ Катерина съ шапкой и Марьяна).

Катерина.

Слава Богу на силу то угромоздили ихъ: такія большія!

Никита (очнувшись).

Что вы такъ долго съ ними дѣлали?

ЗАПИСКИ В. И. ЯРОСЛАВСКАГО.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ) [1]).

Послѣ привольной сельской жизни въ помѣщичьихъ домахъ на всемъ готовомъ, жизнь въ Петербургѣ на первый разъ была для меня очень трудна. На первое обзаведеніе требовалось много денегъ, а ихъ у меня было весьма недостаточно. Помѣститься гдѣ либо въ трактирѣ я никакъ не рѣшался. И такъ сыскалъ себѣ на Литейной улицѣ во дворѣ, въ верхнемъ этажѣ флигеля, квартиру въ двѣ комнаты съ кухнею, въ домѣ нѣмца хлѣбника. Прислуги не было никакой, и я самъ долженъ былъ все для себя дѣлать: купилъ сажень рубленныхъ дровъ, сложилъ ихъ въ указанный мнѣ сарайчикъ; бывало, встану поутру рано, натаскаю дровъ, затоплю въ грубкѣ, вскипячу въ чайникѣ воды, напьюсь чаю и иду въ департаментъ, а хозяйку попрошу купить мнѣ чвертку телятины и сжарить. Съ такимъ трудомъ прожилъ я цѣлый мѣсяцъ, а на другой я уже сыскалъ въ переулкѣ, за подворьемъ Тройце-сергіевской лавры, квартиру со столомъ и прислугою, и мнѣ было жить гораздо легче; а вскорѣ одинъ чиновникъ, имѣвшій двухъ человѣкъ у себя, пригласилъ меня жить съ нимъ, раздѣляя по-поламъ издержки.

Узналъ я какъ-то о пріѣздѣ изъ Москвы Анны Андреевны Комбурлеевой и, зная ея доброе ко мнѣ расположеніе, пошелъ поздравить ее съ пріѣздомъ. Тутъ Михаилъ Ивановичъ съ насмѣшкою сталъ говорить: «знаешь-ли ты, душенька, Василій

---

[1]) См. „Кіев. Стар.“ 1887 г., сентябрь, стр. 109—152.

Ивановичъ служитъ теперь въ ученомъ департаментѣ; онъ и самъ человѣкъ ученый»! Григорій Николаевичъ Рахмановъ, пріѣхавшій съ нимъ изъ Москвы, выслушавъ эту насмѣшку, пригласилъ меня потомъ въ свою комнату и сказалъ мнѣ: «Михаилъ Ивановичъ оскорбляется тѣмъ, что вы не захотѣли у него служить».—«Что же дѣлать? отвѣчалъ я; коронная служба всегда предпочитается частной, и пословица говоритъ: рыба ищетъ, гдѣ глубже, а человѣкъ, гдѣ лучше». Съ того времени я уже не былъ у Михайла Ивановича ни разу. Можетъ быть, я и худо сдѣлалъ для себя, ибо не получилъ отъ него за 4 мѣсяца жалованья; но какъ я ничего для него не дѣлалъ, то и совѣстно было бы мнѣ просить у него, а безъ просьбы врядъ-ли онъ догадался объ этомъ. Проживъ въ Петербургѣ большую часть лѣта, онъ получилъ должность губернатора въ волынской губерніи; но тамъ, за потачку евреямъ ввозить изъ-за границы контрабанду, въ 1815 году былъ отрѣшенъ отъ должности, преданъ суду и умеръ подъ судомъ. Такъ часто люди стремятся туда, гдѣ надѣются найти свое счастіе, но вмѣсто того находятъ тамъ свою погибель! А притомъ ни одинъ человѣкъ не можетъ похвалиться, что онъ всю жизнь былъ счастливъ; особенно большіе въ жизни счастливцы рѣдко оканчиваютъ жизнь благополучно.

Уладивши по возможности свои квартирныя заботы, я началъ ходить каждый день послѣ обѣда въ домъ правителя канцеляріи и учить его дѣтей: двухъ сыновей, Аполлона и Петра и маленькую дочь Надежду русской грамотѣ, французскому языку, ариѳметикѣ и рисованью. Бабушка ихъ Анна Ивановна всегда находилась при ученіи, потому что въ ея комнатѣ я и училъ ихъ. Дѣти охотно и успѣшно учились; а отецъ и мать, Марья Ивановна, были мною весьма довольны и приглашали меня обѣдать въ большіе праздники или въ дни ихъ именинъ, когда бывали у нихъ всѣ ихъ родственники.

Е. И. Станевичъ, по привозѣ сына Григорія Романовича въ Петербургъ, еще въ 1805 году, перешелъ жить на квартиру къ вдовѣ старшей сестрѣ Н. И. Надаржинской, гдѣ я его и засta-

валъ. Но сынъ этой вдовы, однихъ почти лѣтъ съ Ѳедоромъ Шидловскимъ, былъ великій баловень, прежде времени развратившійся, а потому я не ожидалъ ничего хорошаго отъ такого товарищества для сына Григорія Романовича, и время подтвердило мою догадку. Зимою 1805 года Григорій Романовичъ пріѣзжалъ съ Н. Н. Надаржинской въ Петербургъ и я былъ у него и однѣ разъ обѣдалъ. Надежда И., казалось, обрадовалась, увидѣвши меня и ласково разговаривала со мною; но я обошелся съ нею уже осторожнѣе прежняго, даже не поцѣловалъ у нея руки. Въ то время она была въ обыкновенномъ свѣтскомъ платьѣ, оставила монашеское и свой куколь. Григорій Романовичъ при отъѣздѣ взялъ съ собой своего и ея сына и опредѣлилъ обоихъ въ полкъ къ зятю своему барону Ѳ. К. Корфу.

Той же зимы пришлось мнѣ встрѣтиться съ В. Н. Каразинымъ. Однажды послѣ уроковъ съ дѣтьми правителя канцеляріи прихожу ввечеру къ Мойсею Григорьевичу Ушинскому, который, какъ зять его, жилъ въ томъ же домѣ, и застаю тамъ Александра Степановича Бирюкова; а вскорѣ пришелъ туда и В. Н. Каразинъ, пріѣхавшій недавно изъ Украйны. Пошли разговоры. Каразинъ сталъ говорить, что онъ пріѣхалъ съ важнымъ и весьма полезнымъ для винокуренія проэктомъ объ извлеченіи изъ пива водочнаго спирта и что въ хозяйственномъ департаментѣ министерства внутреннихъ дѣлъ онъ дѣлаетъ химическую печь для этого опыта. Такъ какъ чиновникъ, съ которымъ я жилъ, служилъ въ томъ же департаментѣ, то я и просилъ его дать мнѣ знать, какой успѣхъ будетъ имѣть Каразинъ въ его проэктѣ. Послѣ нѣкотораго времени чиновникъ сообщилъ мнѣ, что директоръ канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ, М. М. Сперанскій, какъ давнишній другъ Каразина, дѣйствительно велѣлъ отвести комнату для устройства, по указанію Каразина, химической печи и печь была устроена, но что ее нѣсколько разъ уже передѣлывали и стопло это не дешево, а между тѣмъ сколько разъ ни извлекалъ Каразинъ изъ пива водочный спиртъ, все выходило его такъ мало, что спиртъ, обыкновенно на винокуренныхъ заводахъ изъ затора простымъ

образомъ извлекаемый, выходитъ лучшій и несравненно дешевле стоитъ. Такъ и не рѣшились, добавилъ онъ, доложить государю, не находя его способъ выгоднымъ.

Разскажу еще другой случай, который едва не окончился для меня непріятностью.

Правитель канцеляріи А. С. Никольскій вздумалъ составить книгу «Основанія россійской словесности», помѣстивъ въ ней грамматику, риторику и поэзію, для преподаванія въ морскихъ училищахъ. Почти всю ее писалъ Ив. Мих. Фовицкій, другой помощникъ столоначальника, преподававшій прежде въ петербургской семинаріи риторику, Никольскій же сдѣлалъ въ ней лишь нѣкоторыя поправки. Имѣя какое-то неудовольствіе на Е. И. Станевича, онъ въ риторикѣ въ примѣръ безсмыслицы привелъ отрывокъ изъ его сочиненій, изданныхъ въ 1805 г., назвавъ его «*галиматьею*». Узналъ я объ этомъ по тому случаю, что Никольскій далъ мнѣ отпечатанные листы для разсмотрѣнія, нѣтъ ли въ нихъ типографскихъ ошибокъ. Читаю я этотъ примѣръ галиматьи и чувствую, что это что-то знакомое мнѣ. Беру сочиненія Евстафія Ивановича и дѣйствительно нахожу приведенный отрывокъ въ статьѣ «О счастіи». Тогда я показалъ приведенное мѣсто старшему сыну Никольскаго, предполагая, что онъ скажетъ о томъ своему батюшкѣ; но онъ не догадался этого сдѣлать. Между тѣмъ дружба моя съ Евстафіемъ Ивановичемъ обязывала меня предупредить его о томъ, такъ какъ это относилось къ хулѣ его слога, которымъ онъ подражалъ благодѣтелю своему Ал. Сем Шишкову, и я рѣшился сказать ему. Въ справедливости моего заявленія Станевичъ удостовѣрился въ морской типографіи, гдѣ печатался этотъ курсъ литературы, и тотъ-часъ обратился къ директору департамента графу де-Местру, а тотъ, какъ ближайшій другъ министра Чичагова, каждый день бывавшій въ его домѣ, разсказалъ ему. Чичаговъ сдѣлалъ за это Никольскому строгій выговоръ, замѣтивъ, что, приводя примѣры худаго слога изъ сочиненій своихъ сослуживцевъ, единственно по нерасположенію къ нимъ, самъ соста-

витель учебной книги подаетъ худой примѣръ ученикамъ, и добавилъ, чтобы онъ непремѣнно выбросилъ этотъ примѣръ. Тогда Никольскій набросился на меня, называлъ меня неблагодарнымъ, предателемъ, измѣнникомъ, *мазепою* и другими оскорбительными словами, едва только удерживаясь бить меня. Не знаю, что было бъ дальше; но тутъ вмѣшалась жена его Анна Ивановна; она мало-по-малу успокоила его и уговорила не сердиться на меня. Никольскій однако былъ въ затрудненіи, чѣмъ замѣнить примѣръ худаго слога, такъ неудачно выбранный, и въ первое присутствіе въ департаментѣ обратился за этимъ къ А. С. Шишкову. Тотъ, не задумавшись, отвѣчалъ: «всего лучше помѣстите изъ сочиненій Сумарокова эпиграмму: «Танцмейстеръ! ты богатъ; профессоръ! ты убогъ; конечно, голова въ почтеніи меньше ногъ»? Съ этимъ примѣромъ и напечатаны «Основанія россійской словесности» на казенный коштъ, а составителю этой книги А. С. Никольскому пожалованъ орденъ св. Анны 2 класса, вскорѣ же послѣ того онъ былъ произведенъ въ д. ст. совѣтники. Такъ, нерѣдко Божіе провидѣніе жестокія бури обращаетъ въ благотворную тишину!

За все время службы моей въ Петербургѣ я продолжалъ вести письменныя сношенія съ благодѣтелемъ моимъ А. А. Палицынымъ и получать отъ него отвѣты, иногда и по два раза въ годъ. Зимою 1807 года умерла предобрая жена его Авдотья Александровна, по смерти которой онъ сдѣлался весьма скучнымъ.

Послѣ описаннаго случая съ книгой «Россійской Словесности», никакихъ уже непріятностей не возникало у насъ съ правителемъ канцеляріи Никольскимъ; напротивъ онъ сталъ показывать какое-то особое ко мнѣ расположеніе. Однажды начинаетъ онъ самымъ чувствительнымъ образомъ благодарить меня за усердное ученіе его дѣтей и говоритъ, что онъ ничѣмъ инымъ не можетъ меня отблагодарить, какъ только предложивъ мнѣ переѣхать къ нему и пользоваться отъ него квартирой, столомъ и прислугою. Опасаясь быть совершенно занятымъ единственно обученіемъ его дѣтей, я учтиво отказался отъ его милостиваго предложенія. Никольскій переждалъ нѣкоторое время

и то же предложеніе сдѣлалъ мнѣ чрезъ Ев. И. Станевича; я опять отказался, заявивъ, что хочу быть свободнымъ. Наконецъ съ тѣмъ же предложеніемъ подступаетъ ко мнѣ старшій сынъ Никольскаго, Павелъ Александровичъ, съ которымъ часто я прохаживался въ Лѣтнемъ саду, и увѣряетъ меня, что если я исполню моимъ согласіемъ волю его отца и матери, то много ихъ обрадую. Опасаясь, чтобъ они не подумали, что я веду развратную жизнь, я согласился напослѣдокъ перейти къ нимъ и перешелъ. Что же? Въ тотъ же день жена Никольскаго, Марья Ивановна, говоритъ мнѣ:

— В. И.! что вы любите по утру пить: чай или кофе? Мы всѣ пьемъ чай; а Сашенька (старшая дочь Никольскихъ, уже невѣста) одна пьетъ кофе. Хотите, и вамъ будутъ его приносить.

— Я не разборчивъ и прихотей не имѣю, отвѣчалъ я; что угодно будетъ вамъ велѣть мнѣ приносить, то и буду пить.

И вотъ мнѣ стали подавать кофе, мнѣ и Сашенькѣ. Это бы ничего; но я замѣтилъ, что ласки Никольскихъ ко мнѣ все увеличиваются, особенно увеличивается расположеніе Сашеньки.

Осенью 1807 г. у зятя ихъ Моисея Гр. Ушинскаго были крестины старшаго его сына; при этомъ былъ по обыкновенію, какъ короткій его пріятель, и Ал. Ст. Бирюковъ. Выпивши шампанскаго за новорожденнаго, послѣдній хотѣлъ поцѣловать Сашеньку; но она прибѣгаетъ ко мнѣ и говоритъ:

— Этотъ старый, лысый хочетъ меня поцѣловать; лучше я васъ, В. И., по цѣлую.

Я остолбенѣлъ, а Бирюковъ слѣдомъ за нею, слышитъ ея слова, хлопаетъ въ ладоши и кричитъ: «браво, браво!»

Наканунѣ крещенія 1808 года мать Сашеньки, по обыкновенію, вздумала гадать, выливая оловомъ.

— Хотите, говоритъ она мнѣ: я и вамъ загадаю. Посмотримъ, что выйдетъ.

— Хорошо, говорю я

Она вылила и говоритъ:

— Что это все выходитъ вамъ дорога?

— Не знаю, отвѣчалъ я.

Тѣмъ разговоръ на этотъ разъ и кончился.

18-го марта былъ день ангела Сашеньки; за столомъ подносятъ и мнѣ вино пить за ея здоровье, я отказываюсь. Матушка не вытерпѣла и при всѣхъ родныхъ и при А. С. Бирюковѣ выпалила мнѣ въ упоръ:

— Какъ вамъ не стыдно, В. И.? Сашенька васъ болѣе всѣхъ любитъ, а вы не хотите пить за ея здоровье?

Бирюковъ заоралъ во всю глотку: «браво, браво!» Я сгорѣлъ отъ стыда.

Однакожъ я всегда имѣлъ въ мысляхъ, что я съ маленькимъ моимъ жалованьемъ не могу прилично содержать жены; вотъ старшій зять ихъ столоначальникъ и 1200 руб. получаетъ, а все же съ трудомъ содержитъ свою жену; ему не разъ уже давали чувствовать, что въ домѣ имъ тяготятся и чтобы онъ искалъ себѣ квартиры, но онъ какъ будто не понимаетъ. Думаю себѣ, что та же участь и мнѣ будетъ, если женюсь на Сашѣ. Иное дѣло Ал. Ст. Бирюковъ, бывшій мой учитель: онъ, хотя и старикъ, но уже начальникъ отдѣленія, получаетъ хорошее жалованье, имѣетъ казенную квартиру и дрова, влюбленъ въ нее, и она можетъ быть за нимъ гораздо болѣе счастлива, нежели за мною.

Положеніе мое было щекотливо и затруднительно. Какъ избѣжать его? Искать перемѣщенія по другому министерству въ Петербургѣ? Но Никольскіе почли бы это съ моей стороны неблагодарностью; а можетъ быть потребовали бы отъ меня еще большихъ и тягостнѣйшихъ жертвъ. Всего лучше, думалъ я, искать мнѣ мѣста въ губерніяхъ. И вотъ, помня, какъ дядюшка мой хорошо живетъ въ Харьковѣ губернскимъ архитекторомъ и зная, что онъ выслужилъ уже срокъ службы, я рѣшился напомнить объ немъ сенатору Ал. Теплову, бывши у него на новый годъ. Тепловъ хорошо отозвался о немъ и сказалъ: «если вашъ дядя подастъ въ отставку, пусть напишетъ ко мнѣ, куда поступитъ его прошеніе, и я постараюсь испросить ему пенсіонъ». Объ этомъ благодѣтельномъ отзывѣ я увѣдомилъ дядюшку; но вмѣсто письма къ Теплову, онъ написалъ мнѣ, что служить

съ 1765 года, что подалъ въ отставку и желалъ-бы получить хоть малый пенсіонъ и хотя губернаторъ сказалъ ему, что представитъ въ сенатъ, но затѣмъ онъ не знаетъ, куда поступитъ его прошеніе, ибо въ такихъ дѣлахъ не свѣдущъ». Послѣ этого мнѣ нечего было дѣлать и я уже ничѣмъ не могъ возблагодарить моего дядю, принявшаго меня, безпріютнаго сироту, въ свой домъ. Сталъ я послѣ сего высматривать подобное мѣсто въ другихъ губерніяхъ и узнавъ изъ адресъ-календаря, что въ Херсонѣ есть вакансія губернскаго архитектора, а изъ газетъ освѣдомясь о пріѣздѣ въ Петербургъ управлявшаго тремя губерніями новороссійскаго края Дюка-де-Ришелье, подалъ ему просьбу о назначеніи меня на упомянутую должность, представивъ притомъ и нѣкоторые планы, сдѣланные мною въ Петербургѣ по правиламъ городской архитектуры. Навѣдывался я къ нему нѣсколько разъ и, по счастію, засталъ однажды у него француза Томона, строившаго въ Петербургѣ зданіе биржи. Тотъ, разсмотрѣвъ мои планы сказалъ, что всѣ желающіе быть губернскими архитекторами не' иначе опредѣляются, какъ по аттестатамъ академіи художествъ за подписью профессора архитектуры Захарова и что Дюкъ велѣлъ мнѣ доставить отъ него аттестатъ. По счастію профессоръ Захаровъ былъ также и главнымъ архитекторомъ по адмиралтействамъ и по его прожекту обстраивалось въ Петербургѣ адмиралтейство, а переписка объ этомъ происходила по моему столу. И такъ представилъ я ему планы, а онъ, испытавъ мои познанія въ архитектурѣ и задавъ мнѣ программу для составленія плана городскихъ воротъ съ башнею при въѣздѣ, дѣланный мною вчернѣ планъ одобрилъ и подписалъ приготовленный мною аттестатъ. Просьба моя и аттестатъ отъ Дюка-де-Ришелье, при отъѣздѣ его, переданы были вновь опредѣленному въ Херсонъ гражданскому губернатору князю Петру Сергѣевичу Мещерскому. На представленіе его министерству внутреннихъ дѣлъ князь Ал. Б Куракинъ, два раза прежде благодѣтельствовавшій мнѣ, изъявилъ свое согласіе на опредѣленіе меня въ Херсонъ губернскимъ архитекторомъ. Будучи уже удостовѣренъ въ полученіи новой должности, я подалъ прошеніе въ главный адмиралтейскій

департаментъ объ увольненіи меня отъ должности помощника стольначальника. Представившіяся затрудненія были преодолѣны, и я получилъ увольненіе 4 мая 1808 года.

Настало прощанье съ А. С. Никольскимъ и его семьею. Чувствительны для меня были слезы Марьи Ивановны, ея дочери Сашеньки и прочихъ дѣтей; первая не утерпѣла открыться, что она не думала такъ скоро со мною разстаться.

По отношеніямъ князя Мещерскаго выданы мнѣ были прогоны и подорожная по казенной надобности; сыскался также и хорошій попутчикъ, помощникъ одесскаго почтмейстера, колл. ас. Артемій Макарычъ Худобашевъ. Его мать и братъ, жившіе въ Петербургѣ во дворѣ армянской церкви, надѣлили насъ всѣмъ, нужнымъ намъ въ дорогѣ и мы, купя повозку, поѣхали по бѣлорусской дорогѣ, какъ ближайшей; къ тому же моему товарищу нужно было заѣхать въ Нѣжинъ къ роднымъ.

Выѣхали мы изъ Петербурга еще по зимней дорогѣ; но скоро она начала портиться, и чѣмъ далѣе мы ѣхали, тѣмъ болѣе дорога дѣлалась для насъ затруднительной. За Витебскомъ мы принуждены были переправляться чрезъ распустившіяся уже рѣчки и рѣки, однакожъ благополучно доѣхали до Николаева гдѣ и разстался я съ добрымъ моимъ спутникомъ. Приставъ почтовой станціи не совѣтовалъ мнѣ одному ночью ѣхать на перекладной повозкѣ въ Херсонъ; по дорогѣ, говоритъ онъ, встрѣчаются иногда грабежи, и въ самомъ Херсонѣ жена губернскаго землемѣра Сиврачи убила своего мужа. «Ну, въ хорошую же сторону я ѣду служить», невольно подумалъ я и все таки поѣхалъ.

По пріѣздѣ моемъ въ Херсонъ прежде всего я поставилъ себѣ обязанностію письменно благодарить Ал. Сер. Никольскаго и жену его Марью Ивановну за тѣ милости, какими я пользовался въ ихъ домѣ; писалъ и къ сыну ихъ Павлу Ал. и зятю Моисею Гр., а также къ почтенному моему наставнику Ал. Ал. Палицыну, извиняясь предъ нимъ, что не могъ ѣхать черезъ Украину и заѣхать къ нему. Въ разное время я велъ отсюда переписку не только съ нимъ, но съ Е. И. Станевичемъ и Ив. Ѳед. Богдановичемъ. Послѣдній давалъ мнѣ замѣтить, что въ

Петербургѣ я могъ бы болѣе выиграть по службѣ, нежели въ Херсонѣ. Можетъ быть, его мысли и справедливы; но я чувствовалъ свои недостатки: простоту, излишнюю откровенность, неискательность и неумѣнье льстить; а съ этими, для большаго свѣта, пороками далеко тамъ не уѣдешь.

Впродолженіи многолѣтняго моего здѣсь служенія со мною случались обстоятельства, сколько припомню, пріятныя и непріятныя.

Первое. Былъ здѣсь строительный комитетъ, въ которомъ князь назначилъ меня быть архитекторомъ съ жалованьемъ по 500 руб. Ему не нравилась фигура купола на зданіи съѣстнаго рынка, именуемаго *„шопою“*, по плану адмиралтейскаго архитектора Ѳ. Ив. Вунша. Я сдѣлалъ фасадъ съ бельведеромъ, уменьшавшимъ величину купола; онъ былъ одобренъ княземъ и въ натурѣ произведенъ.

Второе. Комитетъ призналъ нужнымъ построить близь пристани рѣки Днѣпра лавки для торговцевъ и складки разныхъ припасовъ; для построенія ихъ я сдѣлалъ планъ. По вырытіи рвовъ для фундамента оказалось вода; я разсудилъ сдѣлать изъ деревянныхъ плещиковъ роствергъ и на немъ уже основать каменный фундаментъ. Этотъ способъ оказался хорошимъ, а строеніе столь прочнымъ, что во все время моего въ Херсонѣ житья не было ни малѣйшей трещины на строеніи.

Третье. Составилъ я планы и смѣты для квартиръ военнымъ офицерамъ, въ облегченіе жителей города. Построеніе отдано было подрядчику. При рытьи канавъ для фундаментовъ оказалось во многихъ мѣстахъ, что здѣсь прежде были погреба француза Антоана и завалены навозомъ; градской голова Албрандтъ, бывшій у него прикащикомъ, объ этомъ не сказалъ, и надобно было дѣлать дополнительныя смѣты.

Четвертое. Благодѣтельный для меня князь Мещерскій не долго былъ въ Херсонѣ губернаторомъ. Дюкъ передалъ ему свою обязанность, возложенную па него государемъ: заготовить на сотни тысячъ провіанта и овса для молдавской арміи, пригласивъ дворянъ для поставки его. Дворяне потребовали высокія

цѣны. Въ это время явились Фундуклей и повѣренный Перетца, всеобщаго подрядчика и его товарища по подрядамъ, и просили дать имъ на коммисію эту поставку, съ платежемъ имъ по 5 процентовъ съ рубля, съ тѣмъ, что они берутся поставить провіантъ ниже справочныхъ цѣнъ. На представленіе князя объ утвержденіи этого подряда, Дюкъ въ отвѣтъ ему сказалъ, что это остается на собственной его отвѣтственности. Коммисіонеры, получа деньги, разослали по разнымъ мѣстамъ своихъ коммиссіонеровъ для покупки провіанта, возовъ, воловъ и фурщиковъ, для доставки его въ Молдавію. Между тѣмъ князь Багратіонъ, командовавшій тогда молдавскою арміею, донесъ государю, что солдаты умираютъ съ голоду. И такъ князь Мещерскій для оправданія, почему онъ не исполнилъ повелѣнія государя о заготовленіи провіанта посредствомъ дворянъ-помѣщиковъ, долженъ былъ ѣхать въ Петербургъ, и оттуда уже не возвратился, а вице-губернаторъ Есиповъ и секретарь его, совѣтовавшіе ему отдать заготовленіе провіанта на коммисію Фундуклею и Перетцу, воспользовались отъ нихъ важными подарками.

Пятое. По молодости и невоздержности моей я заразился скверною болѣзнію и не умѣлъ при началѣ совершенно излѣчиться отъ нея, отъ чего мое здоровье много пострадало: всегдашній на лицѣ моемъ румянецъ и ясность взора исчезли, я сталъ худѣть и сдѣлался непохожъ самъ на себя.

Шестое. Поручено было мнѣ надсматриваніе за починками дома почтовой конторы, а починки эти производилъ почтмейстеръ Пятницкій и дѣлалъ все по своему произволу, а не по смѣтѣ; отъ сего возникла между нами непримиримая вражда, а вскорѣ нашлась другая, еще большая, для того причина. Мой харьковскій соученикъ Николай Подколзинъ былъ женатъ на дочери сего почтмейстера, но не жилъ съ нею, а говорилъ мнѣ, что сама она живетъ съ другими. Однажды ввечеру соборный протоіерей Григорій Саржановичъ приходитъ къ вице-губернатору Ивану Христофоровичу Калагеоргію, который всегда любилъ меня и въ домѣ котораго я всегда былъ принятъ, какъ бы ближайшій его родственникъ. Протоіерей говоритъ ему, что Подколзинъ, оставя

жену, дочь почтмейстера, живетъ съ любовницею и проситъ, чтобъ ему воспрещено было такое беззаконное житье. Выслушавъ протоіерея, я имѣлъ неосторожность сказать: «Батюшка! вы говорили о развратной жизни Подколзина; вамъ бы слѣдовало прежде выслушать его самого; онъ бы вамъ сказалъ, что и жена его не совсѣмъ хорошо ведетъ себя. Какъ отецъ духовный, вы должны ссоры между мужемъ и женою примирять кротостью. Къ тому жъ Подколзинъ служитъ по адмиралтейству полицмейстеромъ; такъ что можетъ гражданская власть надъ нимъ сдѣлать? У него есть свое начальство». Вице-губернаторъ и самъ сказалъ протоіерею, что не можетъ вмѣшиваться въ это дѣло; но я чрезъ свою неосторожность нажилъ себѣ и еще двухъ недоброжелателей, протоіерея и губернаторскаго секретаря Похитонова, неразлучнаго друга Пятницкаго.

Седмое. Весною 1809 года пріѣхалъ въ Херсонъ полковникъ артиллеріи Ив. Ив. Львовъ для исправленія въ крѣпости арсенала, построеннаго еще во время князя Потемкина, и по рекомендаціи инженернаго генерала обратился ко мнѣ съ приглашеніемъ принять на себя завѣдываніе работами, сказавъ притомъ, что адмиралтейскій департаментъ полагаетъ архитектору жалованье 2,500 рублей. Кусочекъ былъ лакомый; но я, зная раньше о желаніи состоявшаго при херсонскомъ адмиралтействѣ архитектора Вунша воспользоваться столь выгоднымъ случаемъ, притомъ не имѣя у себя помощника, ниже ученика и будучи одинокъ и слабаго здоровья, отказался отъ сдѣланнаго мнѣ Львовымъ предложенія и указалъ на Вунша, человѣка женатаго и имѣющаго много дѣтей, давно въ этомъ краю живущаго, болѣе меня свѣдущаго въ прочности здѣшнихъ матеріаловъ и мастеровыхъ людей. Львовъ предложилъ ему и Вуншъ охотно согласился. Стали свидѣтельствовать поврежденія въ арсеналѣ. Вуншъ хвалился мнѣ выгодною коммисіею, а я передалъ ему подробно мой разговоръ со Львовымъ. Вуншъ цѣлуетъ меня, благодаритъ и говоритъ, что я поступилъ съ нимъ, какъ лучшій его другъ. Но вдругъ дѣло получаетъ неожиданный оборотъ. Предположеніе артиллерійскаго департамента о суммѣ жалованья

архитектору тогда еще не было утверждено, а на представленіи о семъ военный министръ графъ Аракчеевъ написалъ: «съ перваго взгляда усматриваю я нехозяйственное распоряженіе артиллерійскаго департамента. Какъ можно положить архитектору 2,500 рублей? Довольно 500 руб.» Вуншъ письменно отказался тогда отъ предложенныхъ занятій, а Львовъ опять обратился ко мнѣ; когда же я снова отказался, онъ просилъ губернское правленіе предписать мнѣ составить планъ и смѣты на исправленіе арсенала, а мнѣ грозилъ, въ случаѣ моего отказа, донести генералъ-губернатору Дюку-де-Ришелье, который и самъ находился въ зависимости отъ военнаго министра. Отказываться болѣе было невозможно. Но лишь только Вуншъ узналъ о моемъ согласіи, тотчасъ написалъ представленіе своему портовому начальнику фонъ-Миллеру, заявляя, что готовъ заняться смотрѣніемъ арсенала и безъ жалованья. Заявленіе его однакожъ не было принято департаментомъ, Львовъ получилъ даже выговоръ за медленность. Но мнѣ отъ того было не легче. Градская полиція показала цѣны матеріаламъ и мастеровымъ весьма низкія, а Львовъ такъ торопилъ меня составленіемъ смѣтъ, что не доставало мнѣ времени внимательно и подробно вникнуть во всѣ мелочи подробныхъ матеріаловъ и подѣлокъ и положить имъ настоящія цѣны. На всѣ работы было исчислено мною 225,033 р. 95 коп. и сверхъ того я имѣлъ осторожность положить на всю сумму десять процентовъ въ случаѣ возвышенія цѣнъ на матеріалы и рабочихъ. Такихъ-то хлопотъ и непріятностей набрался я, желая сдѣлать добро другому!

Восьмое. Военный губернаторъ Дюкъ-де-Ришелье, видя хорошее управленіе губерніею вице-губернатора Калалеоргія, представилъ его въ губернаторы; но на докладѣ о семъ министра внутр. дѣлъ государь изволилъ написать: «молодъ!» Причина однакожъ была другая: за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ Калагеоргій, бывши совѣтникомъ въ херсонской казенной палатѣ, за растрату казначеями денегъ, отрѣшенъ былъ вмѣстѣ съ прочими членами отъ должности, и мѣсто вице-губернатора получилъ единственно по ходатайству великаго князя Константина

Павловича, котораго онъ и Курута учили греческому языку. Губернаторомъ къ намъ, по представленію Дюка, былъ назначенъ служившій при немъ чиновникомъ особыхъ порученій, давнишній мой знакомый, камеръ-юнкеръ Гр. Н. Рахмановъ. Это дало поводъ Калагеоргію сказать: «мнѣ около 40 лѣтъ и меня назвали молодымъ; а вмѣсто меня поставили губернаторомъ старика 25 лѣтъ»!

Девятое. Григорій Николаевичъ Рахмановъ былъ женатъ на Катеринѣ Аполлоновнѣ Волковой, дочери члена государственнаго совѣта. Это была красавица въ собственномъ смыслѣ и такъ превосходно и быстро играла на фортепьяно, что во всю мою жизнь я не видѣлъ подобной искусной игры; при томъ она и пѣла очень хорошо и имѣла прекрасный голосъ. По вступленіи Г. Н. Рахманова въ должность 1809 года, однажды онъ спрашивалъ секретаря своего Похитонова о познаніяхъ и способностяхъ и о поведеніи многихъ губернскихъ чиновниковъ. Похитоновъ о каждомъ изъ нихъ отзывался по своему расположенію, напослѣдокъ сказалъ: «есть у насъ губернскій архитекторъ Ярославскій, человѣкъ молодой, гордый, не повинуется предписаніямъ начальства». Григорій Николаевичъ на эту аттестацію о мнѣ сказалъ: «О Василіѣ Ивановичѣ не говорите мнѣ ни слова; я его прежде васъ всѣхъ и лучше васъ всѣхъ знаю». Пересказывалъ мнѣ это полиціймейстеръ Константиновъ, бывшій при томъ разговорѣ.

Десятое. Похитоновъ продолжалъ и далѣе мстить мнѣ; но я нашелъ себѣ защиту въ Рахмановѣ. Строительный комитетъ предположилъ для осушки городскихъ низменныхъ мѣстъ, лежащихъ при рѣкѣ Днѣпрѣ, раздать землю желающимъ по участкамъ, назначеннымъ по плану, для огородовъ и разведенія садовъ. Я выбралъ себѣ участокъ, гдѣ было посуше, и подалъ въ комитетъ просьбу объ отводѣ его мнѣ; а въ тоже время совѣтовалъ хорошему пріятелю своему кол. асс. Василію Иван. Ксіонзенку, помощнику почтмейстера, просить участокъ подлѣ моего, что тотъ и сдѣлалъ. Похитоновъ, завѣдывавшій дѣлами и въ комитетѣ, захотѣлъ взять себѣ участокъ земли, просимый

Ксіонзенкомъ, и написалъ опредѣленіе о раздачѣ участковъ земли всѣмъ просителямъ, кромѣ Ксензенка, о просьбѣ котораго вовсе было умолчано. Увидавъ это опредѣленіе у члена комитета, купца Андрея Козорѣзова, я въ досадѣ разорвалъ оное. О такой дерзости моей Похитоновъ не преминулъ донести губернатору, требуя предать меня уголовному суду; но какъ опредѣленіе не было еще подписано никѣмъ, кромѣ Похитонова, то губернаторъ, узнавъ изъ словеснаго моего оправданія всю несправедливость своего секретаря, оставилъ это дѣло, сказавши только мнѣ, что «не слѣдовало рвать опредѣленія, хотя оно было и несправедливо составлено, и что Ксензенко самъ, если онъ чувствовалъ обиду, могъ жаловаться». Это обстоятельство послужило поводомъ къ тому, что всѣ участки остались безъ раздачи: по распоряженію губернатора, на тѣхъ низменныхъ мѣстахъ сдѣланъ былъ по моему плану бульваръ, обсаженный деревьями и обнесенный деревянною рѣшеткою.

Одинадцатое. Осенью 1809 года губернаторъ, отправляясь въ Елисаветградъ и Александрію, для обревизованія губерніи, взялъ и меня съ собою. Въ первомъ городѣ мы остановились въ домѣ богатаго откупщика Фундуклея, и тутъ было намъ дѣлано великолѣпное угощеніе. Получивъ здѣсь отъ военнаго губернатора Дюка-де-Ришелье предписаніе о заготовленіи для молдавской арміи провіанта и овса посредствомъ дворянъ помѣщиковъ, Гр. Н. Рахмановъ отвѣчалъ, что онъ приметъ всѣ мѣры для удачнаго выполненія и съ пользою для казны этого порученія, но съ тѣмъ, если Дюкъ испроситъ у государя производство его въ дѣйств. стат. совѣтники. Дюкъ поспѣшилъ дать ему въ томъ удостовѣреніе, и мы поѣхали въ александрійскій уѣздъ и остановились въ селѣ Онофріевкѣ, имѣніи Мих. Ив. Комбурлея. Сюда собраны были помѣщики нѣсколькихъ уѣздовъ; недѣли двѣ угощали ихъ хорошими винами, столомъ, ѣздили на охоту. Такимъ способомъ Рахмановъ успѣлъ склонить ихъ сдѣлать приговоръ о доставкѣ въ Херсонъ, соразмѣрно владѣемаго каждымъ помѣщикомъ числа душъ крестьянъ, положенное количество четвертей ржи, пшена, крупъ и овса. Тутъ были помѣщики елисаветградскаго,

ольвіопольскаго, александрійскаго и херсонскаго уѣздовъ и всѣмъ имъ Григорій Николаевичъ назначилъ цѣну ржи по 7 руб. ассигнаціями. Въ Херсонѣ, куда я въ самомъ началѣ этого дѣла былъ отправляемъ для возвышенія и вымощенія затопляемыхъ водою низменныхъ мѣстъ, закипѣло построеніе вновь и оснащеніе прежнихъ судовъ; началась доставка провіанта и фуража въ Молдавію и Валахію въ назначенные порты. Всю эту операцію Григорій Николаевичъ возложилъ на полиціймейстера Константинова и, считая его преданнымъ себѣ, самъ росписывался въ принятіи изъ уѣзднаго казначейства суммъ, а ему выдалъ книгу для записки въ нее, сколько кому будетъ выдано, за доставку провіанта денегъ, придавъ ему въ помощь и для веденія всѣхъ разсчетовъ довѣреннаго своего секретаря Требухова. Но Константиновъ увѣрилъ этого послѣдяго, что теперь некогда каждую выдачу денегъ заносить въ книгу, довольно брать отъ судовщиковъ росписки въ полученіи ими денегъ, а послѣ на свободѣ можно будетъ записать всѣ расходы въ книгу. Григорій Николаевичъ, слишкомъ довѣряя имъ, не позаботился тогда же взглянуть въ книгу и такое упущеніе было для него впослѣдствіи времени крайне непріятно; но объ этомъ скажу послѣ.

Двѣнадцатое. Дюкъ выполнилъ свое обѣщаніе и Григорій Николаевичь въ 1810 г. изъ камеръ-юнкеровъ пожалованъ былъ прямо въ дѣйствительные статскіе совѣтники, хотя не задолго предъ тѣмъ издано было именное повелѣніе, что тѣ только камеръ-юнкеры считаются въ 5 классѣ, которые находятся при дворѣ въ должности. Со всѣми губернскими чиновниками и я пришелъ поздравить Григорія Николаевича съ полученіемъ этого вожделѣннаго чина. Помню, что. послѣ поздравленія я стоялъ у окна; Григорій Николаевичъ, подойдя ко мнѣ, сказалъ: «мнѣ только 25 лѣтъ, и я уже дѣйств. ст. совѣтникъ, а тамъ буду тайный, а тамъ, а тамъ»..... Я отъ души пожелалъ ему все получить. Удачная доставка провіанта послужила ему въ 1811 году и къ другой важной наградѣ: имѣя только св. Владиміра 4 степени, онъ прямо получилъ 1 степени св. Анны. Въ другое время, идучи со мною по улицѣ, Григорій Николаевичъ говорилъ

мнѣ: «я выполняю теперь важную коммисію,—поставку провіанта для арміи 150 тысячъ четвертей: показавъ за доставку по 1 руб. выше настоящей цѣны, можно бы получить 150 тысячъ рублей, а по 2 р.—и вдвое больше; но я помню, что мы всѣ смертные и по смерти ничего съ собою не возьмемъ». Я похвалилъ его безкорыстіе; однако послѣ я видѣлъ на лицѣ его пушекъ, какъ говоритъ баснописецъ Крыловъ.

Тринадцатое. Составленные мною и посланные въ Петербургъ планы и смѣты на перестройку арсенала разсматривались тамъ весьма долго и возвращены лишь въ ноябрѣ 1809 г. притомъ съ значительными перемѣнами. Велѣно было первоначально заняться сломкою арсенала, а потомъ раздѣлить работы такъ, чтобы каждая часть, кромѣ матеріаловъ, не превышала 10,000 рублей. Подрядчикъ Грудницкій брался произвести всѣ работы за исчисленныя по смѣтамъ суммы, съ прибавкою противъ нихъ десяти процентонъ и съ тѣмъ чтобы казначейство каждый мѣсяцъ выдавало ему на 500 рублей мѣдными деньгами, въ которыхъ былъ тогда большой недостатокъ. Представленіе объ этомъ долго лежало сперва въ артиллерійскомъ департаментѣ, потомъ у военнаго министра, наконецъ въ сенатѣ; такъ какъ подрядъ былъ на большую сумму, то вѣрно ждали, что подрядчикъ самъ явится къ нимъ съ поклономъ. Сенатъ наконецъ утвердилъ контрактъ; департаментъ предписалъ Львову заключить съ Грудницкимъ контрактъ съ наддачею противъ смѣтъ десяти процентовъ, но въ размѣнѣ денегъ на мѣдь министерство финансовъ отказало. Прошло между тѣмъ больше года отъ составленія смѣтъ; цѣны на матеріалы и рабочихъ значительно поднялись и перестроить арсеналъ по прежнимъ смѣтамъ не представлялось уже возможности: подрядчикъ, вмѣсто обогащенія, могъ разориться самъ и подвергнуть тяжкой отвѣтственности меня вмѣстѣ съ Львовымъ. Я счелъ нужнымъ объяснить это подрядчику; тотъ сначала не повѣрилъ, а когда призванные имъ каменщики удостовѣрили его, что цѣны стали вдвое дороже противъ смѣты, то онъ рѣшительно на бумагѣ отказался отъ подряда. Припоминаю себѣ все неудовольствіе на меня и выговоръ со слезами добраго И. И.

Львова: «я считалъ тебя, говорилъ онъ мнѣ, лучшимъ моимъ другомъ, а теперь вижу, что ты первый мой врагъ! Что мнѣ теперь дѣлать? Вся служба моя этимъ опорочена!» Для успокоенія его, я сказалъ: «представляя объ отказѣ подрядчика Грудницкаго, вы напишите, что какъ здѣсь нѣтъ другихъ подрядчиковъ, то въ такой крайности не остается вамъ иного средства, какъ взять на себя обязанность перестройки арсенала хозяйственнымъ образомъ, стараясь по возможности не выходить изъ смѣтнаго положенія». Въ такомъ смыслѣ было отъ него написано представленіе арт. департаменту, которое, по докладу военнаго министра, государь изволилъ утвердить, съ тѣмъ лишь, чтобы перестройка арсенала производилась подъ главнымъ надзоромъ военнаго губернатора, Дюка-де-Ришелье.

Четырнадцатое. Учрежденный для перестройки арсенала комитетъ повелъ быстро работы. Между тѣмъ Григорію Николаевичу прискучилось жить въ крѣпости, отстоящей отъ города версты на полторы, и особенно въ осеннее и зимнее время, въ городѣ же для его помѣщенія удобнаго дома не было. Онъ захотѣлъ строенный комитетомъ домъ для квартиръ офицерамъ обратить для помѣщенія гимназіи, съ тѣмъ, чтобы устроить при этомъ и для себя квартиру. Помѣщеніе для гимназіи тѣмъ болѣе было необходимо, что уже и директоръ ея въ Херсонъ прибылъ. За отказомъ подрядчика Вармера отъ этой перестройки, комитетъ самъ началъ производить работы; но для этого новаго предположенія надлежало изъ маленькихъ комнатъ дѣлать большія, кухни обратить въ залу для экзаменовъ, а погреба въ кухни; также сдѣлать конюшни и сараи. Все это требовало большихъ расходовъ, тѣмъ болѣе, что при рытьѣ рвовъ для фундамента оказались такія же, какъ и въ другихъ мѣстахъ, глубокія ямы, закиданныя навозомъ. Случилось еще, что сосѣдній весьма ветхій домъ, который я надѣялся поддержать постройкою новой стѣны, почти обвалился. Это вмѣнено было мнѣ въ упущеніе, и надзоръ за работами порученъ былъ сперва инженерному подполковнику Банову, а послѣ отказа его морскому архитектору Вуншу. Всѣмъ этимъ распоряжался Григорій Николаевичъ и

той же осени перешелъ въ этотъ домъ жить. Въ двухъ комнатахъ близь большой его залы учители гимназіи преподавали науки. Въ 1811 году онъ принималъ въ этомъ домѣ Марью Антоновну Недышкину, путешествовавшую по южнымъ губерніямъ Россіи. Въ томъ же домѣ въ большой залѣ угодно было ему назначить лѣтомъ произвесть дворянскіе выборы. Женское любопытство побудило Катерину Аполлоновну одинъ или два раза войти въ залъ во время выборовъ сказать нѣсколько словъ александрійскимъ помѣщикамъ. Губернскій прокуроръ Мержіевскій, съ котораго полиціймейстеръ Константиновъ взыскивалъ должные имъ кому-то тысячу рублей и которому Григорій Николаевичъ на его жалобу о семъ сказалъ, что Константиновъ исполняетъ свою должность, воспользовался этимъ случаемъ и послалъ доносъ министру юстиціи, что губернаторъ назначилъ выборы въ томъ домѣ, въ которомъ самъ живетъ, склонялъ дворянъ выбирать въ разныя должности такихъ, какіе ему были угодны и что жена его выходила во время выборовъ въ залъ и о томъ же дворянъ уговаривала. При докладѣ о семъ министромъ, государь изволилъ велѣть сенату потребовать отвѣтъ отъ губернатора. Григорій Никол. просилъ Дюка писать государю въ защиту его; но Дюкъ отказался. И такъ надобно было Григорію Никол. ѣхать самому въ Петербургъ для отвѣта. Тутъ только спохватились члены строительнаго комитета, видя, что весьма большая сумма употреблена на домъ гимназіи, что по этому предмету не сдѣлано никакого постановленія въ комитетѣ и что вся отвѣтственность обратится на нихъ однихъ. Послѣ долгихъ переговоровъ съ Бановымъ и его отказа, пришлось мнѣ, по просьбѣ Григорія Николаевича, составлять фальшивую смѣту, со многимъ грѣхомъ и ложью, чтобы вывесть издержанную сумму. Секретарь Похитоновъ написалъ опредѣленіе и всѣ члены комитета подписали. Само собою разумѣется, что при этомъ не обошлось безъ нѣкоторыхъ непріятныхъ съ Григоріемъ Николаевичемъ объясненій.

Пятнадцатое. Видя его неудовольствіе на меня, котораго я отнюдь не заслуживалъ, я вовсе пересталъ къ нему ходить;

но въ началѣ іюля захотѣлось мнѣ поѣхать въ Одессу, гдѣ хорошій мой пріятель В. И. Ксіонзенко исправлялъ должность почтмейстера, и я поневолѣ долженъ былъ идти къ Григорію Николаевичу и просить его уволить меня на 29 дней и выдать подорожную. Онъ былъ однако столько милостивъ ко мнѣ, что не только далъ мнѣ отпускъ и подорожную, но даже спросилъ, отъ чего я пересталъ къ нему ходить, и потомъ сказалъ, что онъ не можетъ на меня сердиться. Поѣздка моя въ Одессу была для меня весьма полезною. Кромѣ свиданія съ моимъ пріятелемъ Ксіонзенкомъ, я познакомился у него и коротко подружился съ учителемъ россійской словесности въ ришельевскомъ лицеѣ Ив. Ив. Гуржеевымъ, который, занявъ вскорѣ мѣсто правителя канцеляріи при военномъ губернаторѣ, графѣ Александрѣ Ѳедоровичѣ Ланжеронѣ, много благодѣтельствовалъ мнѣ по службѣ.

Шестнадцатое. Губернскій землемѣръ Анатольскій, мой кумъ и землякъ, умеръ. Григорій Николаевичъ предложилъ мнѣ его мѣсто. Зная, что губернскому землемѣру на сто рублей больше жалованья, нежели губернскому архитектору, что должность эта въ 8-мъ классѣ, а архитектору не назначено класса, и что сверхъ того ему дается казенная квартира для чертежной и прислуги, а для письмоводства писецъ, я охотно согласился. Григорій Николаевичъ сдѣлалъ представленіе межевому департаменту сената, а я написалъ къ благодѣтельному князю Петру Сергѣевичу Мещерскому, и по его ходатайству вскорѣ опредѣленъ въ губернскіе землемѣры.

Григорій Николаевичъ совѣтовалъ мнѣ взять къ себѣ сына несчастнаго губернскаго землемѣра Сиврачева, котораго мать за убіеніе мужа сослана въ Сибирь, въ каторжныя работы, образовать его и дать ходъ по службѣ, что я охотно и исполнилъ. Выучилъ его ариѳметикѣ, геометріи и въ практикѣ межеванію. Видя удивительную въ немъ способность къ рисованію, я давалъ ему хорошія картины для рисованія—сначала тушью кистію, а послѣ и красками; онъ снималъ даже съ портретовъ въ уменьшенномъ видѣ. По представленіямъ моимъ онъ получилъ чинъ коллежскаго регистратора, а потомъ и мѣсто херсонскаго уѣзднаго землемѣра. Но въ 1841

году онъ нарисовалъ 25 руб. ассигнацію... По счастію тогда вызывались желающіе гражданскіе чиновники въ военную службу, и какъ онъ изъявилъ согласіе, то по просьбѣ моей вице-губернаторъ Калагеоргій отправилъ его въ Варшаву. Спустя много лѣтъ, служа въ московскомъ гренадерскомъ полку, онъ былъ уже произведенъ въ подполковники.

Семьнадцатое. Родной братъ мой, учитель изюмскаго училища, Иванъ Ивановичъ 1812 г. прислалъ мнѣ меньшаго своего сына Василія, котораго назвалъ моимъ именемъ изъ любви ко мнѣ, и просилъ принять его вмѣсто сына. Я обучилъ его и опредѣлилъ въ губернское правленіе, которое прикомандировало его ко мнѣ писцомъ. Будучи опредѣленъ совѣтникомъ въ херсонскую казенную палату 24 мая 1817 года, я и его туда перевелъ. Этотъ племянникъ имѣлъ послѣ чинъ надворнаго совѣтника, былъ совѣтникомъ при бессарабскихъ озерахъ; вышедши въ отставку, пріѣхалъ въ Екатеринославъ, но здѣсь заболѣлъ и умеръ въ 1842 году.

Восемнадцатое. Швейцарцу Ревильдеру, за его благоразумныя распоряженія въ Одессѣ во время чумы 1812 г., Дюкъ, по просьбѣ его, захотѣлъ дать земли подъ разведеніе шпанскихъ овецъ. Избранный для сего пустопорожній казенный участокъ 12,000 дес. земли я въ натурѣ отводилъ; Ревильдеръ построилъ на немъ каменныя овчарни и завелъ нѣсколько тысячъ овецъ; но по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, при учрежденіи въ херсонской губерніи военныхъ поселеній, этотъ участокъ, не смотря на защиту военнаго губернатора графа Ланжерона, былъ обращенъ на сѣнокосъ для поселеній и Ревильдеру заплачены были только издержки, употребленныя на постройку овчарень.

Девятнадцатое. Варвара Алексѣевна, жена моего пріятеля В. Ив. Ксіонзенка, получивъ отъ отца своего нѣсколько душъ крестьянъ въ селѣ Санджарахъ, полтавской губерніи, захотѣла перевести ихъ въ херсонскую губернію. Я пріискалъ казенный пустопорожній участокъ въ 1500 дес. въ елисаветградскомъ уѣздѣ, сдѣлалъ планъ и послалъ его Василію Ивановичу. Дюкъ-де-Ришелье, по просьбѣ его, отдалъ ему этотъ участокъ подъ поселе-

ніе. Въ 1816 году я былъ у нихъ въ этой деревенькѣ и видѣлъ его маленькое хозяйственное заведеніе.

Двадцатое. Послучаю постройки бобруйской крѣпости велѣно было 500 душъ бобылецкихъ крестьянъ, занимавшихъ эту мѣстность, перевести въ херсонскую губернію и поселить на пустопорожнихъ казенныхъ земляхъ. По недостатку лѣса, избы для нихъ оплетены были камышемъ и имъ покрыты, а внутри и снаружи вымазаны глиною. Крестьяне, надѣясь, что будутъ переведены на прежнее ихъ жительство, не хотѣли перейти въ такое жилье и избы отъ времени обветшали и разорены. По жалобѣ крестьянъ министру внутреннихъ дѣлъ на худое устройство избъ, министръ прислалъ для обозрѣнія на мѣстѣ своего чиновника, который подтвердилъ справедливость жалобы. Наряжена была слѣдственная коммисія, состоявшая изъ предсѣдателя уголовной палаты Бор. Бор. Лопатинскаго, министерскаго чиновника и меня. Мы объѣхали всѣ бобылецкія селенія; я сдѣлалъ смѣту на поправленіе и постройку новыхъ избъ, а также планъ для надѣленія участками земли каждаго селенія. Всѣ эти предположенія были утверждены правительствомъ и потомъ присланы для исполненія къ военному губернатору графу Ланжерону. Построеніе избъ онъ поручилъ служащему при немъ чиновнику Николаю Дмитріевичу Кулаковскому, а мнѣ предписалъ имѣть надзоръ надъ постройкою избъ и отдѣлить земли, назначенныя по плану для каждаго бабылецкаго селенія. Я старался выполнить данное мнѣ порученіе; но въ одномъ селеніи бобылецкіе крестьяне не допустили меня провесть межу подъ тѣмъ предлогомъ, что я отвожу имъ худшіе участки, а лучшіе, хотя и въ отдаленіи, останутся помѣщикамъ. Въ маѣ мѣсяцѣ 1818 года, въ проѣздъ государя, они подали ему на меня жалобу, что я не ту землю имъ отвелъ, а крестьяне прочихъ селеній жаловались на Кулаковскаго, что непрочныя избы имъ построены. Государь поручилъ генералъ-маіору Сталю разсмотрѣть и удовлетворить на мѣстѣ просьбу крестьянъ. Я вовсе не зналъ о поданной на меня жалобѣ; но, за отсутствіемъ губернскаго землемѣра, получивъ предписаніе губернатора Сенъ-При доста-

витъ фонъ-Сталю планъ землямъ бобылецкихъ крестьянъ и поѣхать съ нимъ, я имѣлъ случай на мѣстѣ, при этихъ крестьянахъ, показать ложность ихъ жалобы и прочность постройки избъ. Генералъ Сталь оправдалъ Куликовскаго и меня предъ государемъ.

Двадцать первое. Гр. Н. Рахмановъ жилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Петербургѣ и не былъ принятъ государемъ. По счастію для него, генералъ Эртель заключилъ контрактъ по слишкомъ высокимъ цѣнамъ на поставку провіанта для молдавской арміи. Тогда государь принялъ Раханова и возложилъ на него должность генералъ-интенданта. Принявъ эту должность, Рахмановъ вызвалъ къ себѣ Константинова и Требухова. Въ концѣ 1812 года, по соединеніи молдавской арміи съ главною, онъ выполнялъ эту должность и за границею, и за службу тамъ получилъ чинъ тайнаго совѣтника и орденъ Владиміра 2-й степени. Послѣ лейпцигскаго сраженія Рахмановъ былъ назначенъ въ герцогство для продовольствія войскъ: но сказался больнымъ и отпущенъ въ Россію для излѣченія. Въ 1814 году онъ пріѣхалъ въ Херсонъ для составленія отчетовъ по поставкѣ провіанта въ молдавскую армію въ 1810 и 1811 годахъ; съ нимъ пріѣхалъ и Константиновъ, уже надворный совѣтникъ и имѣя орденъ св. Анны 2 класса. Вмѣсто всякаго отчета Константиновъ представилъ книгу, въ которую мало было записано статей, а вмѣсто ихъ привезъ полный мѣшокъ росписокъ отъ судовщиковъ въ полученіи ими денегъ за доставленный въ молдавію провіантъ. Тогда только Григорій Николаевичъ увидѣлъ, какъ худо Константиновъ оправдалъ его довѣріе. Чтобы составить изъ этихъ росписокъ отчетъ, для этого требовалось много времени и труда, словомъ: это слишкомъ долгая была пѣсня. Григорій Николаевичъ повезъ Константинова въ свое село Бобрикъ; но сколько не трудились тамъ въ составленіи отчета, все таки не досчитались около двухъ сотъ тысячъ рублей. Видя свою вину, Константиновъ скрытно уѣхалъ въ Петербургъ и узнавъ тамъ, что Комбурлей отданъ подъ судъ за допущеніе контрабандъ въ волынской губерніи, сдѣлалъ доносъ, что и Елизавета Петровна, мать Григорія Николаевича, пользовалась от-

туда контрабандными товарами. Для разслѣдованія по этому доносу присланы были изъ Петербурга чиновники, но товаровъ конечно не нашли. А Григорій Николаевичъ ничего не могъ сдѣлать съ отчетомъ и вынужденъ былъ заплатить недостающую сумму. Это подтверждали многіе свѣдующіе люди.

Двадцать второе. Графъ Аракчеевъ просилъ военнаго губернатора графа Ланжерона приказать сдѣлать для него карту херсонской губерніи, на которой всѣ земли казенныхъ селеній означены были бы особою краскою, чтобы можно было ихъ отличить отъ земель помѣщичьихъ селеній. Составленная мною такая карта была представлена графу Аракчееву, и онъ руководствовался ею въ причисленіи казенныхъ селеній къ военнымъ, отъ меня же болѣе по сему предмету свѣдѣній не было требуемо.

Двадцать третье. Въ 1817 году мой благодѣтель Иванъ Хр Калагеоргій, въ домѣ котораго не только онъ, но его жена Елисавета Григорьевна и всѣ ихъ дѣти меня любили, былъ назначенъ въ Екатеринославъ губернаторомъ; на мѣсто его вице-губернаторомъ прибылъ къ намъ Антонъ Ивановичъ Тимановичъ, бывшій правитель канцеляріи Дюка-де-Ришелье.

Двадцать четвертое. Памятенъ для меня этотъ годъ и по другой причинѣ: занимаясь надзоромъ надъ постройкою избъ и измѣреніемъ земель, назначенныхъ бобылецкимъ крестьянамъ, въ такихъ степяхъ, гдѣ еще водились дикія лошади, я подмочилъ ноги и сильно простудился. Приходилось проживать тамъ иногда по цѣлому мѣсяцу, не имѣя для ночлега какой либо избы; спалъ я въ бричкѣ, переносилъ всякую перемѣну погоды и получилъ сильный воспалительный ревматизмъ и ломъ въ ногахъ. Всѣ употребленныя мною средства къ излеченію долго были безполезны, я не могъ распрямить спины и стоять твердо на ногахъ; три мѣсяца не выходилъ изъ комнаты. Въ такомъ болѣзненномъ состояніи я сдѣлался набожнымъ; прочелъ ветхій и новый завѣтъ, подаренные мнѣ помѣщикомъ Якимовичемъ, членомъ бывшаго Библейскаго общества. Въ это-то время, когда Богъ за грѣхи мои и неумѣренность въ сладострастныхъ наслажденіяхъ

наказалъ меня, я прибѣгнулъ къ нему съ сердечною молитвою и излилъ предъ нимъ мысли свои въ трехъ бесѣдахъ 1) о зависти и вмѣстѣ съ тѣмъ о страданіи, смерти и погребеніи Господа Іисуса Христа, 2) о раскаяніи въ грѣхахъ въ день блуднаго сына и 3) о безсмертіи души. Только время и питье декокта въ самые жаркіе лѣтніе мѣсяцы облегчили мое болѣзненное состояніе; но уничтожить его не могли, какъ и о кавказскихъ водахъ сказано, что онѣ отъ другихъ болѣзней навсегда излечиваютъ, но ревматизмъ и другія мѣстныя, въ тѣлѣ происходящія отъ него, болѣзни при малѣйшей неосторожности возобновляются.

Двадцать пятое. Вмѣсто ордена св. Владиміра 4 степени, къ которому графъ Ланжеронъ представлялъ меня, объявлено мнѣ монаршее благоволеніе. Чувствуя свою обиду въ замѣнѣ для меня одной награды другою, я по сему случаю выступалъ съ рапортомъ къ графу Ланжерону, и онъ былъ такъ милостивъ, что не только чрезъ правителя его канцеляріи обѣщалъ при первомъ случаѣ доставить мнѣ желаемую награду. но, будучи въ Херсонѣ проѣздомъ въ Крымъ, сказалъ при всѣхъ представлявшихся ему чиновникахъ, «не буду я графъ Ланжеронъ, если не доставлю вамъ владимірскаго креста».

Двадцать шестое. Въ 1816 году на мѣсто Гр. Н. Рахманова былъ переведенъ къ намъ изъ каменецъ-подольской губерніи губернаторъ графъ Сен-При и занялъ квартиру въ домѣ гимназіи. Осенью этого года ожидали пріѣзда въ Херсонъ великаго князя Николая Павловича. Губернаторъ велѣлъ мнѣ сдѣлать рисунокъ для иллюминаціи; я сказалъ ему, что вовсе не занимался этимъ и не знаю, въ какомъ видѣ произвесть.—Ну, въ видѣ какихъ-либо тріумфальныхъ воротъ, сказалъ онъ; но и этому желанію его удовлетворить я не могъ и обѣщалъ лишь рисунокъ воротъ. Упросили полковника Львова сдѣлать ихъ по моему рисунку. Колонны и карнизы онъ означалъ круглыми дырочками, заклеенными разноцвѣтными тафтами. Иллюминація вышла весьма неудачна. Въ этомъ же году я опять страдалъ нѣсколько мѣсяцевъ ревматизмомъ, не могъ расправить спины и ходилъ съ трудомъ, согнувшись. Губерна-

торъ велѣлъ мнѣ сдѣлать планъ и смѣту на перестройку находившагося въ развалинахъ дома бывшаго молдавскаго господаря Ипсиланти, для помѣщенія въ немъ городской больницы. Я отказывался отъ этой трудной работы по причинѣ болѣзненнаго моего состоянія. Онъ наговорилъ мнѣ много непріятныхъ словъ и угрозъ. Опасаясь, чтобы онъ не сдѣлалъ со мною чего-либо худшаго, я подалъ ему прошеніе объ увольненіи меня отъ должности землемѣра по болѣзни. Графъ Ланжеронъ, которому представлено было мое прошеніе, зная меня за хорошаго по службѣ чиновника, хотя представилъ въ сенатъ объ увольненіи меня отъ землемѣрской должности, но въ тоже время вошелъ съ представленіемъ къ министру финансовъ объ опредѣленіи меня совѣтникомъ въ херсонскую казенную палату, въ которую я и былъ опредѣленъ 1817 года, мая 24-го. И на этой должности губернаторъ Сен-При не далъ мнѣ покоя: онъ просилъ меня удѣлить свободное время для составленія плана и смѣты для починки и перестройки каменнаго двухъ-этажнаго дома, въ которомъ нѣкогда жилъ Суворовъ, для помѣщенія въ немъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ, и я долженъ былъ выполнить его желаніе.

Двадцать седьмое. Во время служенія моего въ казенной палатѣ также случались со мною непріятности.

1) При производствѣ торговъ на отдачу питей въ одесскихъ нѣмецкихъ и болгарскихъ колоніяхъ, когда торги остались за одесскимъ откупщикомъ, короткимъ пріятелемъ вице-губернатора Тимановича, казенная палата въ угожденіе ему постановила было тогда же заключить съ подрядчикомъ и контрактъ, какого права сенатъ ей не предоставилъ. Я спорилъ и не подписывалъ опредѣленія потуда, пока не прибавили въ немъ словъ: «если объявленныя на торгахъ цѣны будутъ утверждены сенатомъ». Этотъ случай подалъ поводъ вице-губернатору быть ко мнѣ не расположеннымъ.

2) Министръ финансовъ нѣсколько разъ требовалъ отъ палаты присылки сравнительной вѣдомости прежней ревизіи съ новою, съ объясненіемъ, куда дѣвалась каждая душа,

показанная по прежней ревизіи. Недоброхотъ мой Похитоновъ большею частію былъ увольняемъ вице-губернаторомъ въ деревню, оттого замедлилось по моему отдѣленію это дѣло. Онъ винилъ меня въ медленности и я принужденъ былъ сказать ему всю правду.

3) Министръ финансовъ велѣлъ обложить владѣльческія незаселенныя за Бугомъ земли податьми. Надобно было собрать чрезъ земскіе суды имена всѣхъ забугскихъ владѣльцевъ, сколько числится за каждымъ земли, а отъ екатеринославской межевой конторы свѣдѣніе, сколько въ каждомъ владѣльческомъ участкѣ удобной земли оказалось въ натурѣ по формальному межеванію, ибо неудобную землю не слѣдовало облагать податью. Этою продолжительною работою я занялся самъ и не мало мнѣ стоило труда составить подробную вѣдомость для всѣхъ владѣльческихъ забугскихъ земель трехъ уѣздовъ; въ то же время всѣ тѣ земли, которыя по числу поселенныхъ душъ остались излишними, были обложены податью.

Двадцать восьмое. Графъ Ланжеронъ повторилъ свое представленіе министру внутреннихъ дѣлъ о наградѣ меня орденомъ св. Владиміра, указавъ ему, что я занимался обмежеваніемъ бобылецкимъ крестьянамъ земли; но и на сей разъ мнѣ, вмѣсто креста, былъ назначенъ подарокъ изъ кабинета, брилліантовый перстень въ 500 рублей.

Двадцать девятое. Когда въ 1818 году государь находился въ Одессѣ, то графъ Ланжеронъ, не надѣясь, чтобъ уважено было министромъ внутреннихъ дѣлъ его о мнѣ представленіе и помня данное имъ мнѣ обѣщаніе, въ составленной имъ самимъ запискѣ о наградѣ разныхъ чиновниковъ помѣстилъ и меня къ наградѣ Владиміромъ 4 степени; но при этомъ ошибочно назвалъ меня, вмѣсто титулярнаго совѣтника, коллежскимъ ассесоромъ. Эту записку онъ подалъ лично государю. И такъ 3 мая былъ я награжденъ этимъ вожделѣннымъ для меня орденомъ и получилъ оный при письмѣ графа. Въ газетахъ обѣихъ столицъ я былъ названъ коллежскимъ ассесоромъ; но когда полученная изъ капитула

грамота на этотъ орденъ была прислана графомъ губернатору для выдачи мнѣ, то губернаторъ отослалъ ее обратно съ тѣмъ, чтобы вытребовать отъ капитула другую грамоту, въ которой былъ бы написанъ настоящій мой чинъ. Зная милостивое ко мнѣ расположеніе графа Ланжерона, я осмѣлился особымъ письмомъ просить его всеподданнѣйшаго ходатайства объ утвержденіи меня въ чинѣ коллежскаго ассесора, такъ какъ многократные бывали случаи, что при разныхъ чиновникамъ наградахъ, хотя по ошибкѣ названы были они высшими чинами, но всещедрые монархи повелѣвали оставить оные безъ перемѣны. Графъ Ланжеронъ былъ столько милостивъ ко мнѣ, что удостоилъ меня 31 іюля отвѣтомъ, что о наименованіи меня въ грамотѣ на орденъ св. Владиміра коллежскимъ ассесоромъ онъ спрашиваетъ у министра финансовъ разъясненія, а грамоту мою на этотъ орденъ прислалъ мнѣ обратно для храненія.

Тридцатое. Для пріѣзда государя въ Херсонъ назначена была квартира въ адмиралтействѣ, въ томъ самомъ дворцѣ, въ которомъ останавливалась Екатерина II въ 1787 году. Управляющій портомъ велѣлъ покрасить полъ; этимъ воспользовался губернаторъ графъ Сенъ-При, объявя присланному впередъ чиновнику, что во дворцѣ непріятный масленный духъ отъ покраски пола, что лучше будетъ государю квартировать у него, гдѣ и искусный поваръ французъ, и что если бы государь остановился во дворцѣ, тогда и приготовленная иллюминація, недешево городу стоющая, осталась бы безъ употребленія. Сверхъ того, Сенъ-При, какъ хитрый французъ, полагалъ, что государь, квартируя у него, увидитъ библіотеку и портретъ роднаго его брата, генерала, убитаго въ 1814 году въ сраженіи противъ Наполеона подъ Реймсомъ, и явитъ къ нему особенное благоволеніе. Его хитрость удалась, государь дѣйствительно остановился въ его квартирѣ. Велѣно было собраться предсѣдателямъ палатъ и совѣтникамъ въ большой залѣ, гдѣ предварительно повѣрялъ флигель-адъютантъ Данилевскій списокъ этимъ чиновникамъ. Потомъ велѣно было намъ перейти нѣсколько комнатъ и остановиться предъ угольною, гдѣ сидѣлъ государь на диванѣ

съ германскимъ принцемъ. По выходѣ государя въ эту комнату, губернаторъ началъ читать списокъ. Когда произнесена была фамилія вице-губернатора Тимановича, государь спросилъ: «вы при Дюкѣ Ришельѣ служили»?—Такъ, ваше величество, отвѣчалъ Тимановичъ.—«Давно-ли оставили его»!—По выѣздѣ за границу. Болѣе никого государь не спрашивалъ; но предъ каждымъ нѣсколько склонялъ голову въ знакъ поклона. Всѣ думали, въ томъ числѣ и я, что вопросы, сдѣланные государемъ вице-губернатору, означаютъ особенную милость къ нему; но на дѣлѣ оказалось иначе. На него въ Одессѣ подана была отъ его племянниковъ жалоба, что, бывши правителемъ канцеляріи при Дюкѣ де-Ришелье, онъ нажилъ большія деньги, купилъ имѣніе за 70 тысячъ и хочетъ его отдать кому-то другому. По отъѣздѣ государя вице-губеранторъ Тимановичъ вскорѣ подалъ просьбу въ отставку, а на его мѣсто былъ опредѣленъ мой соученикъ и пріятель Вас. Вас. Петрулинъ.

Тридцать первое. Постройка арсенала въ Херсонѣ, начатая въ 1811 году, продолжалась нѣсколько лѣтъ. По окончаніи каждаго мѣсяца я составлялъ вѣдомость о томъ, что было построено, для отсылки въ артилерійскій департаментъ, а полковникъ Львовъ вѣдомость издержанной суммѣ. Въ 1813 г., подъ осень, Дюкъ де-Ришелье, бывши въ Херсонѣ, осматривалъ арсеналъ и остался доволенъ постройкою. Въ 1816 году государь императоръ изволилъ возложить подобную обязанность на вновь опредѣленнаго военнаго губернатора графа Ланжерона. Въ 1818 году, въ маѣ мѣсяцѣ, государь изволилъ лично осматривать постройку арсенала съ графомъ Аракчеевымъ. Пройдя по всему арсеналу, онъ сказалъ какому-то германскому принцу: «C'est batimant superbe» (это зданіе величественное). Тогда еще одинъ павильонъ не былъ совсѣмъ достроенъ. Графъ Аракчеевъ спросилъ полковника Львова: «почему этого павильона не достроилъ,—вѣрно не достало денегъ»! Львовъ отвѣчалъ, что еще остается произвесть работъ по смѣтѣ слишкомъ на 17 тыс. рублей. Графъ сказалъ ему: «пріѣду въ Петербургъ, велю отпустить». Я ходилъ назади съ планомъ по арсеналу, видѣлъ и

слышалъ все это. Въ 1819 году всѣ постройки по арсеналу были кончены; по донесеніи о томъ графу Ланжерону, онъ прибылъ въ Херсонъ для освидѣтельствованія произведенныхъ построекъ и къ сему назначилъ коменданта, инженернаго генерала Хотяева и артилерійскаго подполковника Заварковскаго. Всѣ они, живя въ крѣпости, могли видѣть часто, какъ производятся работы, и о прочности ихъ дали графу письменное свидѣтельство. Что касается меня, то во все продолженіе постройки арсенала я рѣдко при немъ бывалъ, особенно, когда былъ губернскимъ землемѣромъ и долженъ былъ отлучаться на долгое время въ уѣзды. Могу по совѣсти сказать, что почти даромъ получалъ каждый годъ положенное мнѣ жалованье. Полковникъ Львовъ, отправившись въ семъ же 1819 году въ Петербургъ съ отчетомъ, писалъ мнѣ оттуда, а потомъ 12 августа изъ Рязани, что онъ произведенъ генералъ-маіоромъ, вышелъ въ отставку съ пенсіономъ и получилъ въ награду землю, а о награжденіи меня просилъ лично графа Ланжерона, бывшаго тогда въ Петербургѣ, на что тотъ обѣщалъ подать обо мнѣ записку кн. Волконскому. Вѣроятно, по этой-то запискѣ государь велѣлъ въ 1820 г. выдать мнѣ единовременно 1000 рублей ассигнаціями, которые и были мнѣ высланы изъ херсонской казенной палаты. Во второмъ письмѣ И. И. Львовъ, между прочимъ, писалъ, что «имѣетъ ко мнѣ чувствительную и истинную безъ лести благодарность за мои настоящіе совѣты и исполненія и во вѣкъ ихъ не забудетъ; что онъ сыну своему говорилъ о мнѣ, если случится мнѣ какая нужда, то выполнилъ бы просьбы мои съ усердіемъ». Не такова бы была насъ обоихъ участь, когда бы подрядчикъ Грудницкій строилъ арсеналъ. Легко могло статься, что вмѣсто наградъ мы подверглись бы суду. Теперь, вспоминая о томъ, явно вижу всеблагій промыслъ Божій, вразумившій меня такъ говорить и дѣйствовать въ то критическое время.

Тридцать второе. Сдѣланные мною планъ и смѣта на поправленіе суворовскаго дома для помѣщенія присутственныхъ мѣстъ графъ Ланжеронъ лично представлялъ государю въ Одессѣ. По одобреніи ихъ и ассигнованіи потребной суммы, работы,

за неявкою желающихъ взять на себя эту постройку, производились хозяйственнымъ способомъ подъ моимъ наблюденіемъ и при участіи губернскаго землемѣра Гречины и полиціймейстера Богдановича. Въ этомъ дѣлѣ я дѣйствовалъ со всею осторожностію, велъ подробныя записи, вызывалъ черезъ полицію подрядчиковъ особо на поставку порознь каждаго матеріала и также особо на каждую работу мастеровыхъ. Благодаря этому, когда послѣдовало повелѣніе объ увольненіи меня отъ должности совѣтника и опредѣленіи чиновникомъ по особымъ порученіямъ къ попечителю колонистовъ южнаго края генералъ-адъютанту Инзову, я и изъ этого дѣла вышелъ чистъ и, составивъ подробный отчетъ, что уже сдѣлано и сколько соблюдено противъ смѣты экономіи, съ остававшеюся у меня суммою представилъ въ комитетъ.

Тридцать третье. На службу къ генералъ-лейтенанту Инзову я былъ лично имъ приглашенъ, въ проѣздъ его черезъ Херсонъ, а побудило меня къ этой перемѣнѣ то, что я не видѣлъ конца дѣлу объ утвержденіи меня въ чинѣ коллежскаго ассесора.

Тридцать четвертое. Живя долгое время въ Херсонѣ, я имѣлъ незаконныхъ дѣтей—сына Петра и дочь Анастасію; но они умерли въ младенчествѣ. Благость Божія чрезъ преждевременную ихъ смерть избавила ихъ отъ несчастной жизни, которой по возрастѣ они могли-бы быть подвержены, а меня отъ стыда выставлять ихъ на показъ свѣту, какъ явные знаки беззаконнаго моего сожительства.

Тридцать пятое. Я имѣлъ въ Хорсонѣ небольшой домъ, который при отъѣздѣ удачно продалъ адмиралтейскому чиновнику за 1900 рублей; но въ этомъ городѣ пропала у меня на невѣрныхъ должникахъ такая же сумма, и если бы я болѣе тамъ прожилъ, то, по снисхожденію моему къ должникамъ, могъ бы потерять всѣ деньги, которыя отдалъ бы имъ въ займы.

Сдавъ отчетъ о постройкѣ присутственныхъ мѣстъ строительному комитету, я отправился въ Екатеринославъ и, прибывъ туда въ концѣ ноября мѣсяца 1819 года, остановился въ

квартирѣ экзекутора Гридякина, въ домѣ, нанимаемомъ комитетомъ. Каждый день мы обѣдали у генерала Ивана Никитича Инзова. Онъ обходился со мною весьма ласково, какъ и со всѣми чиновниками; но долгое время не давалъ мнѣ никакихъ порученій. Наконецъ велѣно было мнѣ сдѣлать планъ и смѣту на постройку въ казенномъ саду (котораго Инзовъ былъ также попечителемъ) хворостяной избы для помѣщенія учениковъ садовника. Хотя этотъ трудъ, послѣ херсонскихъ строеній, произведенныхъ мною, былъ для меня камъ бы низкимъ; но надобно было исполнять повелѣніе. Потомъ Инзовъ велѣлъ мнѣ сдѣлать планъ для построенія въ нѣмецкой колоніи Гейдебергѣ католической каменной церкви. Сдѣланныя мною на планѣ двѣ башенки въ видѣ колоколенъ, которыя, по мнѣнію моему, составляли красоту фасада, не понравились члену комитета Контеніусу, и мнѣ велѣно сдѣлать другой планъ съ одною башнею; но я уже не дѣлалъ его,—надобно было отдѣлять земли для каждой менонитской колоніи. По сдѣланному менонитскимъ старшиною вчернѣ проэкту я сдѣлалъ на бѣло планъ и нарѣзку, въ какомъ видѣ слѣдуетъ надѣлить землею каждую колонію по числу семействъ. Эту нарѣзку одобрилъ тотъ старшина и генералъ.

Пользуясь благосклонностью Ивана Никитича, я разсказалъ ему при случаѣ о сдѣланной графомъ Ланжерономъ ошибкѣ при представленіи меня лично государю къ наградѣ орденомъ св. Владиміра 4 степени и просилъ его войти съ представленіемъ по начальству объ утвержденіи меня въ чинѣ коллежскаго ассесора. Инзовъ дѣйствительно ходатайствовалъ объ удовлетвореніи моей просьбы, но и его ходатайство осталось безъ успѣха.

Въ началѣ 1820 года присланъ былъ изъ Петербурга къ генералу извѣстный стихотворецъ Александръ Пушкинъ. За какіе-то сочиненные имъ противъ правительства стихи его хотѣли было сослать; но россійскій исторіографъ Ник. Мих. Карамзинъ и другіе упросили государя пощадить его по молодости лѣтъ, видя въ немъ отличный даръ къ стихотворству. Зная хорошую нравственность и аккуратность въ жизни генерала

И. Н. Инзова, прислали Пушкина къ нему какъ бы для исправленія его поведенія. При этомъ случаѣ генералъ сказалъ: «что я буду няньчиться съ нимъ? онъ уже слишкомъ великъ выросъ». Пушкинъ, остановясь въ трактирѣ еврея, велъ тамъ развратную и разгульную жизнь, которая могла бы быть для него весьма пагубна; онъ даже рѣдко являлся къ столу генерала. Къ счастію для него, пріѣхалъ въ Екатеринославъ прославленный въ 1812 г. въ войнѣ противъ французовъ генералъ Раевскій, ѣдучи на кавказскія воды. Сынъ его, увидѣвъ Пушкина, сталъ просить отца уговорить Ивана Никитича, чтобъ отпустилъ Пушкина съ ними на Кавказъ. Иванъ Никитичъ согласился съ тѣмъ, чтобы Раевскій написалъ къ вице-канцлеру Нисельроде, что беретъ его на свою отвѣтственность. Тамъ-то или послѣ того Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ написалъ извѣстную поэму «Кавказскій плѣнникъ».

13-го апрѣля 1820 года генералъ далъ мнѣ на бумагѣ въ четырехъ пунктахъ инструкцію, что я долженъ дѣлать по пріѣздѣ моемъ въ колоніи съ старшимъ членомъ екатеринославской конторы Фадѣевымъ, а 2-го іюля, извѣщая меня, что по высочайшей волѣ онъ назначенъ къ отправленію должности бессарабскаго намѣстника, предписалъ мнѣ отправиться съ тѣмъ же Фадѣевымъ въ Крымъ для содѣйствія ему по предметамъ, до избранія земель относящимся, по окончаніи же сего имѣть надзоръ за построеніемъ молочанской церкви, равно за дѣйствіемъ землемѣровъ по обмежеванію земель и надѣленію землею виртембергскихъ выходцевъ. Когда постройка молочанской церкви была совершенно окончена, Инзовъ предложилъ комитету отправить меня въ Бессарабію. Усмотрѣвъ изъ этого предписанія, что я долженъ оставаться въ молочанскихъ колоніяхъ на долгое время и вынужденъ буду вести жизнь.... и незавидную, что подобными затѣями я не только не сооставлю себѣ впредь чести и славы, но еще могу потерять въ общемъ другихъ людей и собственномъ своемъ мнѣніи и тѣ, что доселѣ пріобрѣлъ, я, по возвращеніи въ Екатеринославъ, подалъ генералу просьбу объ отставкѣ по болѣзни. Генералъ не только не разсердился на

меня за это, но былъ такъ добръ, что, получивъ на представленіе свое отъ управленія министерства внутреннихъ дѣлъ согласіе, прислалъ изъ Кишинева мнѣ хорошій аттестатъ отъ 11 октября 1820 года и предложилъ комитету выдать мнѣ формулярный списокъ и удовлетворить меня по день увольненія жалованьемъ.

Генералъ-лейтенантъ Ив. Ник. Инзовъ былъ рѣдкой доброты сердца, опытности, кротости, снисхожденія, ласковости, безкорыстія и здраваго сужденія; но въ обхожденіи онъ изъявлялъ сомнѣніе и недовѣрчивость, что происходило отъ природныхъ свойствъ его ума или отъ великой опытности. Его адъютанты, маіоры, два брата..... (по словамъ нѣкоторыхъ они были незаконныя дѣти знаменитаго генерала Ермолова) говорили мнѣ, что онъ испытывалъ меня и что со временемъ я могъ бы войти къ нему въ довѣренность. Но признательно сказать, что мои свойства и правила были таковы, что вмѣсто искательства я самъ удаляюсь отъ тѣхъ людей, которые сомнѣваются въ честныхъ и добрыхъ моихъ намѣреніяхъ и расположеніяхъ. Изъ откровеннаго со мною обращенія и третьяго адъютанта, Егора Егорыча Гильдежинецъ, я видѣлъ, что они меня любили; послѣдній былъ у меня два раза, когда я служилъ въ Тулѣ. Принятая или данная Ивану Никитичу фамилія есть неразрѣшимая загадка: меня увѣряли, что когда самозванецъ Пугачевъ истреблялъ поволжскимъ губерніямъ дворянскія семейства, то его нашли младенцемъ въ колыбели, висящей въ лѣсу на суку; не зная подлиннаго его прозванія, назвали его *Инъ-зовъ*. Меня также увѣряли, что онъ *массонъ;* это весьма вѣроятно. Онъ любилъ читать этого рода книги, но никогда не говорилъ объ этой сектѣ. У него въ спальной надъ постелью висѣлъ портретъ знаменитаго генерала Николая Васильевича князя Репнина, который, какъ извѣстно, былъ высокой степени массонъ, уважаемый всѣми массонами временъ Екатерины и Павла. Инзовъ служилъ при немъ адъютантомъ и отзывался о немъ съ величайшимъ уваженіемъ. Говорятъ, что Инзовъ имѣлъ крестьянъ, но отпустилъ ихъ на волю. Во время мое были у него четыре деньщика, которые исправляли въ его

домѣ всѣ должности: одинъ былъ дворецкій, другой комнатный, третій поваръ и четвертый кучеръ. Я никогда не слыхалъ, чтобъ онъ выбранилъ кого-либо или сказалъ обидное слово; даже простому колонисту въ разговорахъ говорилъ: *душа моя*. Бывшіе въ то время въ Екатеринославѣ извѣстные массоны вице-губернаторъ..... и директоръ гимназіи Мизко весьма уважали его и онъ съ ними былъ въ дружбѣ. Нельзя не упомянуть и о добротѣ души члена комитета иностранныхъ поселенцевъ, коллежскаго совѣтника Ивана Николаевича Ланова, который въ обхожденіи со мною всегда былъ весьма ласковъ.

Нерѣдко въ праздничные и воскресные дни я ходилъ обѣдать къ Елизаветѣ Григорьевнѣ, женѣ добраго Ивана Христофоровича Калагеоргія. Она была почти всегда задумчива и печальна, и было о чемъ ей задумываться. По пріѣздѣ Ивана Христофоровича въ Екатеринославъ, будучи посланъ по высочайшему повелѣнію въ Таганрогъ для произведенія слѣдствія надъ тамошнимъ градоначальникомъ, онъ, прогуливаясь однажды по городу въ заморозье, неосторожно ступилъ на кочку и вывихнулъ ногу въ косточкѣ; но не излѣчившись еще совершенно отъ болѣзни, попросился въ отпускъ въ Петербургъ, а на пути разсудилъ побывать у великаго князя Константина Павловича и поѣхалъ въ Варшаву, гдѣ пришлось ему проводить и праздникъ Рождества Христова. Наканунѣ новаго года Константинъ Павловичъ сказалъ ему: «Калагеоргій! завтра будетъ большой парадъ войска, тебѣ надобно видѣть моихъ молодцевъ». Иванъ Христофоровичъ рано выѣхалъ смотрѣть ихъ, долго ждалъ и сильно озябъ отъ большаго мороза. Когда возвратился во дворецъ, то въ жарко натопленной комнатѣ вдругъ сдѣлался ему такой сильный ударъ, что языкъ отнялся. Тамошніе медики, употребя всѣ средства къ пособію ему, въ консиліумѣ рѣшили, что только кавказскія воды могутъ его излѣчить. По письму великаго князя государь уволилъ его для пользованія тамъ. По возвращеніи его оттуда я былъ у него и обѣдалъ въ день Александра Невскаго; онъ могъ говорить, хотя весьма тихо; но память его уже не возвратилась; бывши прежде всегда веселъ, сдѣлался печаленъ и за-

думчивъ. Разсказывая преосвященному Іову (который былъ родственникъ жены Ивана Христофоровича и родной племянникъ свѣтлѣйшаго князя Потемкина), онъ самъ удивлялся, что послѣ удара боль ноги у него прекратилась и онъ сталъ свободно ходить. Послѣ обѣда я увидѣлъ чудо, никогда невиданное мною въ Херсонѣ: всѣ обѣдавшіе чиновники, видя хозяйку и хозяина, не кланяясь, выходили изъ комнаты, какъ бы давая ему знать, что, получая отъ государя столовыя деньги, онъ обязанъ дѣлать для нихъ въ высокоторжественные дни обѣды. Иванъ Христофоровичъ напрасно вступилъ въ должность; увидѣвши самъ, что уже не можетъ ее исполнять, онъ вскорѣ подалъ въ отставку и, кажется, уволенъ съ пенсіономъ. Такъ въ жизни со многими людьми случается, что гдѣ они надѣются найти свое благополучіе, тамъ находятъ свое несчастіе!

Въ Екатеринославѣ я нашелъ своего соученика Николая Петровича Насѣдкина, нѣкогда занимавшагося архитектурою у моего дяди; онъ служилъ здѣсь губернскимъ архитекторомъ; построилъ себѣ деревянный домъ, засадилъ обширное мѣсто тутовыми деревьями и занимался шелководствомъ.

Еще въ Херсонѣ я получилъ отъ профессора архитектуры въ харьковскомъ университетѣ Евгенія Алексѣевича Васильева въ 1819 году письмо съ завѣреніемъ, что я могу надѣяться выдержать экзаменъ, и какъ отъ Екатеринослава до Харькова только 217 верстъ, то по увольненіи я рѣшился поѣхать туда попытаться счастія, ибо надобно было достигнуть этого толико вожделѣннаго чина *коллежскаго ассесора*.

По пріѣздѣ въ Харьковъ, я остановился въ домѣ у секретаря думы, у котораго и прежде нѣсколько разъ квартировалъ. Евг. Вас. Васильевъ принялъ меня съ объятіями; я часто бывалъ у него въ домѣ и съ удовольствіемъ проводилъ у него время. Между тѣмъ подалъ я прошеніе въ университетъ о допущеніи меня къ экзамену на чинъ коллежскаго ассесора, приложивъ аттестатъ изъ училища и формулярный о службѣ списокъ. Ректоромъ тогда

былъ профессоръ математики Осиповскій; но онъ вскорѣ потомъ былъ уволенъ за неосторожно высказанное имъ мнѣніе противъ массонской секты въ рѣчи, произнесенной имъ при публичномъ испытаніи, и мѣсто его заступилъ профессоръ греческаго языка..... Такъ какъ сыновья ректора учились въ пансіонѣ у Сергѣя Николаевича Коваленка, моего соученика, съ которымъ я долго жилъ въ одной комнатѣ и пѣлъ, то его рекомендація обо мнѣ ректору много мнѣ помогла. Замолвили также о мнѣ доброе слово и Елисавета Михайловна, жена прокурора Павла Хрисанфовича Лабутина, служившаго въ мое время въ Херсонѣ, и жившая въ дружбѣ съ женою ректора. Хотя вопросы по разнымъ наукамъ даны были мнѣ заранѣе; но я, не надѣясь на свою слабую память, составлялъ письменные отвѣты по каждой наукѣ и исписалъ около трехъ десятей бумаги; по нѣсколько разъ ихъ прочитывалъ и можно сказать почти выучивалъ. Особенно всемірная и россійская исторія, всеобщая и россійская географія, также физика много труда мнѣ стоили. Экзаменовался я уже въ началѣ 1820 года: всѣ экзаменаторы были ко мнѣ весьма снисходительны, а профессоръ россійской словесности Борзенко былъ даже ко мнѣ благосклоненъ; онъ назначилъ мнѣ написать сочиненіе о томъ, какъ первоначально и постепенно открывались художества, полагая, что это должно быть мнѣ извѣстнѣе другихъ предметовъ. Преподавателю въ университетѣ богословія отцу Афанасію Могилевскому, еще прежде экзамена, я давалъ читать мои три бесѣды, сочиненныя въ Херсонѣ, и онъ хвалилъ изъ нихъ бесѣду о безсмертіи души. Только профессоръ физики Комлышинскій, знакомый мнѣ изъ дѣтства, зная, что тогда не учили въ классахъ физики, конфузилъ меня и видимо хотѣлъ смѣшать; но на счастье мое какъ по этому, такъ и по другимъ предметамъ попадались мнѣ все легкіе вопросы. Болѣе другихъ страшилъ меня экзаменъ по французскому языку, въ которомъ я былъ мало свѣдущъ, такъ какъ началъ учиться ему въ позднія лѣта и разговорами не занимался. Но приглашенный для испытанія меня въ разговорной рѣчи французъ находился въ другой комнатѣ и его забыли позвать, а чтеніе мое изъ Телемака, словесный и письменный переводы изъ него одобрили. И такъ, съ

помощію Божіею, я счастливо окончилъ свой экзаменъ и въ февралѣ мѣсяцѣ получилъ изъ университета хорошій аттестатъ.

Во время пребыванія моего въ Харьковѣ Евгеній Алекс. Васильевъ показывалъ мнѣ планы прожектированной имъ соборной колокольни и читалъ мнѣ мнѣніе о нихъ архитектора Стасова. Послѣдній славился въ Петербургѣ многими зданіями, съ большимъ ввусомъ имъ построенными; императоръ Александръ Павловичъ преимущественно предъ другими архитекторами употреблялъ его для казенныхъ зданій, и онъ дѣйствительно имѣлъ изящный вкусъ въ архитектурѣ. На замѣчанія его относительно проэкта колокольни Евгеній Алексѣевичъ не придумалъ ничего сказать, какъ только, что столичный архитекторъ не могъ одобрить провинціальнаго архитектора. Разсматривая этотъ проэктъ, я отважился замѣтить ему, что стѣны толстотою въ двѣ сажени не могутъ хорошо просохнуть, что для постройки такой высокой колокольни нужно имѣть весьма хорошій кирпичъ, котораго нѣтъ въ Харьковѣ, что такіе большіе свѣсы у карнизовъ невозможно изъ кирпича сдѣлать. На эти замѣчанія онъ отвѣтилъ мнѣ: «что же? мы сдѣлаемъ въ разныхъ мѣстахъ стѣнъ дыры, чтобы стѣны могли просыхать, кирпичъ будемъ дѣлать сами, а карнизы будемъ выливать изъ чугуна; мнѣ хочется, чтобы эта колокольня была выше кіевской». Ничто однако не помогло: при постройкѣ этой колокольни оказались такія трещины, что для подпорки ея принуждены были построить на сѣверной и южной сторонахъ двѣ каменныя высокія стѣны съ контрфорсами, гдѣ помѣщаются лавки, и кромѣ того уменьшить ее на одинъ этажъ. Безъ этой предосторожности огромное и слишкомъ широкое зданіе колокольни могло подвергнуться паденію. И дѣйствительно, долговременный опытъ во всѣхъ государствахъ и въ разные вѣка показалъ, что изъ всѣхъ башенныхъ строеній тѣ только и долговременны, которыя были построены въ видѣ конуса, постепенно въ широтѣ уменьшаясь. Въ такомъ видѣ построена и кіево-печерская колокольня въ половинѣ прошедшаго столѣтія архит. Шейденомъ, и притомъ изъ превосходнаго тамошняго кирпича, какого нигдѣ нѣтъ въ Россіи.

Показывалъ мнѣ Евгеній Алексѣевичъ и другой свой прожектъ, предназначаемый для библіотеки и обсерваторіи университетской. Фасадъ сходенъ съ фасадомъ библіотеки въ Касселѣ. Евгеній Алексѣевичъ затруднялся, чѣмъ лучше укрѣпить углы этого весьма широкаго зданія, чтобы они не разошлись; но видно, что строивши его, онъ не придумалъ для этого вѣрнаго способа. Разрушеніе этого зданія составило его несчастіе: государь Николай Павловичъ, бывши въ Харьковѣ послѣ 1835 года, велѣлъ удалить его отъ должности. И такъ, начавши свою службу весьма счастливо, онъ кончилъ ее бѣдственно.

Разсказывалъ мнѣ Евгеній Алексѣевичъ, какъ профессоръ физики Аѳанасій Ивановичъ Стойковичъ, бывши ректоромъ университета, возгордился было этимъ достоинствомъ и хотѣлъ показать надъ нимъ свою власть. Было, говоритъ, вакаціонное время; я поѣхалъ къ помѣщику Вукотичу. Возвращаюсь въ Харьковъ, а ректоръ присылаетъ ко мнѣ письмоводителя спросить, у кого я спрашивалъ отпускъ. Я отказался дать ему отвѣтъ. Тогда онъ потребовалъ отъ меня отвѣта на бумагѣ; я сказалъ посланному: «пусть ректоръ возметъ назадъ свою бумагу, а въ противномъ случаѣ будетъ сожалѣть о своемъ неумѣстномъ поступкѣ». Стойковичъ потребовалъ отъ меня отвѣта другою бумагою. Я написалъ ему, что стыжусь отвѣчать такому ректору, который во зло употребляетъ законы: вмѣсто книгъ для университета выписываетъ венгерское вино и разсылаетъ смотрителямъ уѣздныхъ училищъ продавать его по назначенной имъ цѣнѣ. По донесеніи объ этомъ министру просвѣщенія, послѣдній велѣлъ ему подать въ отставку, грозя въ противномъ случаѣ отдать его подъ судъ.

Еще о другомъ низкомъ поступкѣ Стойковича разсказывалъ мнѣ Евгеній Алексѣевичъ. Женился онъ на помѣщицѣ изюмскаго уѣзда, женщинѣ некрасивой, но у которой было полтораста душъ крестьянъ; выпросилъ себѣ землю въ херсонской губерніи для поселенія крестьянъ, склонилъ жену продать ея землю, а крестьянъ перевести въ ту губернію; деньги за проданную землю отчасти употребилъ на переселеніе, а отчасти на свои нужды; потомъ переселенныхъ крестьянъ продалъ тамъ и, взявъ деньги,

уѣхалъ въ Петербургъ, а жену бросилъ оплакивать ея бѣдственную участь. Выслушавъ это, я сказалъ Евгенію Алексѣевичу, что землю Стойковичу, въ числѣ 12,000 десятинъ, пришлось отводить мнѣ и когда я собралъ для этого понятыхъ и рабочихъ изъ разныхъ селеній, то онъ отказался кормить ихъ и заплатить имъ за ихъ труды. За мое же усердіе и безкорыстіе онъ также отплатилъ мнѣ неблагодарностію.

Въ бытность мою въ этотъ разъ въ Харьковѣ пришлось мнѣ встрѣтиться съ моимъ соученикомъ, Степаномъ Григорьевичемъ Чернышевымъ, который, изъ уѣзднаго землемѣра сдѣлавшись губернскимъ архитекторомъ, нажилъ себѣ порядочный домикъ. На вопросы мои объ умершемъ дядѣ моемъ Петрѣ Антоновичѣ онъ разсказалъ мнѣ, что по отставкѣ онъ жилъ въ скудости и когда умеръ, некому было его хоронить. Сынъ его Николай, служившій тогда при новгородской гимназіи, пріѣхалъ въ Харьковъ, продалъ отцовскій домъ и поѣхалъ въ Петербургъ искать мѣста. Я ходилъ на кладбище подъ Холодную Гору, пересмотрѣлъ всѣ на крестахъ и памятникахъ надписи; но могилы почтеннѣйшаго этого моего благодѣтеля и добрѣйшаго человѣка не нашелъ и принужденъ былъ возвратиться съ горестію.

Степанъ Григорьевичъ также мнѣ разсказалъ съ сердечнымъ прискорбіемъ, какія непріятности перенесъ Григорій Романовичъ Шидловскій отъ своего сына Ѳедора (моего ученика). Послѣдній, выйдя въ отставку поручикомъ, жилъ безолаберно и пьянствовалъ вмѣстѣ съ племянникомъ Н. Н. Надаржинской. Во время дворянскихъ выборовъ Григорій Романовичъ хотѣлъ, чтобъ его избрали въ какую-то должность; сынокъ явился пьяный въ собраніе, завелъ съ кѣмъ-то споръ и брань; его вывели изъ собранія и хотѣли сдѣлать опредѣленіе о выключкѣ его изъ дворянства. Престарѣлый отецъ, услыша о такомъ для своего рода посрамленіи, явился въ собраніе и со слезами просилъ пощадить его сѣдины за тѣ услуги дворянству, которыя въ жизнь свою онъ имѣлъ случай оказать ему. Послѣ этого безславія, безпутный Ѳедя слюбился съ дочерью родного своего дяди Ром. Ром. Шидловскаго, тайно женился на ней или хотѣлъ жениться, уѣхалъ съ ней за границу и жилъ въ Вѣнѣ. Безутѣшный отецъ, въ тяжкой горести

своей, сдѣлалъ духовную, которою утвердилъ свое недвижимое и движимое имущество за Н. Н. Надаржинскою, отдавъ прежде ей въ залогъ Мерчикъ, будто бы за занятыя у нея двѣсти тысячъ рублей. И такъ кончилъ жизнь свою въ прискорбной и безотрадной горести. Передъ смертію послѣднюю онъ имѣлъ отраду отъ своихъ слугъ и крестьянъ, отпустивъ изъ нихъ сто человѣкъ на волю, какъ видно изъ описанія слободско-украинской губерніи епископа Филарета.—Родная сестра Гр. Р. Шидловскаго, графиня Варвара Романовна Подгоричани, при старости своей, испытала подобную горькую участь: старшій сынъ ея Михайло (горбатый) въ молодости не женился; жилъ всегда въ разслабленномъ состояніи, въ какомъ и умеръ. А меньшой, любимецъ ея, Ѳеодоръ, уѣхавшій въ Петербургъ (противъ ея воли), хотѣлъ опредѣлиться или былъ уже опять опредѣленъ въ военную службу, съ кѣмъ-то вышелъ на дуэль и имъ убитъ. Племянники ея мужа, гр. Подгоричани, Вунчи или Вукотичи, по суду овладѣли ея Пархомовкою, изъ которой досталась ей седмая часть. Я былъ у нея въ томъ домѣ, который въ Харьковѣ построенъ по моему плану, и ласково ею былъ принятъ; примѣтилъ на лицѣ какую-то печаль, но не смѣлъ распрашивать о ея семейныхъ дѣлахъ. Къ немалому удивленію моему, увидѣлъ я чрезъ улицу прямо противъ ея дома построенный еще Григоріемъ Романовичемъ, на купленномъ имъ мѣстѣ, каменный домъ, совершенно сходный съ домомъ Пар. Мих. Штеричевой въ Басахъ. 6-го декабря видѣлъ въ николаевской церкви Н. Н. Надаржинскую старухою, уже потерявшею всю пріятность лица своего и совсѣмъ не узналъ ее, но Борисъ Бор. Лопатинскій подвелъ меня къ ней, какъ стараго знакомца Григорія Романовича. Я учтиво поклонился ей, тѣмъ дѣло и кончилось; въ домѣ ея я не хотѣлъ быть отъ того, что она связью своею съ Григоріемъ Романовичемъ, желая воспользоваться его имѣніемъ, вооружила противъ него сына и дочь и сдѣлала ихъ къ отцу неуважительными и неблагодарными.

Наставникъ мой Ал. Ал. Палицынъ давно уже умеръ; и такъ ничто уже не привязывало меня къ родинѣ моей, и я сталъ искать мѣста службы. Видя, что экзаменъ мой идетъ удачно, я еще прежде послалъ просьбу къ благодѣтелю моему

графу Ланжерону, прося его дать мнѣ приличное мѣсто въ трехъ управляемыхъ имъ губерніяхъ новороссійскаго края; но для большаго успѣха моей просьбы рѣшился лично явиться ему. Изъ Харькова въ Одессу я выѣхалъ на первой недѣлѣ великаго поста; черезъ Днѣпръ и Бугъ переѣзжалъ еще по льду, а въ Одессѣ нашелъ по улицамъ глубокую грязь.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Рѣчь М. А. Максимовича надъ гробомъ генералъ-фельдмаршала князя Сакена [1]).

Еще гробъ доблести и славы!... Еще маститая жертва смерти!... За шесть недѣль, въ субботній день веселія мірскаго, Кіевъ предавалъ землѣ первосвященника церкви своей, служителя престолу Божію. Нынѣ, въ субботній день празднованія христіанскаго, передъ нами гробъ другаго старца—героя отечества нашего, служителя престолу царскому. Древняя *матерь русскихъ градовъ* въ

---

[1]) Князь Фабіанъ Вильгельмовичъ фонъ-деръ-*Остенъ-Сакенъ*, русскій генералъ-фельдмаршалъ, родился 1752 г. въ Ревелѣ; 1769 года вступилъ въ военную службу; 1771—1772 г. сражался подъ начальствомъ Суворова противъ польскихъ конфедератовъ, а въ 1789 г. противъ Турціи; въ 1806—7 г. участвовалъ въ битвахъ подъ Пултускомъ и Прейсишъ-Эйлау; 1812 года былъ назначенъ въ армію Тормасова, а потомъ въ армію Чичагова; въ 1813 г. участвовалъ въ покореніи Варшавы и въ дѣйствіяхъ противъ Австріи; поступилъ въ силезскую армію Блюхера, отличился въ лейпцигской битвѣ и первый перешелъ чрезъ Рейнъ; въ 1814 г. содѣйствовалъ побѣдѣ при Ларотьерѣ, выдержавъ раньше нападеніе Наполеона при Брієннѣ, а послѣ при Монмиралѣ, далѣе участвовалъ въ битвахъ при Краонѣ и Лаонѣ. Въ томъ же 1814 г. былъ губернаторомъ Парижа; въ 1818 г. назначенъ главнокомандующимъ первою арміею; въ 1826 г. генералъ-фельдмаршаломъ; въ 1831 г. дѣйствовалъ противъ польскихъ мятежниковъ. Квартира его, по званію главнокомандующаго первой арміей, была сначала въ Могилевѣ на Днѣпрѣ, а съ 1831 г. въ Кіевѣ, гдѣ онъ и скончался 7 апрѣля 1837 г. въ Липкахъ, въ домѣ, занимаемомъ нынѣ кіевскимъ губернаторомъ, спустя полмѣсяца по смерти митрополита кіевскаго Евгенія. Сакенъ погребенъ въ лаврѣ на площадкѣ подлѣ крѣпостнаго вала и церкви дальнихъ пещеръ, гдѣ въ послѣдствіи погребены также извѣстные генералы: Аѳ. Ив. Красовскій и Паисій Серг. Кайсаровъ. Выносъ тѣла фельдмаршала Сакена изъ квартиры совершалъ и до могилы провожалъ преосвященный викарій кіевской епархіи и ректоръ кіевской духовной академіи, епископъ чигиринскій, Иннокентій (Борисовъ), съ городскимъ духовенствомъ. Рѣчь надъ гробомъ фельдмаршала произнесена М. А. Максимовичемъ въ его квартирѣ, предъ выносомъ гроба. Она тогда же была напечатана въ университетской типографіи, но въ собраніе его сочиненій не вошла.—*Ред.*

этихъ двухъ заслуженныхъ сынахъ отечества лишилась первостепенныхъ сановниковъ своихъ, а нашъ новый храмъ наукъ—своихъ первыхъ *почетныхъ членовъ*.

Внезапно похищена смертію маститая жизнь іерарха, которая до послѣднихъ дней посвящена была мирному, ученому труду, вызывавшему изъ забвенія давнюю жизнь и славу русской земли.

Но медленно и робко приступала смерть къ герою, который быстро и смѣло распоряжался ею на пагубу врагамъ нашего отечества и всеобщаго мира. Почившій герой нынѣ преходитъ въ *тотъ* міръ, какъ бы для того, чтобы смертію своею живѣе напомнить *сему* міру недавнія великія времена русской жизни и славы: при видѣ гроба сего, оживляются въ памяти нашей эти безсмертныя дѣла Россіи, эти великія времена, въ которыя блеснула побѣдоносно жизнь и сего мужа брани.

Рѣдкому человѣку сужденъ бываетъ столь полный кругъ жизни, какой прошелъ нашъ славный фельдмаршалъ. Тотъ срокъ, за который переступаетъ цѣлая жизнь только немногихъ людей, былъ временемъ его служенія престолу и отечеству, и 70-лѣтняя его служба представляетъ рядъ подвиговъ, проходя кои, можно бы разсказать полувѣковую исторію побѣдоносной жизни Россіи.

Еще въ началѣ славнаго вѣка Екатерины Великой, въ 1766 году, юный Сакенъ вступилъ подпрапорщикомъ на поприще военной службы, которая постепенно возвышала его и проводя чрезъ многочисленныя брани, учила его битвѣ и храбрости. Будущій фельдмаршалъ былъ въ сраженіяхъ почти вездѣ, куда летали тогда русскіе орлы—на славу своимъ вождямъ и повелителямъ; для нихъ не были не приступны высокія крѣпости Измаила, не были непроходимы высоты и твердыни альпійскія: русскимъ вождемъ былъ *князь богатырь-Суворовъ*, который, предводя въ 63-хъ сраженіяхъ, самъ былъ весь избитъ, но ни разу не былъ разбитъ, всегда побѣждая:

«Былъ вездѣ первымъ, въ мужествѣ строгомъ;
Шутками зависть, злобу штыкомъ,
Рокъ—низлагалъ молитвой и Богомъ»!

(Державинъ, 1800 г.).

При Измаилѣ, на стѣны коего первый взошелъ со крестомъ полковой священникъ, по взятіи коего сами русскіе солдаты диви-

лись храбрости своей, подполковникъ Сакенъ былъ замѣченъ Суворовымъ и представленъ отъ него въ числѣ «отличившихся мужественными подвигами на штурмѣ».

Въ 1797 году Сакенъ былъ уже русскимъ генераломъ. Война водила его на Альпійскія горы, снѣгами ихъ закалила его въ мужествѣ и потомъ поставила на чреду значительныхъ дѣйствій, въ началѣ царствованія Александра Благословеннаго.

Насталъ годъ великій для русскаго царя и народа—*двѣнадцатый годъ!* Сожженіемъ Москвы Россія принесла величественную жертву христіанскому человѣчеству. Очистивъ нѣдро свое отъ полупросвѣщенныхъ враговъ, вполнѣ сознавъ свою моготу и самобытность, святая Русь устремилась въ путь, самимъ Богомъ ей указанный—расторгнуть плѣнъ, наложенный на царства самозваннымъ властелиномъ запада, даровать миръ европейскому міру и воздвигнуть крестъ вѣры Христовой въ просвѣщеніе разума человѣческаго. Великое, всемірное дѣло совершили русскіе, по манію царя, самимъ Богомъ на сіе дѣло воззваннаго и *благословеннаго:*

«... въ бездну повалили
Мы тяготѣющій надъ царствами кумиръ,
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и миръ».

(Пушкинъ, 1831 г.).

Въ сіи-то роковыя, великія минуты русской жизни и славы, и жизнь фельдмаршала просвѣтлѣла подвигами блистательными, и его имя записала уже исторія на тѣхъ страницахъ, гдѣ представляетъ она Россію въ ея высокомъ величіи, на верху могущества и славы всемірной.

Глядя на эти знаки отличія и блестящія звѣзды, коими усыпана была грудь почившаго героя, кто живо не вспомнитъ поприща его славы и тѣхъ путей, которыми Россія достигла наконецъ обѣтованной цѣли?...

Этотъ орденъ Чернаго Орла: имъ украшенъ былъ новый генералъ отъ инфантеріи за славную побѣду при Кацбахѣ.

Этотъ орденъ Георгія Побѣдоносца: онъ напоминаетъ участіе Сакена въ битвѣ подъ Лейпцигомъ, гдѣ совершилось кровавое междоусобіе всѣхъ народовъ Европы.

А сей важный орденъ Андрея первозваннаго: это награда за славнѣйшее дѣло Сакена подъ Бріенномъ, въ которомъ была первая военная школа юнаго Наполеона и подъ которымъ теперь западный исполинъ брани проигралъ роковую битву, первую во Франціи съ русскимъ воинствомъ. Главнымъ виновникомъ сего дѣла былъ Сакенъ и въ самомъ Бріеннѣ (17 генваря) и подъ Ларотьеромъ (20 генваря). И съ какимъ радостнымъ предвѣстіемъ воскликнулъ онъ въ своемъ донесеніи о побѣдѣ: «въ сей достопамятный и великолѣпный день Александръ можетъ сказать: «*я даю вселенной миръ*»!

А бриліантовая шпага, хранящаяся въ московской оружейной палатѣ на память отъ Сакена: она напомнила бы и бывшей столицѣ Запада то время, когда она съ восторгомъ преклонилась передъ русскимъ царемъ, плѣнившимъ ее и силою войны и благостію великодушнаго мира. Читая свою надпись на шпагѣ: «*Миръ 1814 года. Городъ Парижъ, генералу Сакену*», шумный Парижъ съ благодарностію къ Россіи помянулъ бы нашего воина, своего генералъ-губернатора, котораго встрѣчалъ онъ и сопровождалъ повсюду съ рукоплесканіями и восклицаніями: «да здравствуетъ Сакенъ»! Онъ вспомнилъ бы его и по другой *золотой шпагѣ* отъ національной гвардіи, и по *портрету Людовика*, которымъ дарованный Франціи король подарилъ русскаго генерала за благотворное управленіе столицею Франціи.

Вотъ блистательнѣйшія минуты жизни нашего славнаго фельдмаршала!

По возстановленіи общаго мира, послѣ знаменитыхъ подвиговъ своихъ, маститый герой поставленъ былъ отъ царя главнокомандующимъ 1-ой арміи (1818 г.) и возведенъ въ графское достоинство (1821 г.).

Подъ державою Николая I-го, заблестѣли новые герои—*на страхъ врагамъ*, прогремѣли новыя побѣды—*на славу намъ*... Заслуженный воинъ оставался ревностнымъ стражемъ престола и отечества, и нашъ возлюбленный монархъ почтилъ его высокимъ вниманіемъ своимъ: возвелъ его въ санъ генералъ-фельдмаршала (1826 г.), возвысилъ въ княжеское достоинство Россійской Имперіи (1832 г.) и драгоцѣннымъ своимъ изображеніемъ украсилъ (1831 г.) *твер-*

докаменную грудь, подъ которою билось сердце, исполненное вѣрности и любви къ царю и царству русскому — чувства, которыми бьется сердце всѣхъ истинныхъ сыновъ Россіи!

Тихо и мирно докончилъ дни свои престарѣлый герой. Ближніе оплачутъ его кончину; русское воинство, съ грустнымъ маршемъ и прощальнымъ громомъ, проводитъ гробъ своего фельдмаршала; отечество не забудетъ его подвиговъ и заслугъ; и сама православная церковь, уважая кровь, которую проливалъ онъ за святую Русь, воздастъ ему *вѣчную память!...*

Бытовая малорусская обстановка въ документахъ XVII—XVIII ст.

Говорить о недостаточной разработкѣ нашей краевой, малорусской исторіи значитъ повторять старую, всѣмъ извѣстную истину. Кое-какъ разработана внѣшняя политическая жизнь или судьба Малороссіи; нѣсколько болѣе сдѣлано для уясненія судебъ, равно духа и строя южнорусской церкви. Но и тамъ, какъ и здѣсь, можно сказать, *темна* подъ часъ *вода во облацѣхъ воздушныхъ*... Найболѣе богатый матеріалъ собранъ для исторіи духовной жизни малорусскаго народа въ памятникахъ его устнаго творчества. Исторія письменной южнорусской литературы едва тронута; исторія законовъ, дѣйствовавшихъ въ Малороссіи, а также „обычнаго“ права—точно также. Если бы мы захотѣли получить представленіе о будничной жизни нашихъ предковъ и ея обстановкѣ, объ ихъ жилищахъ, одеждѣ и обуви, пищѣ и питьѣ, занятіяхъ и забавахъ, привычкахъ и вкусахъ, степени достатка и культуры, заботахъ повседневной жизни и ихъ цѣляхъ, то въ этомъ отношеніи точныхъ фактическихъ данныхъ нашлось бы весьма и весьма немного, а изъ цѣльныхъ памятниковъ такого рода, кромѣ частички Дневныхъ записокъ Я. Марковича и Дневника Н. Ханенка, ничего больше и указать нельзя.

Настоитъ надобность въ подборѣ и приведеніи въ извѣстность такихъ документовъ, которые уясняли бы эту найменѣе извѣстную сторону минувшей нашей жизни. Они важны могутъ быть для историковъ, филологовъ, юристовъ, но особенно для романистовъ и драматурговъ, порывающихся нерѣдко въ своихъ произведеніяхъ въ область прошлаго, но не дающихъ себѣ труда изучать найболѣе живую и любопытную часть нашей исторіи—бытовую. Намъ кажется, что ни въ однихъ изъ письменныхъ памятниковъ этого рода не отражается такъ полно и наглядно будничная жизнь нашихъ предковъ, какъ въ ихъ наприм. „тестаментахъ“ или „духовныцяхъ“ со списками распредѣляемаго имущества, въ „вѣно-

выхъ" предбрачныхъ записяхъ, въ реестрахъ наслѣдствъ, въ спискахъ вещей конфискованныхъ, арестованныхъ, погорѣвшихъ, ограбленныхъ или украденныхъ, гдѣ на лицо все, что наживалъ и чѣмъ жилъ человѣкъ, что любилъ онъ, чѣмъ утѣшался и наполнялъ свою жизнь, что наконецъ составляло результатъ его цѣло-жизненныхъ заботъ, его достатокъ, удобство и такъ сказать матеріальное счастье. Есть списки и счеты, которые трудно подвести даже подъ какую либо категорію, но которые обнимаютъ все ту же будничную жизнь человѣка съ малоизвѣстной какой либо стороны, и тѣмъ они важнѣе, если принадлежатъ людямъ различныхъ классовъ и положенія общественнаго.

Такихъ списковъ можно найти массы въ архивахъ общественныхъ и частныхъ. Для примѣра, мы имѣемъ свѣдѣніе о хранящейся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи рядной записи гетмана Самойловича при выдачѣ имъ дочери за боярина Ѳ. П. Шереметева; въ нашихъ рукахъ подобная же запись жены лѣтописца Гребянки, и т. д., и т. д.

Начиная печатаніемъ рядъ такихъ документовъ, мы избираемъ на первый разъ *восемь*, изъ которыхъ одинъ принадлежитъ, судя по почерку, концу XVII, а остальные первымъ десятилѣтіямъ XVIII ст. Въ печатаніи такихъ документовъ мы не будемъ держаться строго хронологическаго порядка, но будемъ только отдавать преимущество болѣе древнимъ предъ позднѣйшими. Помѣщаемые теперь списки и реестры составлялись по самымъ разнообразнымъ случаямъ и принадлежатъ лицамъ различныхъ классовъ, хотя одной и той же мѣстности—Черниговщины, частнѣе Стародубовщины.

Документъ первый представляетъ совершенно случайную замѣтку о вещахъ одной простой женщины, жительницы, кажется, мѣстечка Новгородка, Татьяны Орѣшковны. Мѣстная старшина заарестовала у нея по какому-то случаю домашній скарбъ. Часть онаго была возвращена женою сотника и войтомъ, у которыхъ вещи хранились. Какой-то Ѳедоровичъ, быть можетъ изъ числа старшины, или близкій Орѣшковой человѣкъ, дѣлаетъ объ нихъ замѣтку. Скарбъ не большой, вещи все простыя и не непрасно обозначены названіемъ *худобы*. Заглавіе и содержаніе замѣтки слѣдующее.

Реестръ мнѣ для памяти Якиму Федоровичу, сколко якой худобы Татяни Орѣшковни, старшиною новгородскою забратои, возвращено.

Панѣ сотниковая Галецкая отдала: скатерть одну, серпанокъ одинъ, сорочекъ женскихъ чотири, кунтушъ тонкаго сукна женскій,

простѣри до постелѣ двѣ, наволока до подушки одна, ручникъ одинъ, подушка одна, скриня одна, мѣдникъ одинъ, кораловъ шнуровъ два, фляшечка цѣнованая, клубочковъ ілянихъ шесть, путо зелѣзное, на двое розломанное, кожушини чорной шматъ, подушка одна.

Отъ войта новгородского: скатерть одна, серпанки два, сорочокъ женскихъ чотири, двѣ наволоки до подушокъ, ручникъ одинъ, шапка мужицкая, кунтушъ женскій гранатовий, чорнимъ футромъ подшитий, скринка, подушка одна, шипъ желѣзний, кожушини бѣлои шматъ, мѣдникъ.

Отъ пана Мануйла, бывшого атамана: скатерть одна, сорочка женская одна, наволочокъ до подушокъ двѣ, серпанокъ одинъ, пилка желѣзная, запаска штаметовая, шапка мужицкая, шнуровка полтабинковая зеленая, килимець старий зшитий по половинѣ.

Отъ городничаго: сорочокъ женскихъ двѣ, плахта старая.

Дальше замѣтка ведена на отдѣльныхъ клочкахъ бумаги и подъ заглавіемъ *отбори* представляетъ слѣдующій текстъ:

Феско отобралъ киндякъ, сверделъ великій, мушкетъ, пистолетъ, рурку, крестъ зъ вентабками, стругъ, сокиру, путо залѣзное.

Тимофѣевъ зять отобралъ казанокъ, сало, чоботи пришви, рушницю, горѣлку зъ бариломъ, лубку, горщокъ съ черницями, стременъ пару, матеріи пасистой шматъ.

П. Помаранскому, писару сотенному, грошей чтири золотихъ безъ алтина, габело 1, сиромятникъ, поясъ рябій старый, подушокъ двѣ, наволочокъ двѣ, кошуль женскихъ двѣ, ручникъ 1, матокъ полотна московского. А всѣ тие рѣчи звѣтшаліе. Отъ Помаранского писаря сотенного толко що килимець.

Любопытно въ этомъ документѣ то, что заарестованныя вещи хранились не въ помѣщеніи мѣстнаго управленія, а на рукахъ старшинъ и даже ихъ женъ.

Второй документъ—это очевидно запись для суда по иску нѣкоего Полубинскаго къ неизвѣстнымъ лицамъ, разорившимъ его дворъ и имущество. Содержаніе его слѣдующее:

Реестръ хоромнаго строенія въ дворѣ Полубинскаго, отъ владѣлцовъ отъ 1712 году спустошенного, безъ поправи въ немъ мешкаючого.

Свѣтлицъ три, ковната, сенцѣ, прканки, на версѣ свѣтелка, а округъ—кганки новие, брусование подъ одну кровлю, кгонтами побивани.

Дверей снѣцарское роботи семеро, зъ замками и завѣсами великой руки, билого зелѣза.

Воконъ большихъ, у волово оправнихъ, и обикончинъ, на завѣсахъ бѣлого зелѣза, чотирнадцять.

Печей покошчанихъ жилихъ три, а на горѣ похованихъ покошчанихъ печей болшихъ зъ цеглою на комени було на три.

Лазня и кухня рубленніе болшие зъ прикомарками чотирма.

Погребъ походній большій дубовій брусованій новій, а при немъ було лѣховъ два, сажень по тридцятъ.

Стайня була рубленная болшая, а на версѣ сѣнникъ.

Ледовня брусованная дубовая болшая, а на версѣ инбаръ сосновій брусовий болший, на инбарѣ въ шпаръ построени були чулани.

Шафа возовая болшая.

И оное все строеніе погноено, попалено, до основания спустошенно.

За пожилие года за оний дворъ, належачій минѣ, на владѣльцяхъ доправити, хочъ мало на годъ противъ людскихъ наймовъ, рублей по шистъ.

Волокити, харчи, проторовъ моихъ годъ за вусѣмнадцять, якъ право учитъ, а самой утрати, доходячи того двора, чинитъ минѣ за тие года рублей пятдесятъ.

Третій документъ вводитъ насъ въ жизнь торговаго человѣка или „крамара“ начала XVIII в. и знакомитъ насъ съ предметами торговли и потребленія. Это приложеніе къ жалобѣ купца Черниговца, посредствомъ которой онъ отыскивалъ свои долги на разныхъ лицахъ, перенеся почему-то свой искъ въ Петербургъ, въ посольскую канцелярію. Вотъ его текстъ.

Копия съ росписи товаромъ и денгамъ долговымъ стародубовскаго мещанина Семена Черниговца, какову онъ подалъ въ Санктпетерсбурге въ посолской канцеляріи, при челобитье своемъ, октября въ 24 д. 1716 г.

На полковнике Миклашевскомъ, на женѣ и на дѣтехъ ево за бѣлугу полтора рубли, за четыре осетра два рубли двадцать шесть алтынъ четыре денги, за две бѣлые рыбицы три рубли, за три свяски вязиги четыре рубли съ полтиною, осетровой икры

пудъ десять фунтовъ два рубли двадцать три алтина две денги, две семги рубль шесть алтынъ четыре денги, икры сиговой полпуда рубль двадцать алтынъ, цытрыну (лимоны) въ патоке пятнадцать фунтовъ три рубли, инбирю въ патоке двадцать фунтовъ четыре рубли, шефрану фунтъ семь рублевъ, золотомъ шитыхъ рукавицъ три пары четыре денги, романеи боченокъ восмь рублевъ, боченокъ мушкатного ренского семь рублевъ, боченокъ секту восмь рублевъ, коричной водки на полъанкерка десять рублевъ, мунгалской водки въ двадцати скляночкахъ три рубли, за пару соболей двадцать четыре рубли, двѣ пары серегъ четыре рубли, черевики бархатные, шитые золотомъ, четыре рубли, шапка бархатная три рубли, за мѣхъ горностаевъ шеснатцать рублевъ, извощику три рубли съ полтиною, лекарства и водокъ пять рублевъ, за пару ножей аписовыхъ пятнадцать рублевъ, десять спинокъ осетровыхъ шесть рублевъ, за два аршина сукна четыре рубли, еще полъ аршина сукна рубль, полуобяри два локтя сорокъ четыре алтына, за дважъ локтя полуобяри сорокъ четыре алтына, за два-жъ локтя обяри сорокъ четыре алтина, рудожелтой полуобяри тридцать четыре локтя двадцать два рубли четырнадцать алтынъ четыре денги, восмь цевокъ круживъ сребреныхъ и золотыхъ одинадцать рублевъ шесть алтынъ четыре денги, сребреныхъ пуговокъ четыре золотника тридцать алтынъ, мѣхъ бѣлей четыре рубли, четыре цевки круживъ золотныхъ и сребреныхъ пять рублевъ двадцать алтынъ, двѣ пары платковъ персицкихъ сорокъ алтынъ, мѣхъ лисій черевей двенадцать рублевъ, сѣрая овчина два рубли, шеснадцать локотъ выбойки рубль двадцать алтынъ, пара платковъ персицкихъ дватцать алтынъ, сукна два локтя съ четвертью алого четыре рубли съ полтиною, кушакъ персицкой шолковый два рубли, полпята аршина полуобяри четыре рубли, штофу шелкового алого десять аршинъ по рублю аршинъ, четыре аршина съ четвертью сукна восмь рублевъ съ полтиною, того-жъ сукна пять локотъ десять рублевъ, золотного и серебреного снурку полъ-трети цевки три рубли десять алтынъ, пять цевокъ серебреныхъ круживъ и два золотника шесть рублевъ тридцать алтынъ, четыре цевки и два золотника золотныхъ и серебреныхъ круживъ шесть рублевъ два алтына четыре денги, золотного и сребреного снурка восмь цевокъ и одинъ золотникъ одинадцать рублевъ восмь денгъ, тесма къ саблѣ шелковая двадцать алтынъ,

олетры шитые золотомъ и серебромъ десять рублевъ, четыре аршина сукна восмь рублевъ, еше сукна четыре аршина восмь рублевъ, аршинъ бархату венецкого три рубли, черная овчина два рубли, кушакъ персицкой два рубли, девять цевокъ золотныхъ и сребреныхъ круживъ двенадцать рублевъ дватцать алтынъ, двѣ штуки персицкой матеріи четыре рубли, сукна четыре аршина восмь рублевъ, еше четыре аршина сукна восмь рублевъ, два мѣха бѣлые восмъ рублевъ, шоръ пара тридцать рублевъ, серги алмазные дватцать рублевъ, карманные часы золотые сорокъ рублевъ, бархату полъ-локтя рубль, два роструха на сребренные сорокъ восмь рублевъ, шесть цевокъ золотного и сребреного кружива семь рублевъ съ полтиною, семь цевокъ позументу и снурку золотного и сребреного девять рублевъ двадцать шесть алтынъ четыре денги, шесть цевокъ круживъ золотныхъ восмь рублевъ тринадцать алтынъ две денги, штофу шолкового пять локоть четыре рубли, кружива четыре цевки и два золотника золотного и сребреного шесть рублевъ три алтына две денги, пара платковъ шолковыхъ двадцать шесть алтынъ четыре денги, сѣрая овчина два рубли, пять локоть штофу четыре рубли, того жъ штофу три локтя два рубля тринадцать алтынъ две денги, пять локоть коричневаго сукна восмь рублевъ десять алтынъ, полъ-локтя сукна дватцать шесть алтынъ четыре денги, семь цевокъ золотного и сребреного позументу девять рублевъ двадцать шесть алтынъ четыре денги, полъ-шеста локтя сукна одинадцать рублевъ, полъ-шеста локтя штофу четыре рубли тринадцать алтынъ две денги, черного сукна двадцать пять локтей и полъ локтя сорокъ рублевъ, того-жъ сукна дватцать локоть тридцать два рубли, двѣ штуки тузинку двадцать четыре рубли, шесть цевокъ круживъ сребреныхъ восмь рублевъ, тринадцать алтынъ двѣ денги, сукна три локтя четыре рубли двадцать шесть алтынъ четыре денги, цевка снурку золотного рубль тринадцать алтынъ две денги, пять локоть сукна десять рублевъ, алмазные серги тридцать рублевъ, запонокъ шесть сребреныхъ съ камешками шесть рублевъ, триста зеренъ жемчугу девять рублевъ, инбирю въ патокѣ полпуда четыре рубли, готовыхъ денегъ три рубли, анису десять фунтовъ осмнадцать алтынъ две денги, за рыбу двадцать алтынъ. Старосте Миклашевского денегъ двадцать алтынъ, два мѣха лисьи черевьи дватцать четыре рубли, два локтя съ чет-

вертью сукна четыре рубли съ полтиною, обяри четыре аршина съ полъ-аршиномъ четыре рубли, пять локотъ съ четвертью сукна десять рублевъ съ полтиною, того-жъ сукна полъ-пята локтя девять рублевъ, сукна полъ-шеста локтя семь рублевъ двадцать три алтына две денги, того-жъ сукна локоть съ четвертью шестьдесятъ алтынъ съ полъ-гривною, водки боченокъ мастихвиной девять рублевъ, полъ-анкерка коричной водки десять рублевъ, восмь осетровъ шесть рублевъ, десять локотъ сукна дватцать рублевъ, штофа три локтя два рубли тринадцать алтынъ две денги, того-жъ штофа четыре локтя три рубли две гривны, сукна четыре локтя шесть рублевъ тринадцать алтынъ две денги, полуобяри два локтя рубль двадцать алтынъ, четверть аршина сукна полтина.

На бурмистре Михайлѣ Фомичѣ и на сынѣ его Иванѣ двѣсти рублевъ, которые далъ въ займы въ 1705-мъ году.

На Гамалѣевой женѣ Андреихе недоплатныхъ денгъ за евангеліе шестьдесятъ рублевъ, да на ней-же за перстень сорокъ рублевъ.

На Петре Корецкомъ сто ефимковъ, которые даны взаймы на ярмонке въ Королевце въ 1706 году, онъ-же взялъ смуши сорокъ восмь на девяносто на шесть рублевъ.

На Станиславе Полубинскомъ за золотые парчи сто восмьдесять шесть рублевъ.

На стародубовскомъ мещанинѣ Яковѣ Андреевѣ тридцать четыре рубли.

На мещанинѣ-жъ стародубовскомъ Осипѣ Самуйленку двѣсти рублевъ.

На бурмистрѣ стародубовскомъ на Демьянѣ Григорьевѣ сто шестьдесятъ рублевъ.

На бурмистрѣ Никитѣ Потаповѣ за жемчугъ, что взялъ у брата его Степана въ 1706-мъ году на шестьсотъ рублевъ.

Въ 1706-мъ году занялъ у него прикащикъ Демьяна Григорьева Спиридонъ Демешковъ на Москвѣ на его хозяйскіе промыслѣ двѣсти рублевъ.

Четвертый документъ—это урядовая запись, составленная въ стародубскомъ магистратѣ по смерти лица одинокого или же оставившаго малолѣтнихъ сиротъ. Озаглавлена она такъ:

Реестръ вещей, по небожчику Никитѣ Потаповичу позосталыхъ, списанныхъ року 1719 декабря 15 дня.

Кто былъ небожчикъ Потаповичъ, неизвѣстно. Судя по отсутствію въ спискѣ его вещей оружія, онъ не принадлежалъ къ козачему званію, но былъ вѣроятно стародубскій мѣщанинъ, быть можетъ членъ магистрата, человѣкъ съ большимъ достаткомъ. Тутъ все его господарство и пожитки. Опись составлялась въ порядкѣ осмотра вещей и нисколько не систематизирована. Найдено и записано:

Въ склепу, въ скринѣ великой, шкатула, въ той шкатулѣ вынайшлося сребра штукъ толко *(число монетъ не означено)*.

Штофа на пукляхъ, ашпурской работы, болѣе цеховой кварты, зъ накривкою, зъ середины вызлоченая, сребреная.

Кубокъ вибияный зъ середины, злоцѣстий, яко бы въ полкварты.

Кубокъ выбиваный, на пукляхъ, сребряный.

Кубковъ паристыхъ, ашпурской роботы, въ серединѣ вызлочованыхъ, 4.

Стаканчиковъ зъ середины вызлочованыхъ, на пукляхъ, зъ накришечками, 2.

Роструханчикъ сребреный, высоченкий, московского дѣланя, подъ смалчемъ, 1.

Роструханчикъ меншенкий, тоже ашпурской работы, вызлочованый, 1.

Кубковъ столовыхъ не заживаныхъ, ашпурской роботы, вызлогованихъ, 12.

Ложокъ сребреныхъ, просто робленыхъ, 12.

Ложокъ сребреныхъ болшихъ, доброго робленя, 5.

Чарка вызлочованая, малая, 1.

Меншая чарка, вызлочованая, 1.

Болшенкая, простой работы, 1.

Чарка болшая, чистѣйшаго сребра, въ квѣтъ выбиваная, зъ двома ручками, 1.

Накришечка вызлоованая зъ середины и берега позолочованиѣ, зъ пуклемъ, 1.

Майстерной роботы ашпурской вызлочованыхъ ложекъ 12.

Ложокъ бѣлыхъ сребрныхъ не заживаныхъ 12.

Пуколъ злоцѣстый зъ кубка 1.

Въ мѣшечку одномъ маленкомъ чирвоныхъ золотыхъ подвойныхъ 7.

А поединковыхъ въ томъ-же мѣшечку 74.

Въ другомъ мѣшечку подвойныхъ червоныхъ 39.

А поединковыхъ тутже 3.

Въ мѣшечку болшомъ самомъ, где два меншихъ зъ подвойными червоными вложены суть, поединковыхъ червоныхъ найшлося числомъ 399.

Талярей битыхъ въ мѣшку 150.

Кгузѣкъ сребрный и уломочокъ отъ кубка срѣбрного въ прискринку.

Скриня великая една, въ которой и шкатула зъ грошми вложена естъ; въ той скринѣ полотна ткацкого бѣлого штукъ 8.

Въ той-же скринѣ кунтушъ фѣялковый, бѣлками подшытій, женскій, 1.

Кунтушъ тонкій суконный чорный женскій 1.

Кунтушъ кгранатовый женскій, бѣлками подшитій, 1.

Кунтушъ музский ношеный, шарый 1.

Жупанъ суконный родзинковый 1.

Жупанъ суконный, шарый, ношеный и кгузѣковъ сребныхъ 13.

Кунтушъ попелястый, лисами подшытій, 1.

Въ той-же шкатулѣ, где и червонцѣ, зъ копѣйками мѣшковъ два, за печатми; тыхъ не лѣчили, но утвердили печатію майстратовою.

Кунтушъ ношеный темнозеленый музскій, лисами подшитій, 1.

Кунтушъ порпуровый, ношеный, женскій, мѣючій кгузѣковъ сребныхъ 15.

Кунтушъ суконный, ношеный, лисами подшытій, фиялковый, 1.

ТАМЪ-ЖЕ ВЪ СКЛЕПУ ВЪ СКРИНѢ МЕНШОЙ:

Килимъ простый украинскій 1.

Кошуль женскихъ зъ подставками 10.

Ручникъ простый 1.

Въ другомъ звязку кошуль женскихъ-же зъ подставками 9.

Въ третемъ звязку кошуль музскихъ паръ 6.

Пологъ 1, обрусъ тонкій полскій 1, обрусъ простый 1.

Зъ тоеи-жъ скринѣ до столовъ взяли обрусовъ 5.

ВЪ ТОМЪ-ЖЕ СКЛЕПУ:

Мѣдень ужываный 1.

Штопка зъ накривкою ценованою, глиняная, кролевецкая 1.

Фляша циновая кгарцовая зъ светою водою.

Збаночокъ глиняный безъухый.

Фляша шкляная полкгарцовая зъ шрубкомъ.

Казанъ горѣлчаный безъ трубъ.

Панва мѣдяная една, великая.

Куманъ мѣдяный великій, въ томъ куманѣ цѣну зъ фунтъ ламаного.

Братына мѣдяная.

Горщикъ мѣдяный зъ ушкомъ.

Штофа цѣновая зъ накривкою.

Другая штофа цѣновая меншая зъ накривкою.

Фляшъ двѣ цѣновыхъ зъ шрубками.

Кандѣйка мѣдяная.

Лѣхтаръ мосенжный, плоскій, зъ ручкою великою.

Мѣдяный лѣхтаръ, малый, зъ ручкою.

Лѣхтарикъ спѣжовый, маленкій, высоченкій.

Соляночка цѣновая.

Лѣхтарикъ кругленкій, зъ ручечкою.

Сіе всѣ въ бочцѣ были речи и тамъ-же складены:

Полумисковъ два погнутыхъ, цѣновыхъ.

Мозджерокъ спѣжовый безъ тлунка.

Воску болѣе пуда, горщокъ масла.

Куманъ цѣновый зъ накривкою цѣновою.

Штофа зъ накривкою цѣновая.

Штофъ двѣ, безъ накрывокъ, цѣновыхъ.

Мозджерисъ зъ тлучкомъ спѣжовый.

Полумисковъ малыхъ и великихъ 33.

Талѣрокъ тузѣновъ 3 и 2 талѣрки.

Девять полумисковъ, талѣрокъ 2.

Мѣдень зъ двома ручками, великій.

Казанчикъ мѣдяный.

Корецъ мѣдяный.

Полумисокъ мѣдяный, великій.

Два казаны мосенжныхъ.

Ящикъ мѣдяный.

Лѣйка мѣдяная, великая.

Панва малая мѣдяная и другая такая-же.

Въ пѣчце въ лїоху чопъ желѣзный до колеса млынового.

Ухъ желѣзныхъ отъ казана двѣ; скосковъ шесть; сковорода спаленая желѣзная; путъ желѣзныхъ три, сошниковъ три; шины полтори желѣза; бляхи желѣзныхъ двѣ.

У ИМБАРИ ОТЪ ВОРОТЪ:

Медвежина великая.

Саквы шкурятяніе новіе.

Въ скринцѣ круглой наволочокъ простыхъ.

Плахта простая, хустокъ три полотнянихъ.

Кунтушъ штаметовый ношеный, зайцами подшытій.

Шатковница.

Паръ сѣмъ чоботъ новыхъ, пара старая.

Свѣтокъ сѣмъ, кожушки два ношеніе.

Опанча повстяная.

Контушъ гарусовый, баранками подшитый и кгузѣковъ 3.

Кгранатовый суконный жупанъ старій, кгузѣковъ 4.

Килимъ суконный бѣлый.

Лубокъ три меду, лубка зъ саломъ.

У КОМНАТѢ ВЪ ШКАТУЛКѢ:

Кгузѣковъ большихъ 51.

На низцѣ кгузѣковъ 15.

Гафтокъ паръ 2.

Кгузѣковъ поламаныхъ 2.

Крестовъ сребрныхъ 2.

Коралей зъ пугвицами шестма низка една.

Шнурочокъ коралей пилованыхъ.

СКРИНЯ ВЪ КОМНАТѢ:

Шапка лисяя, зимняя, новая.

Коруночковъ сребрныхъ локотъ зо два въ папѣрку.

Лудану шматокъ.

Полотна трубка простого.

Хустка, чорнымъ шовкомъ шытая.

Хустокъ двѣ рябыхъ турецкихъ.

Хустка полотняная рябая.

Ручникъ простый.

Поясъ старенкій шовковый.

Поясъ другій шовковый зъ паристыми ножами.

Обрусъ полскій, намѣтка простая.

Баволницъ чотыри, рубокъ еденъ.

Ручниковъ три, заполочю перетиканіе.

Запояски три штаметовіи.

Капотъ полутабѣнковый.

Шапка старая куняя.

Чепецъ на атласѣ, гантованый злотомъ.

Чепецъ на киндяку московскій.

Чепецъ на чорномъ атласѣ, гантованый злотомъ.

Чепцовъ три, на полотнѣ вышиваніе злотомъ.

Грошей копѣкъ зол. 50 безъ шести шаговъ и полтіна битая.

Копѣкъ мѣдныхъ копъ три.

Наволочка цвѣлиховая, при которой и шматковъ сколько привязано.

Полотна шматъ швабского и просцѣрадло.

Другое просцѣрадло, шитое заполочю.

Кошуль двѣ женскихъ тонкого полотна.

Папѣрокъ имберу, серпанковъ два, намѣтокъ двѣ простыхъ, цукру голова цѣлая, еще намѣтокъ чотыри, фунтъ перцу, намѣтка полотна простого, хустокъ двѣ, вѣделки одны, убране суконное.

У ПУЗДРѢ:

Въ шуфлядѣ талярей 3, простыхъ талярей 2, полталяровъ 4, пятая чвертка гривениковъ 6.

Кензаръ шведскій алтинниковъ, 8 шаг., целковыхъ 4, копѣкъ шаг. 6, полкгузѣка сребрного.

Перстень сребрный, на днѣ найшлося шаговъ полскихъ 5.

Фляшокъ шкляныхъ зъ шрубками 4.

Пуздерко, фляшъ 4 полкгарцовыхъ.

Пуздерко, въ томъ фляшечокъ 5, стаканчиковъ и кубочковъ кришталевыхъ штучечокъ 8.

Въ пуздерку фляшечокъ двѣ зъ шрубками и кубковъ два кришталевыхъ.

Въ третемъ пуздерку фляшечокъ пять, венецкого шкла.

Шкатулка зъ рожнымъ корѣніемъ и цукру голова.

Килимовъ 2, свердловъ два, пилокъ двѣ и стругъ.

Безмѣнъ 1; полумисковъ 6; талѣрокъ 3; у клетѣ салъ семъ; въ їмбари на горѣ два мушкети, пѣстолетовъ пара простыхъ; одѣвало, вовками подшытое; перина, подушка, шытая чорнымъ шовкомъ; подушокъ простихъ три; шкуръ яловичихъ выправныхъ три.

ВИННИЦЯ:

На два казаны горѣлку гонятъ при березѣ озера.

Борошна на полшости браги.

Імбаръ единъ зъ горѣлкою, а въ немъ горѣлки куфъ 16.

Свиней подлѣ винници великихъ 20, подсвинковъ 20.

Дворъ на горѣ, отъ винници не оподаль, зъ едной стороны Іванъ Резникъ, зъ другой Нѣжинчихинъ (дворъ); въ томъ дворѣ ямокъ двѣ, една зъ жытомъ, другая овсомъ насыпаная.

Дворъ на Красной улицѣ зъ огородомъ и зъ садомъ, а смежніе двори—Сава Зайковскій, а зъ другой Шакга.

Подписи: Емеліанъ Василіевичъ, хоружій значковый; Григорій Самойловичъ, войтъ майстрату стародубского; Іерофей Середа, бурмистръ майстрату стародубского; Григорій Отвѣновскій писаръ майстратовый стародубскій и Аникій Сидура, лавникъ майстратовый стародубскій.

Пятый документъ—это три списка вещей, отобранныхъ у одного и того же вора, по прозвищу Логвина, по имени Димитрія, изъ которыхъ одни раньше сданы были на храненіе мѣстнымъ властямъ въ городѣ Новгородкѣ, а другія потомъ доставлены разными лицами въ мѣстную ратушу. Вещи до покражи принадлежали людямъ разныхъ классовъ и представляютъ разнокалиберную смѣсь, которую разберетъ однако изслѣдователь стараго быта. Списки имѣютъ слѣд. заглавія и содержанія:

Реестръ, что хто зъ урядниковъ взялъ зъ рухлядей воровскихъ Логвиновыхъ.

Напродъ до двору его милости пана сотника: кунтушъ тонкого сукна женский новий, масти коричневой, простирадловъ 2;

едно заполочю шитое, другое ляховчаное, скатерть 1, бавелниця 1, серпанокъ 1, сорочокъ женскихъ чтири, наволочокъ 2, ручникъ 1, шапка женская куняя 1, чепець злотомъ и шовкомъ чорнимъ шитий 1, подушокъ крашениною поволѣканихъ 2, скриня замчистая 1, мѣдникъ 1, кожушокъ старий 1, коралювъ низокъ 3, желѣза все, що знаходилось, фляшечка маленькая цѣновая 1, бѣлѣ клубокъ 1, иляних клубковъ 8, девятий малий вовняний, ящикъ съ тарѣлками. Року 1723, іюля 9.

Пану атаману: скатертъ одна, сорочокъ женскихъ чтири, наволокъ 2, ручникъ 1, шапка мужицкая 1, кунтушъ женскій зелений на сѣромъ футру, скринка 1, подушка 1, мѣдникъ маленкий 1, пилка 1, бѣлѣ клубокъ 1, шматъ чорной кожушини. А тие всѣ рѣчи старие и зветшалие. Року 1723, юля 9.

Ілия Аѳанасовичъ, войтъ новгородскій.

Пану войту: скатерть одна, серпанки два, сорочокъ женскихъ чтири, наволочокъ 2, ручникъ 1, шапка мужицкая 1, кунтушъ женский гранатовий на чорномъ футру 1, скринка 1, подушка 1, заслонка желѣзная 1, шипъ 1, бѣлѣ клубокъ 1, шматъ бѣлой кожужини. Року 1723 г. юля 9.

Манойло Зѣневичъ, атаманъ городской новгородскій.

А тие всѣ рѣчи старие и зветшалие; отъ пана вуйта принятие всѣ рѣчи, якъ вишшей сего означено, кромѣ заслонки.

Свѣдение, сколко зъ рухлядей вора Логвина досталось писару ратушному.

Скатерть 1, намѣтокъ двѣ малихъ, сорочокъ 2 женскихъ, третяя безъ рукавовъ, наволочка 1, ручникъ 1, запаска штаметовая 1, шапка мужицкая 1, кунтушъ мужицкій чорний 1, подлий, скринка 1, килимецъ старий 1, прачъ 1, круцѣфѣксъ (распятіе) 1, удила 1, капотъ полутабинковий зелений 1, пляшка 1. А тие всѣ рѣчи старие и зветшалие. Року 1723, юля 9.

Манойло Зѣневичъ, атаманъ городской новгородскій.

Пану асавулѣ сотенному: капотъ штаметовий старий 1, ручникъ 1, наволочокъ 2, сорочокъ женскихъ 3, кафтанъ китаевий старий 1, серпанокъ 1, серпи 2, уздечка 1. А тие всѣ рѣчи старие и зветшалие. Року 1723, юля 10.

Манойло Зѣневичъ, атаманъ город. новгородскій.

Свидение, что зъ рухлядей вора Логвина досталось городничому:

Ручникъ 1, сорочекъ женскихъ 3, наволочка 1, серпанокъ 1, плахта, шовкомъ перетиканая 1. А тие всѣ рѣчи старие и звет-шалие. 1723, юля 9.

Манойло Зѣневичъ, атаманъ город. новгородский.

Б) Реестръ, что принесено на ратушѣ зъ рухлядей вора Логвина.

Подушокъ крашениновихъ 4, полотняная пятая, шостая малесенкая, кожушинъ двѣ старихъ, коцъ старій одинъ, килимца старого половинокъ двѣ, вишневая жупанина дитячая, которую отдали злодѣйской дитинѣ; шкурка сыромятная малая, копилъ бортній, заступъ 1, рурка ручничная, кожушина чорная драная, ящикъ зъ ложками и тарѣлками, мѣденъ оденъ, тертка 1, чарка мосенжная 1, ковадло малое, пилка 1 старая, уздечка 1, прасъ кравецкій, клубковъ лянихъ 5, путо конское ламаное, коса одна, подосковъ пара, ости рибние, колиски двѣ, каѳанъ китаевій старій, шнуровка полтабинковая, серповъ 2, подшевка крашениновая, шматокъ зеленого штамету, фляшка зъ светою водою, кунтушъ каперовій женскій суконній, кунтушъ зеленій суконній, сѣрими баранками подбитій, бѣлѣ клубочковъ 2, вершокъ аксамитній зеленій горской, чоботи пришви одни, ножици, чарка кришталевая, опанча худая и повсть бездѣльная, полъ-ложника, которое отдали злодѣйской дитинѣ, штани сермяжніе старіе одни, заслонка желѣзная, сокиръ двѣ, сверделъ и долото, до которого приискался швагеръ его, шворень одинъ, до которого приискался Андрѣй Лака, триногъ оденъ, камень жлуктяній 1, куля 1, трубокъ свѣчнихъ 3, тертушка 1, фляшечка малая циновая 1, порохъ съ пушкою, лихтаръ желѣзній 1, циркелъ 1, конскихъ подковъ 3, долотъ пара, баніокъ коснихъ пара, форчка кулная, замки два, ящики зъ обрѣзками, штамету зеленого шматовъ три, до которихъ сознался Гойскій, маниста три шнурки; грошей готовихъ копъ шесть и шаговъ 17 и еще зол. 7, которие отобрала шкодуючая Маря; шапка жоночая куняя, кунтушъ чорній мужскій старій, поясъ старій рябій, шматъ сукна чорного, до которого признался Орѣщенко, поясъ одинъ шовковій Гойского, околица простая Гойского, перстнѣ два сребніе, фашея 1, удила 1.

Скриня першая; въ ней рѣчей напродъ: кошуль женскихъ 15, плахта, шовкомъ перетиканая 1, чепецъ, шовкомъ шитій со злотомъ 1, баволница 1, серпанокъ 1, скатертей 2, ручниковъ 4, запаска жовтогарячая, штаметовая, старая 1, чарки двѣ сребния.

Скриня другая: наволочокъ 5, клубочковъ лянихъ три, воску шматковъ 4, ручникъ 1, наволочка 1 малая, три шматки полотна попсованого, куманъ мѣдній зъ медомъ, до которого сознался Орѣщенокъ и отобралъ, ланцугъ до армати, Орѣщенковъ-же впять, кресъ ручничній, ручница Благовѣщенского попа (отобралъ), пороховница зопсованая Орѣщенкова, шапка суконная съ черною околицею, ленчикъ старий зо всѣмъ приборомъ, корова одна, скатерть 1, шматъ полотна старого, сорочка драная и старая мужская, серпанковъ нарѣзанихъ 2, ширинка 1, казанецъ, которій отобрала Маря Тимофѣевна, шипъ долгій зъ черепами, пѣшня 1, списъ, киндяку зеленого штучка, до которого приискался Глухій и отобралъ, кандѣйка мѣдная Орѣщенкова, круцѣфиксъ 1, мѣдникъ маленкій, горѣлки въ барилцѣ куфловъ на 2, которую отобрала Маря.

В) Реестръ, что на ратушѣ принесенно зъ рухлядей Дмитровыхъ.

Скриня, а въ ней: простирадло, заполоччу шитое 1, простирадло ляховчаное 1, капотъ штаметовій 1, наволочокъ холстинныхъ 3, ручниковъ 3, полотна шматокъ 1, байбаракъ синѣй, чорнимъ хутромъ подбитій; сорочокъ женскихъ и мужскихъ 10, духовница на пляцъ, скатертей 3, серпанковъ 5, кунтушъ мужескій каруновый, взятъ въ дворъ полкового сотника, шабля простая кулечина, которая отобрана, корова гнѣдая съ телямъ.

Шестой документъ даетъ понятіе объ имуществѣ священника и гардеробѣ его и его дочери по тѣмъ пожиткамъ, какіе захвачены были разбойниками изъ его загороднаго двора. Документъ относится къ 1729 г. Имущество значительной цѣнности, хотя это только часть его. Владѣлецъ его, протопопъ стародубскій Ѳеодоръ Подгурскій, вѣроятно желалъ разыскать пограбленное и представилъ реестръ въ магистратъ:

Реестръ, сколько и якіе пожитки зъ двора моего загородного стародубовскаго напавши разбойники побрали, о чемъ ниже сего явствуетъ со цѣною.

Ряса новая перцового сеетового сукна, мѣри полшеста локтя, завойками лисѣми подшитая и съ срѣбнимъ шнуркомъ, подъ фут-

ромъ, лиштви крашенініе, коштуетъ мене совсѣмъ 14 р. 55 к.

Кафтанъ новый блакитного лудану середной руки, мѣри аршинъ тринадцять изъ срѣбнимъ шнуркомъ и срѣбнихъ gузѣковъ 24, на бавовнѣ, подшитій крашаниною блакитною . . . . . 15 » 60 »

Кунтушъ дочери моеи рецетовый, жовтый, новый, зъ золотимъ gалономъ въ кругъ по разу, а по шлямахъ по два рази и шнуркомъ золотимъ обложеній, лисѣми шлямами добрими подшитій и gарлами добре опушенъ . . . . . 50 » — »

Кунтушъ дочерѣ моеи зъ локтевого полуgранату, новый, золотими корунками й шнуркомъ золотимъ округъ обложенъ, сѣбѣрковимъ футромъ подшитій . 24 » — »

Кунтушъ оливкового полуgранату, мѣри локоть пять, срѣбнимъ шнуркомъ уси золотимъ gаліономъ обложени, лиштви полутабинковіе . . . . 16 » 40 »

Кунтушъ сеети кропивной, нови, золотимъ пузументомъ уси обложени, лиштви аксамитніе . . . . 15 » — »

Кунтушъ лудану вишневого дванадцять аршинъ, срѣбнимъ шнуркомъ, лиштви додолніи лудану кропивного, подшитіи крешеніною . . . . . 12 » — »

Кунтушъ буракового лудану великои руки, аршинъ десять, срѣбнимъ шнуркомъ, лиштви зеленіи полутабинковіе, крашеніною подшитій . . . . 14 » 40 »

Сподниця новая, бѣлокосу доброго, у пять бритъ, локоть десять вкругъ, золотимъ gалономъ обложена въ три ряди, шнуровка другого бѣлокосу, якъ водится, gалономъ золотимъ обложена и вся сподница крашеніною подбитая . . . . . 16 » 50 »

Сподница новая блакитного лудану великой руки, у чтири брити, локоть восѣмъ въ долѣ, кругомъ въ три ряди борщевими басаманами обложена, шнуровка червоного лудану корунками золотими, якъ ведется, обложена; сподниця крашеніною вся подшита . . 12 » — »

Сподниця темнозеленои венецкои дуклѣ, новая, локоть сѣмъ, басаманами червоними кругомъ въ три ряди обложена, которіи басамани купуются локоть по осмъ

копіекъ, шнуровка рецети гранатовой, такими-жъ басаманами обложена, крашеніною подшитая . . 10 р. — к.
Плахотъ двѣ новыхъ . . . . . 10 » — »
Запаска бѣлокосу пасѣстого, локоть чтири. . . 8 » — »
Запасокъ три полутабенковихъ новихъ . . . . 6 » — »
Поясовъ три, единъ полушаліовый, другій дуклѣ венецкой пять локотъ, третѣй атласковій великой руки . 6 » 40 »
Чепцовъ пять, еденъ на аксамѣтѣ венецкомъ, золотомъ гаптованій, другій на табинѣ золотомъ гаптованій, а три шовкомъ на луданахъ шитіе . . 17 » — »
Шапка аксамиту венецкого червоного, соболяя, широкими корунками золотими обложена . . . 14 » — »
Шапка куняя суконная, карунками золотими широкими обложена . . . . . 6 » — »
Звензокъ чтири, одна дуклѣ венецкой, зъ галіономъ золотимъ, шириною въ полъ чвертки, а три зъ бейберейки по чтири локтѣ, да еще одна стафтовая, всѣ чтири не шитіи . . . . . 13 » 20 »
Золота и срѣбра цѣвокъ три . . . . . 4 » 20 »
Конецъ золотій зъ френзлями золотими . . . 8 » — »
Баволницъ новихъ три, а мало заживанихъ баволницъ пять, рубковъ добрихъ пять штукъ, серпанковъ сѣмъ, подвичокъ пять . . . . . 29 » — »
Караліовъ червонихъ, въ низцѣ одной двадцять шестъ, большиною въ орѣхъ лѣсковій зерно . . . 25 » — »
Ланцужокъ у восѣмъ червонихъ, тамже и срибра ламаного съ фунтъ . . . . . 22 » — »
Зливокъ золота червонихъ двадцять сѣмъ . . . 59 » 40 »
Перснювъ два злоцѣстихъ, у пятъ червонихъ, единъ зъ яхонтомъ, а другій съ кривавцемъ. . . . 14 » — »
Два кубки шрубованіе, срѣбніи позлоцаніи. . . 5 » — »
Ложокъ чтири, срѣбнихъ двѣ, позлоцанихъ, а двѣ нѣтъ. 10 » — »
Келѣшокъ срѣбній позлоцаній . . . . . 2 » — »
Запона новая, полуколоменковая, зъ лиштвами коломейковими . . . . . 5 » — »
Цѣнѣ тарѣлокъ осѣмъ, полумисокъ великій одинъ и фляша болшая . . . . . 9 » 60 »

Мѣдній ковшъ великій, фунтовъ сѣмъ, кандѣйка, фунтовъ два, можщиръ съ кручкомъ спижовимъ, фунтовъ 8.	5 р. 10 к.
Куницъ робленихъ чиненихъ пять	9 » — »
Рисіовъ добрихъ чиненихъ пять	25 » — »
Бобровъ три добрихъ, видиръ добрихъ двѣ . . .	8 » — »
Бейберейки вишневой косякъ цѣлій	8 » — »
Бейберейки кропивной двадцять локотъ . . .	10 » — »
Лудану блакитного полкосяка	5 » — »
Червоного лудану локотъ чтири	4 » — »
Съ платя бѣлого: сорочокъ новихъ женскихъ, полотна швабского 10, рубкового 10, московского 15, да ношенихъ сорочекъ 15, да музкихъ новихъ швабского и рубкового полотна пять паръ . . .	— » — »
Постѣль новая швабского полотна, срѣбромъ и чорнимъ шолкомъ шитая, наволочокъ 4, да простира у пятъ полъ, такъ-же золотомъ и шолкомъ шитая .	15 » — »
Наволочокъ новихъ цвѣлѣховихъ сѣмъ . . .	3 » 50 »
Постѣль московского полотна съ карунками, наволочокъ сѣмъ и простира	5 » — »
Постѣль заполочю шитая и простира, наволочокъ великихъ 7, а малихъ шестьнадцять. . . .	8 » — »
Скатертей gданскихъ три и ручниковъ gданскихъ пять.	18 » — »
Скатертей наскихъ добрихъ, заполочю перетиканихъ 11 и ручниковъ наскихъ, заполочу-жъ перетиканихъ, да шитихъ двадцать, да хустокъ серпанковыхъ заполочнихъ тридцять	24 » — »
Хустокъ золотомъ и сребромъ шитихъ 30	45 » — »
Хустокъ злотомъ и срѣбромъ шитихъ 40, а матеріальныхъ пятдесять	55 » — »
Рукавицѣ палчатіе gданскіе и рукавицѣ зъ лапъ волчіе.	1 » — »
Кубокъ резаній чистого кришталю, на днѣ визолоченъ, и окуляръ двое	1 » — »
Папѣру лѣберъ пять и панчохи gданскіе . . .	1 » — »
А о прочіихъ вещахъ не могу упомнить. Итого .	810 » 35 »

Седьмой документъ особаго рода. Это счетъ портного, поданный сотнику (фамилія неизвѣстна) въ мѣстечкѣ Воронежѣ объ уплатѣ за

разныя портняжныя, исполненныя для него и его семьи, работы. Заглавіе и счетъ слѣд.:

Реестръ мнѣ Карпу, кравцю для ради памъяти на сотника воронижского много одежи пошивъ.

Пошивъ вилчуру, а за вилчурою попелястий каптанъ,
еще тежъ сотницѣ пошивъ киндяковий на баволнѣ,
еще тежъ Павлу пошили киндяковий каптанъ,
еще тежъ сотниковнѣ пошивъ папужий кунтишъ,
еще тежъ сотниковнѣ пошивъ лудановий соломъястий,
еще тежъ пошивъ сотниковнѣ тузинъ новихъ кунтишъ на чорному футрѣ,
еще тежъ сотницѣ пошивъ гусарку лудановую на бѣлкахъ,
еще тежъ сотницѣ пошивъ фиялковую гусарку на баволнѣ,
еще тежъ пошивъ сотницѣ табиновий кунтишъ,
еще тежъ коломийковий каптанъ Павлу,
еще тежъ лудановий попелястий переправлявъ и подшивавъ сѣбѣрками,
еще тежъ пошивъ Павлу дукловий чирвоний чеканений каптанъ,
еще тежъ пошивъ сотнику темнозелений косолбаский каптанъ,
еще тежъ пошивъ сотнику кунтишъ полушкарлатовий,
еще тежъ пошивъ сотницѣ гвоздѣковий на зайцахъ,
еще тежъ пошивъ Семенку каптанъ киндяковий на баволнѣ,
еще тежъ пошивъ сотнику бѣлий каптанъ,
еще тежъ пошивъ Павълу французский кунтишъ,
еще тежъ пошивъ Павлу бѣлий каптанъ,
еще тежъ пошивъ мамсовий каптанъ Павлу,
еще тежъ пошивъ Ивасю каптанъ и кунтушикъ,
еще тежъ пошили сотницѣ киндяковую гусарку,
еще тежъ пошивъ Ганнусѣ киндяковую гусарку,
еще тежъ пошивъ Грицю каптанокъ и кунтушикъ,
еще тежъ сотнику кармазиновий кунтушъ лицовали и подшивали,
еще тежъ и другий кунтишъ переправляли,
еще тежъ пошивъ Семенку киндяковий каптанъ безъ баволны,
еще тежъ Парасѣ лицовали блакитний кунтушъ; темнозелений кунтушъ тонкий лядский пану сотнику перешивавъ, а потимъ, якъ износилъ, и сыну его тотже кунтушъ перешилъ. За все сее не платилъ.

Мѣетъ панъ сотникъ сему суплѣкуючому заплатити за всю работу сію тридцать золотихъ его милости, а вже узялъ сей кравецъ Карпъ Яременко полпята золотого.

Наконецъ восьмой документъ—списокъ вещей неизвѣстнаго, переданныхъ на удовлетвореніе кого-то по рѣшенію судебному, отличается особою обстоятельностію въ описаніи матеріи вещей и ихъ украшеній. Документъ относится къ 1734 г.

Реестръ, сколько по указу суда енералного имѣнія зъ Фантъ матки моей и моихъ бунчуковимъ товарищемъ Федоромъ Чуйкевичемъ сотнику новомъълинскому Івану Шишкевичу отдано:

Кунтишъ матки моей матеріалній лудановій фіялковій зъ сребнимъ шнуркомъ; цена въ ному десятъ рублей.

Кунтишъ мужескій тонкого сукна папужого, лисѣмъ футромъ добримъ подшитій, съ тясмою сребною и подпашниками сребнимъже пузиментомъ; цена въ ному тридцятъ одинъ рубль сорокъ коп.

Кунтишъ мужескій тонкого сукна капарового, футромъ попелицями подшитій, съ шнуркомъ сребнимъ и подпашники пузументу сребного, цена въ ному пятнадцятъ рублей.

Кафтанъ мужескій матеріялній gзигренетовій зеленій зъ сребнимъ пузументомъ; цена оному дванадцятъ рублей.

Кунтишъ мужескій тонкого сукна кармазинового, кругомъ оного сребній пузиментъ зъ тясмою кругомъ же сребною и подпашники сребного-же пузументу, зъ лиштвами аксамитними зеленими: цена оному двадцять рублей тридцатъ копеекъ.

Кафтанъ мужескій матеріялній штофовій зъ сребнимъ шнуркомъ, цена въ ному двадцять руб. двѣ копѣйки.

Кунтушъ мужескій тонкого сукна злоткового, футромъ попелицями добрими подшитій, около оного сребній шнурокъ 1, подпашники пузументу сребного, цена въ ному двадцять рублей сѣмдесятъ коп.

Кунтишъ мужескій другій тонкого сукна злоткового-жъ, футромъ попелицями добрими подшитій, около оного сребній шнурокъ зъ подпашники сребного-жъ пузументу: цена въ ному двадцатъ рублей сѣмдесятъ копѣкъ.

Килимъ добрій новій, цена въ ному чтиру рубли. Скриню болшую, зелѣзомъ окованую; цена оной пять рублей.

Итого за означенніе пожитки денегъ 159 руб. 12 коп.

Сонъ пресв. Богородицы по списку генеральнаго войсковаго судьи Савы.

Въ числѣ фамильныхъ бумагъ Савичей сохранилась небольшая, въ нѣсколько осьмушечныхъ листиковъ, рукописная книжечка, бумаги, утратившей свой первоначальный цвѣтъ, въ бумажной клееной обложкѣ, до крайности засаленной и истертой, что все свидѣтельствуетъ о древности книжечки и ея частомъ употребленіи. Въ этой-то книжечкѣ, принадлежавшей, судя по почерку XVII ст., родоначальнику Савичей, войсковому генеральному судьѣ Савѣ, записанъ когда-то сильно распространенный въ южнорусскомъ обществѣ апокрифъ, въ составъ котораго входилъ такъ называемый „Сонъ пресв. Богородицы“ и „Листъ“ (письмо, сказаніе) *о недѣлѣ*, т. е. о празднованіи дня воскреснаго, съ присовокупленіемъ и вообще морали христіанской.

Списковъ этого апокрифа существуетъ уже въ печати такъ много (въ „Калѣкахъ Перехожихъ“ 27, въ „Руководствѣ для сельскихъ пастырей“ 1861 г. два, въ „Собраніи поученій“ протоіерея Малова одинъ), что надобности въ новомъ спискѣ по видимому не представлялось бы вовсе. Но списокъ, о которомъ мы говоримъ, во первыхъ принадлежитъ извѣстному историческому лицу и его роду, во вторыхъ онъ одинъ изъ числа найболѣе древнихъ и въ третьихъ въ немъ замѣтна сильная малорусская окраска не только въ языкѣ, но едва ли и не въ самомъ текстѣ, по крайней мѣрѣ, послѣдней его части. Ради этихъ-то особенностей сего списка мы и даемъ ему мѣсто на страницахъ нашего журнала.

Происхожденіе обоихъ апокрифовъ „Сна“ и „Листа о недѣлѣ“ несомнѣнно западное, хотя мы и не знаемъ ихъ прототиповъ. Въ основѣ перваго лежитъ измышленное преданіе о томъ, что пресв. Матерь Божія видѣла въ пророческомъ снѣ возлюбленнаго Сына своего. Преданію придана форма бесѣды Іисуса Христа съ пречистою Его матерью о видѣнномъ ею снѣ, а къ нему присочинены слова Спасителя о благодатныхъ послѣд-

ствіяхъ содержанія при себѣ записи о такомъ снѣ. Въ основу втораго сказанія положено небесное его происхожденіе и чудодѣйственная сила храненія христіаниномъ при себѣ списка этого сказанія. Дальнѣйшія христіанскія сентенціи и заключеніе, съ проклятіемъ не почитающихъ сказанія и широкими обѣщаніями для хранящихъ и распространяющихъ оное, составляютъ по всей вѣроятности позднѣйшую приставку и амплификацію на готовую тему. Отсюда повторенія въ сказаніи, отсутствіе единства мысли и нѣкоторая абсурдность, которой не могло не примѣчать только суевѣріе стараго, невѣжественнаго времени.

Какъ рано проникли къ намъ эти апокрифы, рѣшить трудно. Въ Лѣтописцѣ Ерлича подъ 1660 г., послѣ приведенія двухъ списковъ названнаго апокрифа замѣчено, что листъ этотъ писанъ 1546 года. Сличая нашъ списокъ съ спискомъ Ерлича, усматриваемъ между ними буквальное сходство. Не можетъ быть однако сомнѣнія, что здѣсь не польскій текстъ переложенъ съ южно-русскаго, а наоборотъ южно-русскій представляетъ переводъ съ польскаго. Одинъ изъ списковъ этого перевода попалъ и къ войсковому генеральному судьѣ Савѣ, сохранившему его для своего рода и нашего времени. Вотъ этотъ списокъ, воспроизведенный съ точностію съ оригинала.

Сонъ пресвятой Богородицы, спящей на горѣ Оливной.

Гди единого часу заснула пресвятая Богородица на горѣ Оливной, и пришолъ до ней Іисусъ Христосъ Сынъ Божій и рекъ до ней: «наймилшая матко моя! Спишъ или чуешъ»? Очнулася пресвятая Богородица и рекла до Него: «Сыну мой наймилшій! алемъ ся очнула и снился мнѣ сонъ дивній о Тебѣ: видѣлемъ Тебѣ пойманого и звязанного предъ Яниша и Каіафу приведенного и у столпа бичованнаго, и съ Твоей святой головы кровь струменми плинула, и Твое пребожественное тѣло, якъ кора отъ древа отпала». Іисусъ Христосъ рекъ до ней: «матко моя милая! правдивый сей сонъ снился о мнѣ, такъ маетъ быти; гди кто колвекъ будетъ тотъ листъ при собѣ мѣти, то будетъ ласку мою мѣти, и при смерти его я самъ буду и пресвятая Богородица, матка моя будетъ, и аггели озмутъ душу его до царства небесного на вѣчнія вѣки. Аминь».

Сей листъ былъ у гроба Божого, и писанъ сей листъ у Іерусалимѣ.

Листъ Іисуса назарейскаго, царя іудейскаго.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Тие слова святие на сей свѣтъ зосланніе отъ самаго Господа нашего Іисуса Христа Львовѣ папѣжевѣ; а Левъ тежъ, освятивши его, послалъ брату своему королю противъ непріятеля. А тотъ листъ такую моцъ маетъ, же хто его хотѣлъ бы читати, албо съ пилностю слухати, то таковий чловѣкъ на сорокъ дний отпущенія грѣховъ своихъ маетъ и жадная речъ злая шкодити не можетъ; а въ которому дому тотъ листъ будетъ, тому дому ни огнь, ни громъ, ни чари, ни иншая речъ злая шкодити можетъ; а которая жена бѣлоглова, бременна будучи, и тотъ листъ при собѣ мѣти будетъ въ тотъ часъ, легко отроча породитъ, мовячи тие слова: «Іисусъ надо мною и со мною обронцемъ моимъ есть, Іисусъ мене стережетъ отъ усякаго зла во дни и въ нощи и на каждую годину отъ діявола шкаредного. Прошу Тебе Господа Бога моего презъ муку Твою святую, которую еси терпѣлъ за насъ грѣшнихъ и кровъ Твою святую виляти рачилъ. Святий великий Іоанне, пророче, предотече и крестителю Христовъ, которого еси Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа во Іорданьстѣй рѣцѣ крестилъ, стережи и насъ грѣшнихъ отъ огня, и меча, и стрелби, и отъ всякаго зла, аби мнѣ нѣчого злого шкодити не могло. А сей листъ знайденъ въ землѣ британской, на горѣ Оливной, предъ образомъ архистратига Христова Михаила», и хто его хотѣлъ читати, албо переписати, то самъ ся ему отворувалъ. А тотъ листъ написанъ билъ златими лѣтерами, ижъ мовитъ: «Я Іисусъ Христосъ, Сынъ Бога живаго, приказую вамъ и объявляю моцъ Божества Своего, абисте день неделний чтили и жаднихъ роботъ не робили, и корѣня въ городахъ не копали, и на пожитокъ душамъ своимъ не оборочали, и жеби вѣрили и молилися, ижъ правдивий Сынъ Божий моцю Божества Своего тотъ листъ написалъ и училъ, абисте добре ся справовали на семъ подолѣ земномъ, бо Я вамъ далъ шесть днiй роботы, а семiй день, неделю, святити его, на добрая дѣла и учинки, ку помноженю хвали Своея; а если не будете добре чинити, то буду васъ карати голодомъ нестерпимимъ, повѣтрямъ злимъ, войною сродою, побужу царя на царя, короля на короля, пана на пана, мѣсто на мѣсто (и востанетъ) отецъ на сына, сынъ на отца, сестра на сестру, братъ на брата, сусѣдъ на сусѣда, и будетъ между вами великое кровопролитіе,

всѣхъ васъ ускромлю и пиху у васъ отиму. И еще васъ буду карати громомъ и блистаніемъ, абисте познали гнѣвъ Божій и справедливость Мою; а то для грѣховъ вашихъ. Еще васъ упоминаю, которій естъ день неделя, абисте до церкви ходили, а злихъ учинковъ не чинили, и если не будете приказаня Моего слухати, то перепущу на васъ птахи чорние, которіе, лѣтаючи, на васъ будутъ кричати и нещадно кусати, отъ которихъ злое повѣтрие походити будетъ. И еще вамъ приказую, абисте въ суботу по вечерни не робили, для пречистой Матки Моей, бо gди-би Матка Моя за васъ не молилася, давно бисте погинули и горкою смертію померли. А въ неделю повиненъ кождій человѣкъ старий и молодий зъ женами своими и зъ дѣтками до церкви Божой ходити и розмишляти о грѣсехъ своихъ, что есте согрѣшили. Еще вамъ упоминаю презъ муку Мою святую, абисте криво не присягали, свѣдоцтва фалшивого вистерѣгалися, и ни небомъ, ни землею, ни инною коею клятвою не клялися, буди-же вамъ ей-ей, ни-ни: бо Я васъ сотворилъ по образу Своему, а ви, людие, гнѣву Моего не пожадайте, отца и матку шануйте, старихъ поважайте, нищими убогими не гордѣте. Если будете ведлугъ словесъ Моихъ справовати, то дамъ вамъ царство небесное и отпущеніе грѣховъ вашихъ. А въ востатку приказую вамъ, абисте вѣрили тому листу; а который человѣкъ не вѣритъ, проклятъ будетъ и наглою смертію помретъ; а которій человѣкъ тому листъ вѣрити будетъ и тотъ листъ у себе мѣти будетъ, аби его роздзвалъ отъ дому до дому читати и переписовати: то если-би мѣлъ человѣкъ грѣховъ якъ пѣску въ морѣ, якъ листу на древѣ, якъ звѣздъ на небѣ, то всѣ ему отпущенн будутъ и царства небесного доступитъ. Ему-же честь и слава нынѣ и присно и вовѣки вѣковъ. Аминь.

Библіографія.

Гр. Алексѣевичъ Бобринскій. Курганы и случайныя археологическія находки близъ мѣстечка Смѣлы. Дневники пятилѣтнихъ раскопокъ. Спб. 1887 г.

Въ свое время, давая отзывъ о первомъ томѣ «Трудовъ» одесскаго археологическаго съѣзда, мы говорили и о помѣщенномъ тамъ солидномъ трудѣ названнаго выше ученаго, представлявшемъ плодъ раскопки 16 кургановъ въ окрестностяхъ мѣстечка Смѣлы, произведенныхъ имъ въ 1881—1884 г. Тогда мы высказывали сожалѣніе, что рефератъ гр. Бобринскаго не былъ иллюстрированъ ни однимъ рисункомъ. Лежащій нынѣ передъ нами новый его трудъ, снабженный множествомъ великолѣпно выполненныхъ рисунковъ, способенъ удовлетворить самымъ строгимъ требованіямъ со стороны полноты, точности и изящества изданія. Графъ Бобринскій ученый въ высшей степени добросовѣстный, аккуратный и осторожный; онъ не гонится за окончательными выводами тамъ, гдѣ они могутъ быть преждевременными: у него всегда впереди фактъ, точнѣйшимъ образомъ записанный, потомъ слѣдуетъ объективное и разностороннее изслѣдованіе его, на основаніи аналогій съ опубликованными ранѣе данными по археологіи Россіи, Азіи и западной Европы, и наконецъ антропологическія измѣренія. Строго соблюдая такую объективность въ своемъ трудѣ, гр. Бобринскій по этому самому избѣгаетъ искуственности въ изложеніи и печатаетъ нынѣ «дневники» своихъ пятилѣтнихъ раскопокъ, удѣляя особо мѣсто своимъ «соображеніямъ».

Вновь изданный теперь трудъ гр. Бобринскаго даетъ вчетверо больше археологическаго матеріала, чѣмъ рефератъ его на одесскомъ съѣздѣ, заключая дневники раскопокъ свыше пятидесяти кургановъ и кромѣ того описаніе случайныхъ находокъ близъ мѣстечка Смѣлы, которыя случилось ему пріобрѣсти у крестьянъ, или только видѣть у другихъ

владѣльцевъ. Но самъ онъ отнюдь не принадлежитъ къ типу антикваровъ коллекціонистовъ, напротивъ наука у него всегда на первомъ мѣстѣ, строгое изслѣдованіе выше золота и серебра; онъ говоритъ: «... послѣдователь, желающій принести свою долю пользы....., долженъ заранѣе отрѣшиться отъ погони за цѣнными предметами, даже вообще отъ исключительнаго розыска предметовъ древняго быта. Изслѣдованіе кургана, въ которомъ не найдено никакихъ вещей, можетъ, при тщательномъ описаніи встрѣтившихся въ немъ костей животныхъ и подробностей положенія человѣческаго остова, принести наукѣ несомнѣнно большую пользу, нежели находка золотыхъ или серебряныхъ предметовъ».

Полученный раскопками матеріалъ гр. Бобринскій дѣлитъ на нѣсколько культурно-историческихъ группъ.

Къ первой хронологической группѣ относится стоянка и мастерская каменнаго вѣка у подножья Юрьевой горы, къ сѣверу отъ мѣстечка Смѣлы. Здѣсь найдено много кремневыхъ ножей, скребковъ, стрѣлъ, ядрищъ, глиняныхъ черепковъ отъ посуды первобытнаго производства, пряслицъ, а въ верхнемъ слоѣ почвы—мѣдная проволока. Наиболѣе тщательной отдѣлкой отличались, по замѣчанію автора, скребки и ножи, напротивъ наконечники стрѣлъ отличались крайнею грубостью, какъ будто «болѣе изящныхъ стрѣлокъ не требовалось». Любопытно, что кремневыя орудія попадались изрѣдка и въ могилахъ, содержавшихъ металлы. Вмѣстѣ съ названными предметами найдены кости лошади, коровы, барана, свиньи, оленя, лисицы и дикой козы. Интересно было бы знать, всѣ ли найденныя кости принадлежали породамъ животныхъ дикихъ; но на это мы не нашли указаній въ трудѣ гр. Бобринскаго.

Раскопки могилъ неподалеку отъ указанной стоянки каменнаго вѣка, равно и въ нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ изслѣдованной мѣстности, открыли слѣды погребенія въ неглубокой грунтовой ямѣ, въ деревянномъ склепѣ; скелетъ находился всегда на боку, въ согнутомъ положеніи, часто скелетъ и кости извлекались покрытыми красной краской, и обыкновенно въ сильно разрушенномъ состояніи; чаще всего скелетъ лежалъ головою къ западу; вещей обыкновенно не находимо было никакихъ, изрѣдка только попадались куски краски, осколки кремня и черепки грубой выдѣлки посуды. Окраска череповъ и костей вызвала автора на соображенія, при чемъ, основательно затрудняясь высказать рѣшительное заключеніе по этому предмету, онъ съ большимъ довѣріемъ остановился на томъ, что окраска эта могла перейти на кости отъ обрушившейся кровли склепа, внутреннія части котораго могли быть выкрашены, хотя какъ самому автору, такъ и намъ вмѣстѣ съ нимъ, объясненіе это кажется не вполнѣ удовлетворительнымъ. Могилы описан-

наго типа находимы были раньше въ екатеринославской губерніи, а въ послѣднее время и въ херсонской. Изъ кургановъ этой категоріи замѣчателенъ майданъ на Юрьевой горѣ; собственно, это не курганъ въ обыкновенномъ смыслѣ слова, а круглый валъ, съ углубленіемъ по серединѣ; тѣмъ не менѣе раскопка его дала доказательства, что часть его служила для цѣлей погребенія и при томъ очень своеобразнаго: покойники были положены въ толстые выдолбленные стволы и прикрыты сверху деревьями; вещественныхъ находокъ сдѣлано мало, но найденное указываетъ на чрезвычайную древность могилы. Однако вопросъ о томъ, дана ли кургану настоящая его форма при первоначальной насыпкѣ, или же погребальный курганъ иного вида былъ утилизированъ послѣ для другихъ цѣлей, остается открытымъ.

Въ особую группу выдѣляются авторомъ два кургана на берегу р. Серебрянки, содержавшіе мелкія кремневыя орудія, глиняные черепки и такіе-же цѣлые горшки, мѣдную урну и удила. Одинъ изъ этихъ кургановъ отличался своеобразною особенностью, а именно въ насыпи открыты двѣ большія деревянныя крыши загадочнаго назначенія, покрывавшія ее и построенныя одна сверху другой. Второй экземпляръ такой же могилы съ крышами констатированъ въ другомъ пунктѣ побережья р. Серебрянки, но эта могила заключала желѣзныя вещи (принадлежности удилъ и ножи).

Рѣзко характерными чертами отличаются одинадцать кургановъ въ группѣ надъ Холоднымъ Яромъ. Достойно вниманія, что группа эта состоитъ изъ небольшихъ могилъ, совершенно одинаковыхъ по наружному виду, но по условіямъ погребенія и по своему содержимому распадающихся на два различныхъ типа: одинъ, древнѣйшій, примыкаетъ къ первому изъ указанныхъ выше типовъ (согнутое положеніе остова, крашеные черепа, отсутствіе предметовъ быта), другой напротивъ того принадлежитъ народности высоко-культурной и богатъ предметами ремесла и искусства. Могильныя ямы этого типа могилъ, вырытыя въ грунтѣ, отличаются большими размѣрами и расширяются внизу; иногда онѣ обстраиваются деревянными склепами, подобно могиламъ древнѣйшаго типа; человѣческіе остовы находятся въ лучшей сохранности; объ окраскѣ костей нѣтъ и помину; покойники обыкновенно положены на спинѣ, большею частію головами на западъ; въ головахъ ихъ постоянно встрѣчаются кости животныхъ, а именно лошади, коровы и барана и при нихъ желѣзные ножи; находимы были также: глиняная посуда, остатки деревянныхъ вещей, слѣды тканей и одѣяній, предметы изъ камня, кости, стекла, желѣза, бронзы, серебра, золота, янтаря и халцедона, относящіяся къ оружію и къ предметамъ украшенія. Посуда—болѣе совер-

шенной отдѣлки; въ нѣкоторыхъ экземплярахъ замѣтно подражаніе греческимъ образцамъ, а одна небольшая изящная вазочка несомнѣнно греческой работы. Одѣяніе было цвѣтное и украшалось изящнымъ, разноцвѣтнымъ галуномъ. Любопытно, что изрѣдка и въ этихъ могилахъ попадались отдѣльными экземплярами кремневыя орудія. Часто попадались игральныя кости (астрагалы козъ). Замѣчателемъ костяной набалдашникъ палки или орудія, искуссно выдѣланный въ видѣ львиной головки. По замѣчанію гр. Бобринскаго, «набалдашникъ этотъ носитъ отпечатокъ древняго востока: такія львиныя головки встрѣчаются на ассирійскихъ предметахъ разнаго рода". Находимы были бусы—стеклянныя, костяныя и янтарныя. При одномъ женскомъ остовѣ найдены были двѣ стеклянныя круглыя пластинки, и на одной изъ нихъ видѣнъ былъ изящный рисунокъ, изображавшій женщину птицу, быть можетъ, Леду и лебедя. Изъ желѣзныхъ вещей найдены копья, ножи, браслеты, кольца, иглы, изъ бронзовыхъ и мѣдныхъ стрѣлы, зеркала, браслеты и кольца, изъ серебряныхъ серьги и другія украшенія, изъ золотыхъ нѣсколько маленькихъ четыреугольныхъ пластинокъ съ изображеніемъ грифоновъ. Но особенно важною находкою былъ цилиндръ изъ халцедона, на которомъ выгравированъ конь, съ крылатымъ шаромъ—ассирійской эмблеммой верховнаго существа. Ассирійскіе цилиндры, служившіе печатями, ранѣе не были находимы въ мѣстности столь сѣверной. Предметъ этотъ свидѣтельствуетъ о большой роскоши древнихъ обитателей изслѣдованной мѣстности и объ ихъ отдаленныхъ торговыхъ сношеніяхъ. «На обширныя торговыя сношенія указаваютъ: янтарь (съ сѣверомъ), греческіе предметы (съ югомъ) и ассирійскія украшенія (съ востокомъ)". Но при этомъ бытъ этихъ давнихъ обитателей Смѣлы отличался и воинственностью: въ могилахъ ихъ постоянно встрѣчается оружіе, даже при женскихъ остовахъ; на костяхъ замѣчаются иногда слѣды ранъ, зажившихъ еще при жизни, а въ черепѣ одного покойника сохранилась вонзившаяся въ него бронзовая стрѣла, бывшая вѣроятно причиною его смерти. На основаніи разнообразныхъ указаній, почерпнутыхъ изъ изслѣдованія могилъ этой категоріи, авторъ останавливается на предположеніи, что могилы эти могутъ принадлежать эллинамъ, покинувшимъ побережья Чернаго моря, поселившимся среди варваровъ и отчасти смѣшавшимся съ ними.

Два особыхъ типа погребенія представляютъ курганы обширнаго могильника близъ Гуляй-города, состоящаго болѣе чѣмъ изъ 400 могилъ. Одинъ типъ, обнаруженный въ одномъ только курганѣ, отличается слѣдующими чертами: въ грунтѣ выкопана была очень большая яма, на днѣ ея положено четыре покойника головами къ западу, въ особо вырытыхъ канавкахъ, въ головахъ ихъ, въ особыхъ нишахъ, поставлены

глиняные сосуды; по бокамъ ямы возведены деревянныя стѣны, надъ которыми устлана толстая деревянная же крыша и на ней положены еще покойники головами къ сѣверу, также съ горшками у изголовьевъ; наконецъ и надъ этимъ вторымъ этажемъ воздвигнута деревянная крыша. Изъ вѣщей, кромѣ довольно грубой посуды, найдена въ этой могилѣ бронзовая, спиралевидная бляшка. Второй типъ могилъ у Гуляй-города имѣетъ слѣдующія особенности: квадратная большая грунтовая яма обдѣлана склепомъ; скелеты лежатъ вдоль стѣнокъ ямы, въ разныхъ направленіяхъ, на спинѣ, съ вытянутыми конечностями; изъ предметовъ быта золотыхъ и серебряныхъ вещей не оказалось, но въ изобиліи попадались бронза, желѣзо, предметы изъ кости, стекла, дерева, кожи и глины. Изъ бронзовыхъ предметовъ замѣчательно одно зеркало, ручка котораго украшена бараньей головкой. Бронзовыя иглы для прикрѣпленія одежды похожи на гвозди и свидѣтельствуютъ о грубости тканей. Наконечники стрѣлъ—особаго типа и довольно большіе. Встрѣчались бронзовыя украшенія въ видѣ головы барана, волка, лошади; желѣзный панцырь изъ пластинокъ, нашивавшихся на одежду въ видѣ чешуи; куски красокъ красной, желтой и бѣлой. По замѣчанію гр. Бобринскаго, бронзовые предметы этаго могильника напоминаютъ кавказскія бронзы. Здѣсь мы не находимъ слѣдовъ греческаго вліянія, столь явственныхъ въ могилахъ надъ Холоднымъ Яромъ. Но съ другой стороны есть нѣкоторые факты, служащіе соединительнымъ звеномъ между этими двумя группами могилъ. Такимъ образомъ, хотя осторожный авторъ самъ и уклоняется отъ положительнаго отвѣта на вопросъ о народности покойниковъ послѣдняго могильника, но по всѣмъ полученнымъ имъ даннымъ самъ собою напрашивается отвѣтъ, что это были скиѳы.

Случайныя находки близъ м. Смѣлы состояли изъ каменныхъ и бронзовыхъ орудій, изъ желѣзныхъ мечей, изъ издѣлій костяныхъ и глиняныхъ предметовъ и т. п.; кромѣ того, найдено было два древнихъ клада, состоявшихъ изъ золотыхъ и серебряныхъ украшеній. На всемъ этомъ останавливаться мы не будемъ, потому что случайныя находки всегда имѣютъ интересъ больше для любителей, чѣмъ для науки.

Въ приложеніи помѣщена записка безъ подписи, на французскомъ языкѣ, прошлаго вѣка, о древностяхъ окрестностей Смѣлы.

Трудъ снабженъ двумя картами, украшенъ многими рисунками въ текстѣ и 24 особыми таблицами роскошныхъ рисунковъ, изображающими какъ предметы, найденные авторомъ, такъ и положеніе скелетовъ и вещей въ могилахъ и планы послѣднихъ.

Пожелаемъ почтенному труду гр. Бобринскаго вполнѣ заслуженнаго имъ успѣха.

В. Ястребовъ.

Квитка (Основьяненко), Малороссійскія повѣсти. Харьковъ. 1887 г.

На дняхъ вышла въ Харьковѣ новая книга „Малороссійскія повѣсти, разсказанныя Грыцькомъ Основьяненкомъ". Изданіе харьковскаго уѣзднаго земства въ пользу народнаго училища, учрежденнаго на Основѣ въ память Григорія Ѳедоровича Квитки (Основьяненка), подъ редакціей профессора А. А. Потебни. Цѣна за 2 тома 2 рубля.

Мысль объ изданіи сочиненій Григорія Ѳедоровича Квитки (Грыцька Основьяненка), читаемъ въ предисловіи, возникла еще въ то время, когда харьковское общество готовилось праздновать столѣтіе (исполнившееся 18 ноября 1878 г.) со дня рожденія этого замѣчательнаго украинскаго писателя и выдающагося общественнаго дѣятеля своего времени. Починъ принадлежалъ земскому собранію харьковскаго уѣзда. Прочитанная въ его засѣданіи записка Ф. А. Павловскаго (бывшаго члена управы и училищнаго совѣта) и словесное заявленіе покойнаго гласнаго о. Александра Подольскаго (настоятеля церкви въ селѣ Основѣ) вызвали общее сочувствіе, сказавшееся въ слѣдующемъ постановленіи 16-го іюня 1878 г.: учредить въ с. Основѣ, на родинѣ писателя, школу съ преподаваніемъ садоводства и огородничества, и ходатайствовать о присвоеніи этой школѣ имени Г. Ѳ. Квитки. Содержаніе школы принято на средства земства съ небольшимъ пособіемъ, какое по приговору обязалось ежегодно вносить мѣстное сельское общество. Четыре десятины земли подъ школу подарены земству Андреемъ и Валеріаномъ Валеріановичами и Елисаветою Карловною Квитками. На постройку употребленъ матеріалъ отъ большаго амбара, пожертвованнаго крестьянскимъ обществомъ, и отъ старой церкви (по предложенію протоіерея Подольскаго и съ разрѣшенія епархіальнаго начальства), а также особый капиталъ (около 2,000 р.), составившійся въ управѣ ранѣе изъ пожертвованій, и всѣ остатки отъ земскихъ ассигновокъ по школѣ въ Основѣ. Заботы по учрежденію школы, выработкѣ программы и проч., а также по устройству юбилейнаго торжества возложены были земствомъ на особый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства, какъ преемника той обязанности, которую много лѣтъ несъ покойный писатель. Въ составъ комитета первоначально вошли: Ф. А. Павловскій (секретарь комитета), о. Александръ Подольскій и А. Е. Зайкевичъ (профессоръ агрономіи въ харьковскомъ университетѣ).

Утвержденная г. министромъ внутреннихъ дѣлъ программа празднованія юбилея включила въ обязанность комитета заботы объ изданіи сочиненій Г. Ѳ. Квитки. Право изданія уступлено внуками писателя А. В. и В. В. Квитками въ собственность земства харьковскаго уѣзда,

подъ условіемъ, чтобы чистый доходъ поступалъ въ пользу школы, построенной въ Основѣ въ память Г. Ѳ. Квитки. Фондомъ изданія послужили спеціальныя пожертвованія отъ многихъ лицъ, поступившія въ комитетъ, начавшій дѣло изданія, продолженіе котораго, по постановленію земскаго собранія, поручено уѣздной управѣ.

Комитетъ, начавшій дѣло изданія сочиненій Квитки, вскорѣ распался, и самое дѣло остановилось на долгое время. Предсѣдатель харьковской уѣздной земской управы П. П. Флота въ прошломъ году взялся привести въ исполненіе давно задуманное намѣреніе объ изданіи сочиненій Г. Ѳ. Квитки и настойчиво довелъ это дѣло до вполнѣ благополучнаго исхода. Въ выборѣ и редактированіи сочиненій Квитки П. П. Флотѣ оказалъ содѣйствіе профессоръ А. А. Потебня. Малорусскія повѣсти Квитки изданы въ видѣ сборника въ 2 томахъ и въ видѣ отдѣльныхъ оттисковъ, причемъ сборникъ стоитъ 2 руб. съ пересылкою, а отдѣльныя брошюры тѣхъ повѣстей по цѣнамъ безъ пересылки: Маруся 20 коп., Мертвецькый велыкъ день 6 к., Добре робы, добре буде—10 к., Конотопьска видьма 20 к., Отъ тоби и скарбъ 6 к., Козырь дивка 12 к., Сердешна Оксана 12 коп., Пархимово сниданьня 5 к., Перекоты поле 10 к., Божи диты 10 к., Щира любовь 15 к. и Лысты до любезныхъ земляковъ 6 к. За пересылку этихъ брошюръ прилагаются почтовыя марки въ 2 к. за 4 лота, или по расчету марокъ въ 2 коп. за брошюры цѣною въ 5, 6 и 10 к. и по 2 к. за брошюры цѣною 12 и 20 к.

Пріобрѣсти книги эти можно въ помѣщеніи харьковской уѣздной земской управы на Клочковской улицѣ въ домѣ Пащенкова Тряпкина.

Книгопродавцамъ при требованіи не менѣе 25 экземпляровъ малороссійскихъ повѣстей въ двухъ томахъ и полнаго комплекта брошюръ дѣлается уступка въ 10% съ пересылкою за счетъ управы.

Г. Флота имѣетъ въ виду въ непродолжительномъ времени издать всѣ сочиненія Квитки на русскомъ литературномъ языкѣ, также въ пользу основянской школы имени Квитки. Хотя русскія повѣсти Квитки и не могутъ сравниться съ его малорусскими повѣстями по художественности, но и въ нихъ разбросано много цѣнныхъ историко-бытовыхъ подробностей и чертъ, ярко обрисовывающихъ житье-бытье слободско-украинскаго дворянства въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Изданіе русскихъ повѣстей Квитки тѣмъ болѣе желательно, что онѣ давно уже стали библіографическою рѣдкостью. **С.**

Историческіе очерки селъ конотопскаго уѣзда, А. Лазаревскаго. Юго-восточная часть уѣзда. Черниговъ. 1886 г.

Это небольшая брошюра, заключающая всего 33 страницы убористаго шрифта и тѣмъ не менѣе имѣющая неоспоримое право на примѣненіе къ ней пословицы: «малъ золотникъ, да дорогъ». Если не ошибаемся, она представляетъ оттиски изъ „Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ 1886 г., издана, очевидно, въ небольшомъ количествѣ и потому весьма легко можетъ остаться не замѣченною для тѣхъ, кто не слѣдитъ за провинціальными листками. Цѣль настоящей замѣтки обратить вниманіе любителей мѣстной старины на этотъ новый цѣнный трудъ неутомимаго ученаго, имя котораго издавна и совершенно заслуженно пользуется почетною извѣстностью въ нашей исторической литературѣ.

Настоящій выпускъ обнимаетъ историческіе очерки слѣдующихъ 11-ти поселеній юго-восточной части конотопскаго уѣзда: с.с. Великаго и Малаго Самборовъ, Дептовки, Кошаръ, Поноръ и Коренецкой, дер. Фесевки, Юровки, Савинецъ и Базиловки и мѣст. Краснаго Колядина, и—какъ объясняетъ почтенный авторъ—служитъ продолженіемъ такихъ же очерковъ, напечатанныхъ во II т. Записокъ черн. губ. статистическаго комитета 1868 г. и посвященныхъ описанію другихъ селъ того же уѣзда. Главное достоинство настоящаго очерка, какъ и всѣхъ предыдущихъ ученыхъ трудовъ А. М. Лазаревскаго, составляютъ: а) обиліе новаго вторическаго матеріала и б) особое искусство или умѣнье автора пользоваться имъ. Подобно другимъ южнорусскимъ историкамъ (Максимовичу, Костомарову, В. Б. Антоновичу), г. Лазаревскому приходится одновременно быть и собирателемъ историческихъ матеріаловъ, и заниматься научною ихъ обработкою. Людямъ, имѣющимъ удовольствіе лично знать почтеннаго ученаго, хорошо извѣстно, какъ велики и драгоцѣнны имѣющіяся въ его библіотекѣ коллекціи историческихъ матеріаловъ, надъ собираніемъ которыхъ онъ трудился всю жизнь. Поэтому все, что ни выходитъ изъ-подъ его пера, независимо уже отъ общепризнанной эрудиціи автора, имѣетъ прежде всего высокую научную цѣнность со стороны новизны, свѣжести и богатства фактическаго содержанія. Такъ и въ настоящихъ „очеркахъ“ исторія каждаго поселенія, со времени его возникновенія и до нашихъ почти дней, передается преимущественно на основаніи неизданныхъ, новыхъ матеріаловъ и нерѣдко богата весьма интересными бытовыми и экономическими подробностями, очень цѣнными и для общей исторіи края. Другой, менѣе опытный изслѣдователь, располагая столь богатымъ и еще, такъ сказать,

нетронутымъ матеріаломъ, легко могъ бы загромоздить свой трудъ массою мелочныхъ подробностей и малозначительныхъ, хотя бы и новыхъ, фактовъ. Г. Лазаревскій всегда счастливо умѣетъ избѣжать подобной крайности, и это чувство мѣры придаетъ еще большую цѣну его ученымъ трудамъ.

Въ провинціи всегда найдется не мало образованныхъ людей, которые, руководясь чувствомъ естественной привязанности къ мѣсту ихъ родины или жительства, живо интересуются всѣмъ, что относится къ прошлому данной мѣстности, и нерѣдко озадачиваются составленіемъ исторіи роднаго села, города или даже цѣлаго уѣзда. Для такихъ лицъ нельзя указать въ нашей литературѣ лучшаго образца, какъ разбираемый нами трудъ почтеннаго историка. Историческіе очерки отдѣльныхъ мѣстностей крайне желательны: они вносили бы въ общую исторію страны все новые факты и успѣшно распространяли бы въ обществѣ результаты спеціальныхъ научныхъ изысканій и тѣмъ способствовали бы развитію и укрѣпленію въ немъ историческаго знанія и самосознанія. Пожелаемъ, чтобы ученая дѣятельность А. М. Лазаревскаго, съ такою любовью посвящающаго свои труды, между прочимъ, и изученію исторіи своей ближайшей родины, нашла какъ можно болѣе подражателей не только въ средѣ присяжныхъ ученыхъ, но и среди обыкновенныхъ образованныхъ людей. **Э—ь.**

О скальныхъ пещерахъ на берегу Днѣстра въ подольской губерніи. Вл. Б. Антоновича. Одесса. 1886 г.

Слѣды мегалитическихъ построекъ въ Украйнѣ. Львовъ. 1886 г.

Брошюры, заглавіе которыхъ мы выписали, представляютъ оттиски знакомыхъ уже постояннымъ читателямъ «Кіев. Старины» двухъ рефератовъ, читанныхъ въ свое время на VI археологическомъ съѣздѣ, бывшемъ въ Одессѣ. Первый изъ нихъ принадлежитъ профессору Вл. Б. Антоновичу и напечатанъ въ «Трудахъ» названнаго съѣзда, второй составленъ г. К. Мельникъ и помѣщенъ въ «Литературномъ Сборникѣ», издаваемомъ галицко-русскою матицею во Львовѣ. Настоящею замѣткою мы только хотимъ поставить въ извѣстность читателей, не располагающихъ названными изданіями, о выпускѣ этихъ рефератовъ отдѣльными брошюрами, слегка приведя на память ихъ содержаніе.

Брошюра Вл. Б. Антоновича трактуетъ объ изслѣдованныхъ имъ пещерахъ, находящихся въ скалахъ на берегу Днѣстра въ подольской губерніи. Пещеры эти, какъ говоритъ онъ, обратили, еще раньше на

себя вниманіе писателей и ученыхъ, а въ 1883 г. были изслѣдованы имъ, по порученію распорядительнаго комитета VI археологическаго съѣзда. Всѣ онѣ расположены въ скалистыхъ берегахъ р. Днѣстра и его притоковъ: Збруча, Жванчика, Смотрича, Студеницы, Теремка, Ушицы, Лядавы и др. и служили жилищемъ первобытнаго человѣка въ неолитическій періодъ, что доказывается обиліемъ въ нихъ и близъ нихъ каменныхъ орудій различныхъ видовъ: самой грубой первобытной выдѣлки посредствомъ одного удара, болѣе совершенной выдѣлки посредствомъ мелкихъ ударовъ и орудій шлифованныхъ. Въ иныхъ пещерахъ попадаются предметы и болѣе высокой культуры. Такова особенно пещера, лежащая въ селѣ Бушѣ ямпольскаго уѣзда, гдѣ на площадкѣ, окруженной съ трехъ сторонъ скалами, на одной изъ скальныхъ стѣнъ найденъ слѣдующій горельефъ. На камнѣ высѣчено дерево безъ листьевъ, раздѣляющееся на 4 вѣтви; на одной изъ вѣтвей этого дерева сидитъ пѣтухъ; подъ деревомъ въ профилѣ изображеніе человѣческой фигуры на колѣняхъ съ чашей въ рукахъ, напоминающей каменныя бабы; передъ этой фигурой изображеніе оленя съ вѣтвистыми рогами. Всѣ признаки указываютъ на древность этого изображенія. По справедливому предположенію Вл. Б. Антоновича группа эта представляетъ сцену изъ славянскаго религіознаго культа, предшествовавшаго христіанству. Важно было бы потвердить эту догадку краніологическими данными; но въ массѣ найденныхъ въ пещерахъ костей человѣческихъ скелетовъ не оказалось вовсе череповъ, что объясняется благочестивымъ обычаемъ жителей погребать черепа.

Таково главное содержаніе брошюры проф. Антоновича. Издана она очень изящно и сопровождается прекрасно исполненными рисунками вида пещеры у с. Нагорянъ, пещерной церкви у с. Лядавы и горельефа на скалѣ у с. Буши.

Брошюра г-жи Мельникъ передаетъ содержаніе реферата о мегалитическихъ постройкахъ въ Украйнѣ лишь съ незначительными измѣненіями противъ того, какъ этотъ рефератъ былъ напечатанъ въ „Трудахъ“ съѣзда. Доселѣ признано было, что длинный путь мегалитическихъ сооруженій, идущихъ отъ Индіи и сѣверной Африки чрезъ всю почти Европу, прерывается въ Россіи. Заслуга открытія такихъ сооруженій въ южной Россіи принадлежитъ Е. Н. Мельникъ. Они найдены ею въ александрійскомъ уѣздѣ херсонской губерніи, въ системѣ р. Ингульца и частію на побережьи р. Днѣстра.

Брошюра даетъ подробное описаніе этихъ интереснѣхъ памятниковъ, а въ концѣ оной приложены и чертежи мѣстностей, гдѣ они находятся, съ рисунками самыхъ сооруженій.

П. Голубовскій.

Извѣстія и замѣтки

(ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ, ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ И ИСТОРИЧЕСКІЯ).

Памятники древностей въ окрестности Корсуня.

Въ приложеніяхъ къ прекрасному труду графа А. А. Бобринскаго «Курганы и случайныя археологическія находки близъ мѣстечка Смѣлы» помѣщена записка о памятникахъ древности, находящихся въ окрестности Корсуня. Записка эта составлена на французскомъ языкѣ лицемъ не подписавшимъ на ней своего имени. Неизвѣстный авторъ ея, одинъ изъ землевладѣльцевъ юго-западнаго края, прибылъ въ южную Украйну въ началѣ 1787 года и повидимому поселился въ ней, пріобрѣвъ поземельную собственность. Его записка, хранившаяся въ корсунскомъ архивѣ кн. Лопухина, была написана очевидно въ качествѣ отвѣта на предложенные вопросы, касавшіеся мѣстныхъ древностей; авторъ отвѣчаетъ по пунктамъ на предложенные вопросы и потому сообщаемыя имъ свѣдѣнія слѣдуютъ другъ за другомъ какъ-бы безъ связи, представляя рядъ отдѣльныхъ данныхъ, не соединенныхъ между собою систематически. Не смотря на этотъ недостатокъ, записка сообщаетъ очень много интересныхъ данныхъ о древнихъ памятникахъ въ окрестности Корсуня и о мнѣніяхъ, высказанныхъ о нихъ учеными конца прошлаго и начала текущаго столѣтій, а потому полагаемъ, что содержаніе ея будетъ не безъинтересно для читателей «Кіевской Старины». Вотъ точный переводъ этой записки.

Я прибылъ въ этотъ край первый разъ за нѣсколько недѣль до пріѣзда покойнаго польскаго короля Станислава-Августа, явившагося въ Каневъ для свиданія съ ея величествомъ, императрицею Екатериною II и въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ ожидавшаго въ Каневѣ ея пріѣзда [1]). Такъ какъ свита, сопровождавшая короля, состояла исключительно изъ сановниковъ, никогда не бывавшихъ въ этомъ краѣ, то свѣдѣнія о немъ передавали королю дворяне, съѣхавшіеся для встрѣчи короля изъ воеводствъ: кіевскаго, подольскаго и волынскаго. Они разсказывали подробно событія, случившіяся при взятіи Умани запорожцами, или такъ называемыми гайдамаками, а также передавали много народныхъ преданій.

О Корсунѣ разсказывали королю, что нѣкогда это былъ большой городъ, что въ немъ прежде существовала крѣпостца, защищенная рвомъ и дубовымъ палисадомъ; внутри укрѣпленія находилась небольшая православная церковь, которую считали самою древнею во всей странѣ. Утверждали притомъ, что имена Корсунь и Херсонъ тождественны. Управляющій князя Станислава Понятовскаго [2]) сталъ было раскапывать эту крѣпость, и изъ земли, добытой въ ней, пытался извлекать селитру; но послѣ того, какъ нѣкоторые депутаты на варшавскомъ сеймѣ стали упрекать старостъ въ томъ, что они разоряютъ крѣпости, устроенныя для защиты государства, князь Станиславъ Понятовскій приказалъ возстановить корсунскія укрѣпленія; онѣ существуютъ и понынѣ, только палисадъ не былъ на нихъ возобновленъ. Что-же касается подземныхъ выходовъ изъ крѣпости, то мнѣ о нихъ ничего не довелось слышать, и я полагаю, что за такіе выходы приняты были рытвины, вымытыя теченіемъ воды.

---

[1]) Изъ дневника королевскаго путешествія, составленнаго епископомъ Нарушевичемъ, извѣстно, что король пріѣхалъ въ Каневъ 24 марта 1787 г. Слѣдовательно авторъ записки прибылъ въ Украйну въ январѣ или февралѣ того-же года (Diariusz podróży Stanisława Augusta na Ukrainę w roku 1787, przez Adama Naruszewicza. Варшава. 1805 г., стр. 219).—*Ред.*

[2]) Корсунское староство было подарено сеймовымъ постановленіемъ королю Станиславу-Августу, который въ свою очередь подарилъ оное въ 1777 году своему племяннику, кн. Станиславу Понятовскому, бывшему, такимъ образомъ, владѣльцемъ Корсуня въ 1787 году.—*Ред.*

Въ странѣ есть много валовъ, изъ нихъ нѣкоторые тянутся на протяженіи нѣсколькихъ миль; ихъ называли *Трояновыми валами*, у народа-же они слывутъ подъ именемъ *Зміевыхъ валовъ*.

Не подлежитъ сомнѣнію, что Корсунь поселеніе весьма древнее; здѣсь часто находили древнія римскія монеты, я самъ собралъ ихъ болѣе 200 экземпляровъ; генералъ Фанъ-Сухтеленъ (Van Suchtelen), долго занимавшійся нумизматикою, нашелъ въ моей коллекціи весьма рѣдкіе экземпляры; особенно онъ дорожилъ одною монетою Юлія Цезаря, которую я ему и подарилъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими; остальныя я отдалъ покойному князю Лопухину, такъ какъ онѣ были найдены на принадлежащей ему землѣ.

При рытьи фундаментовъ для постройки ледника, противъ зданія суконной фабрики (въ Корсунѣ), нашли огромный человѣческій черепъ, вдвое больше обыкновенной человѣческой головы; около него находилось сабля, изогнутая такимъ образомъ, что она окружала черепъ, сабля эта была изъѣдена ржавчиною; случайно при раскопкѣ разбили сосудъ, бывшій у головы, самую-же голову, по суевѣрію, бросили обратно въ яму.

То мѣсто, на которомъ стоитъ нынѣшній дворецъ, долго оставалось не занятымъ. Мельники, селившіеся надъ рѣкою, выбирали для постройки мельницъ другія мѣста, гдѣ теченіе рѣки уже или гдѣ паденіе ея быстрѣе. Наконецъ одинъ изъ нихъ обратился около 1750 года къ корсунскому управляющему г. Суходольскому съ просьбою разрѣшить ему постройку мельницы на томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ нынѣшній дворецъ; но тогда извѣстный въ краѣ прорицатель Верни-гора сказалъ ему: «зачѣмъ хочешь ты строить мельницу на томъ мѣстѣ, гдѣ будутъ возвышаться чертоги, которые будутъ посѣщать цари и короли для того, чтобы любоваться нашею мѣстностью». Подробность эту разсказывалъ мнѣ самъ г. Суходольскій.

Самый большой курганъ на Украйнѣ находится у села Сахновки. Нѣкоторыя лица утверждали, будто это гробница Тамерлана; но епископъ Нарушевичъ, авторъ извѣстной исторіи Польши, отрицалъ это мнѣніе на томъ основаніи, что Тамерланъ умеръ не въ нашей странѣ; онъ осматривалъ вмѣстѣ съ королемъ этотъ курганъ и говорилъ мнѣ, что, по его мнѣнію, онъ гораздо древнѣе Тамерлана и правдоподобно былъ воздвигнутъ въ память какого либо ца-

ря или предводителя скиѳовъ. Въ народѣ разсказываютъ слѣдующее преданіе: Сахновка была нѣкогда большимъ городомъ; весь городской скотъ находился на попеченіи одного пастуха, который исполнялъ свою обязанность столь рачительно въ теченіи 150 или 200 лѣтъ, что ни разу ни одна скотина не была похищена волками. Въ награду за свою вѣрную службу онъ потребовалъ, чтобы всякая дѣвушка, приходившая за коровою, приносила-бы въ передникѣ землю и высыпала ее на могилѣ его единственной очень любимой дочери, которой онъ такимъ образомъ соорудилъ несокрушимый памятникъ [1]). Графъ Ѳаддей Чацкій полагалъ также, что курганъ этотъ насыпанъ на могилѣ какого-то скиѳскаго предводителя. Мы составили было компанію съ цѣлію произвести роскопку, но подрядчикъ, къ которому мы обратились, взялъ у него 4,000 злотыхъ для покупки тачекъ и другихъ инструментовъ и затѣмъ скрылся.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ р. Расава впадаетъ въ Рось, на самыхъ возвышенныхъ пунктахъ мѣстности расположено, въ разстояніи 3—5 верстъ другъ отъ друга, нѣсколько четыреугольныхъ укрѣпленій, окруженныхъ двойными рвами. Епископъ Нарушевичъ, осмотрѣвшій одинъ изъ этихъ четыреугольниковъ, высказалъ предположеніе, что жители, поселившіеся въ этой мѣстности, замѣтивъ, что Расава представляетъ весьма большія неудобства для переправы вслѣдствіе окружающихъ ее болотъ, насыпали эти небольшія укрѣпленія для того, чтобы защищать отъ варваровъ тѣ мѣста, въ которыхъ они могли-бы переправиться, и такимъ образомъ они обезопасили уголъ между Росью и Расавою. Эти четыреугольныя укрѣпленія заключаютъ не больше 200 квадратныхъ шаговъ.

Вообще весь край усѣянъ курганами. Епископъ Нарушевичъ утверждаетъ, что они возникли въ то время, когда страна была занята кочевниками; варвары эти останавливались кочевьями въ мѣстахъ удобныхъ, изобиловавшихъ хорошею водою и пребывали довольно долго въ такихъ мѣстахъ. Всѣхъ умершихъ они хоронили

---

[1]) Упомянутая могила существуетъ понынѣ у села Сахновки; она величиною въ гору и носитъ названіе „*Пастушки*“; рядомъ съ нею находится другой, такой-же почти величины, курганъ, называемый „Дѣвица“ (Похилевичъ, Сказанія о населенныхъ мѣстностяхъ кіевской губерніи, стр. 579).—*Ред.*

на мѣстѣ стоянки и на могилахъ ихъ насыпали высокіе курганы, какъ для того, чтобы почтить память покойниковъ, такъ и съ тою цѣлью, чтобы отмѣтить, на случай возврата на тоже кочевье, мѣста удобныя для стоянокъ, лежавшія по сосѣдству съ водою, а также тѣ части рѣкъ, которыя можно было переходить въ бродъ. Разсматривая многочисленные небольшіе курганы, разсѣянные по всей странѣ, можно убѣдиться въ томъ, что кочевыя орды обозначали этими насыпями направленіе путей, по которымъ проходили.

Г. Дюбуа былъ отправленъ берлинскимъ университетомъ съ порученіемъ составить историческое изслѣдованіе о курганахъ; онъ прожилъ болѣе года въ Таганчѣ и предпринималъ оттуда поѣздки на Волынь и въ Подолію; онъ составилъ весьма подробное изслѣдованіе о курганахъ и поднесъ оное его величеству императору Николаю I, который соблаговолилъ наградить его и поощрить къ продолженію его труда [1]).

Сверхъ сказаннаго, въ нашей мѣстности есть еще особый родъ насыпей, называемый «*Бурты*», которые, какъ полагаютъ, представляютъ остатки фабрикъ поташа или селитры. Г. Дюбуа, которому я ихъ показывалъ, утверждалъ, что насыпи эти остались какъ слѣды землянокъ, служившихъ жилищами для тѣхъ татарскихъ семействъ, которыя должны были отказаться отъ кочевой жизни по причинѣ болѣзни или по какому либо другому поводу. Землянки эти могли вмѣщать каждая по нѣсколько лицъ [2]). Впрочемъ я пола

---

[1]) Frédéric Dubois de Montpereux помѣстилъ свѣдѣнія о курганахъ въ двухъ сочиненіяхъ: „Voyage au Caucase“, Paris-Neuchâtel, 1840—1843 и въ статьѣ „Des tumulus, des ports et des remparts de la Russie Occidentale“ (О курганахъ, городищахъ и валахъ въ западной Россіи), помѣщенной въ изданіи „Annuaire des voyages et de geografie“ p. Lacroix-Paris, 1845—1847. Здѣсь между прочимъ говорится (1845 г., стр. 192): „Эти курганы-трофеи гораздо больше обыкновенныхъ кургановъ; громадная масса ихъ насыпи указываетъ важность событія, въ память котораго они насыпаны. Я укажу одинъ курганъ, который по объему не уступаетъ Перепету; онъ находится у села Сахновки, близъ устья Роси и извѣстенъ подъ именемъ *Пастушки;* высота его 150 футовъ, а длина діаметра у основанія въ 1000 футовъ—онъ представляетъ правильный конусъ“. Далѣе слѣдуетъ разсказъ о неудачной попыткѣ раскопать этотъ курганъ и приводится преданіе о пастухѣ, схожее съ вышеизложеннымъ. Говорится также о томъ, что нѣкоторые польскіе помѣщики называли этотъ курганъ могилою Тамерлана.—*Примѣч. графа А. А. Бобринскаго.*

[2]) Такъ называемые бурты—это дѣйствительно насыпи, оставшіяся отъ производства селитры. Изъ многочисленныхъ указаній документовъ XII и XIII

гаю, что татаре основали даже нѣсколько селъ на правомъ берегу Днѣпра, которыя существуютъ понынѣ и носятъ названія тюркскія; они насадили здѣсь виноградныя лозы, отъ которыхъ происходятъ виноградники, существующіе до настоящаго времени.

О городѣ Трахтемировѣ сохранилось народное преданіе, по словамъ котораго имя города произошло по слѣдующему поводу. Былъ нѣкогда (татарскій) эмиръ, состоявшій въ дружелюбныхъ сношеніяхъ съ жителями правой стороны Днѣпра и производившій съ ними торговлю; потому и селеніе, основанное на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ обыкновенно переправлялся черезъ Днѣпръ, было названо Трахтъ-эмировъ (т. е. путь эмира).

Архимандритъ (каневскаго базиліанскаго монастыря) Физикевичъ увѣрялъ меня, что онъ читалъ въ «Русскихъ Древностяхъ», будто каменьщики, приходившіе изъ Цареграда для постройки церкви св. Софіи въ Кіевѣ, оставили дневникъ своего путешествія, въ которомъ помѣстили извѣстіе, будто они видѣли въ Каневѣ церковь византійской архитектуры. Онъ даже читалъ мнѣ этотъ отрывокъ, но теперь я его точно не припомню.

Я вспомнилъ еще слѣдующее: въ одномъ изъ моихъ имѣній, которое называется Агендерувка [1]), въ лѣсу есть четыреугольное укрѣпленіе, въ которомъ образовалось нѣсколько проваловъ; въ нихъ можно замѣтить кирпичные фундаменты, хотя кирпичъ отъ времени превратился въ глину, но можно еще выбрать не вполнѣ разложившіеся куски. Одинъ изъ моихъ сосѣдей увѣрялъ меня, что въ его имѣніи с. Копыловѣ, лежащемъ въ кіевскомъ уѣздѣ, при раскопкѣ Троянова вала, въ основаніи его найденъ былъ также кирпичный фундаментъ.

столѣтія мы знаемъ, что этимъ именемъ обозначались селитряные заводы. Селитру производили такимъ образомъ, что собирали кучи навозу, смѣшивали ихъ съ золою и прикрывъ толстымъ слоемъ земли, оставляли бродить въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ; затѣмъ добывали содержимое насыпи и изъ него выщелачивали селитру; въ мѣстахъ, гдѣ происходило это производство, и остались насыпи, похожіе на раскопанные курганы или на обрушившіяся земляные, которыя и по нынѣ сохранили прежнее названіе „*Буты*“.—*Ред.*

[1]) „*Ahenderowka*“... Поселенія, носящаго такое названіе, нѣтъ вовсе въ кіевской губерніи. Здѣсь, очевидно, описка или ошибка въ чтеніи рукописи. Въ каневскомъ уѣздѣ, о которомъ говоритъ авторъ записки, есть село *Шендеровка* и по всей вѣроятности это названіе и было въ рукописи, но или переписчикъ написалъ, или читавшій прочелъ невѣрно первую букву, каковою должно быть *С*, а не А.—*Ред.*

Южно-русскій списокъ „Александріи“ конца XVIII ст.

Въ послѣднее время «Александрія», т. е. легендарное жизнеописаніе Александра Македонскаго, все болѣе и болѣе обращаетъ на себя вниманіе европейскихъ ученыхъ. Надъ выясненіемъ отдѣльныхъ сторонъ ея литературной исторіи трудились: Каннъ, Цингерле, Гастеръ, Поль Мейеръ, Кинцель, Ягичъ, Новаковичъ, Донатъ. Изъ русскихъ ученыхъ о ней писали: г. Пыпинъ («Очеркъ лит. ист. старин. скав. рус.»), А. Н. Веселовскій («Изъ исторіи романа и повѣсти», статьи въ Жур. М. Н. Пр.) и т. д. Обнародованы и болѣе или менѣе разработаны ея греческіе, нѣмецкіе, французскіе, румынскіе, сербскіе, русскіе списки; выяснено болѣе или менѣе ея вліяніе на искусственную и народную поэзію европейскихъ народовъ; приблизительно отмѣчены отличія въ различныхъ редакціяхъ ея и т. д.

Но, какъ почти во всѣхъ случаяхъ, эта разработка не коснулась южно-русскаго матеріала: южно-русскіе списки «Александріи» не только не изучены, но даже и не приведены въ извѣстность.

Кромѣ принадлежащаго намъ списка (XVIII в.) мы знаемъ о существованіи еще двухъ: на одинъ есть указаніе въ «Опис. рук. церк. арх. музея» г. Петрова (вып. I, стр. 106), а другой принадлежитъ, кажется, Румянцевскому музею (копію съ него мы видѣли у одного изъ кіевскихъ учителей): оба относятся къ XVI и XVII в. Насколько мы знаемъ, о другихъ спискахъ въ литературѣ не было указаній.

Наша «исторія великаго царя Александра Македонскаго» «списанна (вѣроятно, съ болѣе ранняго экземпляра) 1780 года мѣсяца генвара», какъ гласитъ приписка въ концѣ. Написана она на 109 листахъ, дефектовъ нѣтъ.

Въ подробный разборъ рукописи мы входить не будемъ: для этого нужно было бы имѣть подъ руками всѣ другіе южно-русскіе списки, сличить ихъ между собою, а также съ русскими, сербскими и другими списками. Но это пока невозможно, какъ ни желательна была бы подобная работа въ виду весьма возможнаго вліянія «Александріи» на малорусскую народную поэзію: вспомнимъ распространенные въ южной Руси разсказы о песиголовцяхъ, рахманахъ, сходство нѣкоторыхъ эпизодовъ «Александріи» съ мало-

русскими сказками и т. д. «Исторія»[1]) начинаетъ прямо съ характеристики египетскаго царя Анектонава, разсказываетъ о нападеніи враговъ на Египетъ, его бѣгствѣ, пребываніи въ Македоніи, продѣлкѣ съ Олимпіей, женой Филиппа, рожденіи и воспитаніи Александра, битвѣ съ царемъ Алтемѣшемъ Куманскимъ, нападеніи пелагинскаго царя Анаскарханоса, смерти Филиппа, о посольствѣ Дарія въ Македонію и Александра въ Персію, о союзѣ Александра съ селунскимъ царемъ Пахидономъ, его походѣ на Дарія, осадѣ «великого мѣста» Рима, битвѣ съ «дивными людьми» въ «полуденныхъ странахъ» (звѣрообразные «хитивари», «крилатие жени дивніи»), о походѣ къ «морю окиану» и приморскихъ царяхъ, основаніи Александріи, походѣ къ Троѣ, посланіи Дарія къ Александру и его отвѣтѣ, походѣ въ Іерусалимъ, Египетъ (болѣзнь Александра), битвѣ Александра съ воеводой Дарія Минандромъ и самимъ Даріемъ, походѣ въ Вавилонъ, о покушеніи на жизнь Александра (слуги Дарія Аввита), Александрѣ—послѣ къ Дарію, посольствѣ Дарія къ индійскому царю Пору, битвѣ съ Даріемъ и «индіянами», походѣ на «Лыдонское царство», «о горахъ сѣверскихъ, о краяхъ озерскихъ и мѣшканцахъ въ нихъ», о дивныхъ людяхъ, окованныхъ желѣзомъ, луговыхъ,—походѣ на Пора, о «герцѣ» Александра и Пора и смерти послѣдняго, о «мастридонскомъ» царствѣ (царица Конмедра), убіеніи мерсилонскаго царя Евремистра, о «Гогахъ и Магогахъ», однорукихъ и одноногихъ людяхъ, о Кандавлусѣ мастридонскомъ, о томъ, какъ «Александеръ самъ себе посломъ учинилъ до царици мастридонской», о царяхъ, «которие назывались еллинскими боги», царицѣ Кандакіи, явленіи Александру пророка Іереміи, посольствѣ отъ Олимпіи, пріѣздѣ ея, отравленіи Александра Ревноушемъ, его прощальной рѣчи и смерти.

Мы нарочно привели краткое изложеніе содержанія, чтобы показать, что и въ именахъ, и въ распорядкѣ эпизодовъ нашъ списокъ болѣе или менѣе отличается отъ извѣстныхъ списковъ.

Языкъ рукописи—малорусскій съ сильнымъ и замѣтнымъ вліяніемъ языка великорусскаго.

Для образчика языка приведемъ одинъ отрывокъ: «когда царъ Дарій съ персяни и индияни противъ Александра до битви въ поле

[1]) Имя „списателя“ ея и мѣсто „списанія“ опредѣлить нельзя.

ишолъ: тогда Дарій зъ великою потугою сталъ противъ Александра и послалъ напередъ вибравши сколко рицеровъ, дабы разсмотрѣли войско Александрово. Тогда Александрова сторожа поймала дариевихъ сторожовъ и привели до Александра, и повелѣлъ ихъ на високия мѣста возвести, дабы оглядѣли македонское войско, а въ той часъ всѣмъ велѣлъ стати военнимъ обычаемъ, и казалъ у трубы трубити и въ бубни бити и на всѣхъ шаломаяхъ играти» и т. д.

Интересно, что повѣстію «Александріи», какъ усладительнымъ чтеніемъ, кто-то заинтересовался еще наканунѣ XIX в. и не остановился передъ громадностью работы!

На листахъ «Исторіи»[1]) надпись: «Сія книга раба Божія Григориа Григориева сина Михайловскаго; куплена за цѣну двадъцать копѣекъ». Такъ дешево былъ оцѣненъ трудъ переписчика!

В. Каллашъ.

Добрый починъ.

Мнѣ случилось видѣть минувшимъ лѣтомъ въ Полтавѣ начало археологическаго собранія, о которомъ необходимо сказать нѣсколько словъ.

По иниціативѣ управляющаго полтавскою епархіею, викарнаго епископа, преосв. Иларіона, въ мѣстную духовную семинарію стали поступать изъ архивовъ и библіотекъ церквей губерніи имѣющіяся тамъ рукописи и старопечатныя книги. Кому извѣстно, какъ безповоротно и въ какомъ количествѣ погибаетъ въ глуши рукописная и книжная старина, тотъ оцѣнитъ благія послѣдствія этого почина. Изъ южнорусскихъ губерній ни для одной эта мѣра настолько не умѣстна, какъ для полтавской, церковная старина которой до сихъ поръ не имѣла своего изслѣдователя. Форма, какая будетъ дана возникающему собранію, еще не опредѣлилась окончательно. Покуда присылки поступаютъ въ

---

[1]) Кстати отмѣтимъ сходство двухъ эпизодовъ: бѣгство Анектонава изъ Египта и сходный мотивъ въ легендѣ о Паліѣ („Кіев. Стар., 1882 г., сент., стр. 579—580); неплодіе Олимпіи, угроза и удаленіе Филиппа и т. д. и соотвѣтствующій эпизодъ въ малорусской сказкѣ о Сучичѣ (Zbiór wiadomości do antropologii krajowej. T. III. Kraków. 1879. Dział etnologiczny. E. Rulikowski. Zapiski etnograficzne z Ukrainy, стр. 69).

семинарію, образуя при ея библіотекѣ какъ бы археологическое отдѣленіе. Но сущности дѣла, возможности спасенія и сбереженія важныхъ для науки остатковъ старины, самымъ фактомъ открытія пріема книгъ и рукописей уже положено начало.

За первые мѣсяцы текущаго года поступило нѣсколько книгъ и рукописей, не лишенныхъ значенія. Изъ церковныхъ и богослужебныхъ книгъ присланы два евангелія львовской печати, которыя такъ распространены были въ южнорусскихъ церквяхъ, одно 1644 года, съ виньетками и заставками, другое тоже XVII вѣка (на рисункахъ послѣдняго видна подпись гравера: Георгій Ердіакъ), учительное евангеліе Транквилліона, первопечатный Духовный Регламентъ, поученія еписк. Иліи Кефалонитянина (1765 г.) и пр. Изъ рукописей доставлены славянское евангеліе in 4° 1625 г., съ иллюминованными рисунками евангелистовъ (въ византійскомъ стилѣ), заставками и виньетками, синодикъ 1720 г. церкви села Грабаровки, пирятинскаго уѣзда, гдѣ въ скромномъ козацкомъ родѣ Паськовъ надо, кажется, видѣть предковъ фельдмаршала Паскевича, «Метріка, которая що значитъ, для чого и якъ давно есть въ церквѣ Божой, тутъ вкратцѣ описуется», Шумлянскаго, копія 1720—30 г., съ обстоятельной научной замѣткой объ Іосифѣ Шумлянскомъ, написанной свящ. с. Вечорокъ, пирятинскаго уѣзда, о. Григоріемъ Каневскимъ, доставившимъ эту рукопись; любопытная бытовыми данными приходо-расходная книга воскресенской церкви города Глинска (нынѣ мѣст. роменскаго уѣзда) съ 1736 по 1752 г., собранія печатныхъ и рукописныхъ указовъ правительственныхъ, синодальныхъ, митрополичьихъ и епископскихъ, изъ церквей с.с. Гавронцевъ, Ковалей и друг.

Здѣсь особенное значеніе имѣютъ распоряженія мѣстной духовной власти, не бывшія въ печати, не собранныя и не изслѣдованныя, по которымъ будущій историкъ южнорусской церкви отмѣтитъ и изслѣдуетъ ея дѣятельность и характерныя черты. Въ этихъ же собр[illegible] встрѣчаются исповѣдныя книги разныхъ временъ, съ статистическими свѣдѣніями, которыя могутъ пополнить пробѣлы и утраты уже извѣстныхъ описей.

Надо желать, чтобъ прекрасный починъ преосвящ. Иларіона получилъ найбольшую огласку въ епархіи и вызвалъ возможно дѣя-

тельное содѣйствіе настоятелей церквей. Тѣмъ же путемъ собраны въ настоящее время въ Полтаву и хранятся пока при архіерейскомъ домѣ древніе антиминсы, которые, помимо указаній на время открытія церквей въ разныхъ пунктахъ края, представляютъ интересъ печатавшимися на нихъ гравированными изображеніями, работы нерѣдко лучшихъ южнорусскихъ граверовъ: Тарасевича, Щирскаго и др.

Скажемъ еще, что тоже маленькое полтавское археологическое хранилище обладаетъ драгоцѣнностью, которой позавидовали бы и болѣе богатыя собранія, знаменитое пересопницкое евангеліе, которое, въ противность распространившимся слухамъ, осталось по счастію въ Полтавѣ и достойно послужило началомъ собранію. Пожелаемъ ему расти и множиться.

В. Г.

Археологическая находка.

Въ г. Слуцкѣ, минской губерніи, въ маѣ мѣсяцѣ настоящаго года найденъ кладъ. Мѣстность, гдѣ найденъ кладъ, была густо застроена деревянными постройками, которыя всѣ были уничтожены пожаромъ. Для постройки новаго каменнаго дома, вмѣсто сгорѣвшаго деревяннаго, понадобилось положить фундаментъ. Во время этой работы на глубинѣ $1^1/_2$ арш. найденъ кладъ. Этотъ послѣдній былъ помѣщенъ въ каменномъ небольшомъ склепѣ, въ двухъ сѣтчатыхъ, проволочныхъ мѣшкахъ. Кладъ состоялъ болѣе, чѣмъ изъ 2,000 одинаковой цѣнности монетъ, такъ называемыхъ талеровъ. Изъ этихъ монетъ я имѣлъ 33 слѣдующія: 28 талеровъ нидерландскихъ, между которыми 15 чеканены для испанскихъ Нидерландовъ, а именно: 2 при Альбрехтѣ и Елисаветѣ, 6 при Филиппѣ IV (1631—1660 г.) и семь при Карлѣ II (1673—1695 г.). Далѣе восемь талеровъ чеканены въ Соединенныхъ Штатахъ Нидерландовъ: 2 для штата Голландіи (1672—1676 г.), два для штата Зеландіи (1694 г.), два для штата Утрехта (1694—1695 г.) и два для штата Оберъ-Исселя (1695—1698 г.). Затѣмъ два талера чеканены были въ городѣ Девентерѣ (1698—1699 г.) и три представляютъ монеты самостоятельныхъ епископовъ люттихскихъ (1653—1676 г.).

Остальные 5 талеровъ, бывшіе въ моемъ распоряженіи, принадлежатъ: три швейцарскому кантону Сенъ-Галлену (1620—1623 г.), одинъ талеръ имперскій, чеканенный при Фердинандѣ II (1624 г.) и одинъ талеръ герцога савойскаго Виктора-Амадея 1690 года.

Сколько я слышалъ, всѣ монеты въ кладѣ были подобны тѣмъ, которыя я имѣлъ. Въ кладѣ не было ни одной русской, польской, шведской монеты. Самая старая монета 1620 года, а самая новая 1699 года.

Можно допустить, что кладъ зарытъ въ началѣ XVII в. передъ началомъ сѣверной войны. Что кладъ состоялъ изъ иностранныхъ монетъ, въ томъ нѣтъ ничего удивительнаго. Въ Польшѣ не было собственной крупной серебряной монеты; а такъ какъ уплачивать большія суммы польской мелкой серебряной монетой (ортами, шестигрошками, трехгрошками, полториками и грошами) было крайне неудобно, то иностранные талеры были во всеобщемъ ходу въ Рѣчи Посполитой. Конечно болѣе значительные денежные обороты, а слѣдовательно и большія суммы иноземныхъ талеровъ сосредоточивались въ тѣхъ немногихъ городахъ, которые, благодаря исключительнымъ обстоятельствамъ, сохранили болѣе интенсивную промышленную и торговую дѣятельность. Къ числу такихъ городовъ принадлежалъ несомнѣнно Слуцкъ, городская община котораго охранялась покровительствомъ его могущественныхъ владѣльцевъ: князей Олельковичей Слуцкихъ, а потомъ Радзивилловъ. Слуцкъ получилъ грамоту на магдебургское право еще въ 1441 г. и не только сохранилъ магдебургское право, но и постоянно усиливалъ свою промышленную дѣятельность. Время самаго большаго процвѣтанія города представляетъ XVII столѣтіе, когда въ надеждѣ на заступничество Радзивилловъ, исповѣдывавшихъ кальвинизмъ, въ Слуцкъ стекались, подъ ихъ защиту, гонимые во всей Рѣчи Посполитой купцы и ремесленники протестанты. Особенно же оживилась торговля города около 1640 года, когда въ немъ поселилась, по призыву Богуслава Радзивилла, колонія шотландцевъ пресвитеріанъ, изгнанныхъ якобитами изъ отечества. Шотландцы эти отличались большою торговою предпріимчивостью, не только раскинули торговыя связи по всей Рѣчи Посполитой, но вошли въ торговыя сношенія съ городами прусскими, голландскими, германскими, съ великимъ княжествомъ московскимъ и прославились своимъ богатствомъ.

Вѣроятно въ эту эпоху процвѣтанія города и собраны были талеры, найденные въ разсматриваемомъ кладѣ. Можетъ быть открытый случайно склепъ и былъ казнохранилищемъ одного изъ богатыхъ слуцкихъ купцевъ туземнаго или шотландскаго происхожденія.

Н. Ч.

Актъ „побратимства“ въ церковной метрикѣ.

Въ с. Протопоповкѣ, александрійскаго уѣзда херсонской губерніи, при церкви хранится метрическая книга, относящаяся первыми записями еще ко времени существованія въ нынѣшней Новороссіи запорожскаго козачества (записи съ 1761 г.). Въ этой книгѣ обращаетъ на себя вниманіе подъ 1801 годомъ запись съ такимъ заглавіемъ; «Сіе слово завѣщательное между двума братами Федоромъ и Федоромъ». Дальнѣйшій текстъ слова слѣдующій:

«1081 года октября 28 мы нижеподписавшіеся даемъ отъ себе сіе завѣщаніе передъ Богомъ о томъ, что мы—братія, и съ тѣмъ, кто нарушитъ братства нашего соузъ, тотъ передъ Богомъ отвѣтъ да воздастъ передъ нелицемѣрнымъ судею нашимъ Спасителемъ. Вышеписанное наше обѣщаніе вышеписанныхъ Федоровъ есть: дабы другъ друга любить, не взирая на напасти зъ стороны нашихъ либо прыятелей, либо непрыятелей, но взырая на миродателя Бога; къ сему заключили хмельного не пить, братъ брата любить. Въ семъ братія росписуемось».

Дальше вмѣсто подписи слѣдуютъ значки, собственноручно проставленные побратимами.

Въ этомъ своего рода актѣ любопытно особенно то, что «завѣщательное слово» побратимовъ попало въ церковную метрическую книгу, именно въ 2-ю ея часть, гдѣ обыкновенно записываются брачные акты. По цѣлости переплета книги видно, что запись эта попала сюда не случайно, а внесена по тому вѣроятно соображенію, что документу о союзѣ братскомъ прилично быть внесеннымъ въ туже книгу, въ какую записывались и брачные союзы.

Побратимство существовало издавна у всѣхъ южныхъ славянъ, было въ ходу и на Запорожьѣ и вообще въ малорусскомъ народѣ. Самое существованіе въ малорусскомъ языкѣ словъ «побрататься» и «посестриться» указываетъ на распространенность этого обычая

у насъ въ прежнее время. Тяжелыя условія жизни, подверженной ежедневнымъ опасностямъ, располагали людей искать поддержки и защиты въ человѣкѣ одинаковаго положенія и профессіи, съ которымъ установились сердечныя близкія отношенія. Обычаемъ побратимства такія отношенія скрѣплялись на всю жизнь и становились нравственно-обязательными и столь же священными, какъ и связи родственныя. Побратимы давали клятву жертвовать жизнью другъ за друга, обмѣнивались въ знакъ братства крестами и иконами. Это извѣстно всѣмъ и давно; но съ «завѣщательнымъ словомъ» побратимовъ и внесеніемъ таковаго въ метрическія книги мы встрѣчаемся въ первый разъ.

Село Протопоповка, въ церковной метрикѣ котораго находится вышеприведенная запись 1801 года, не задолго до этого времени была шанцемъ одной изъ ротъ новосербскаго жолтаго гусарскаго полка, поселеннаго, какъ и другіе три сербскихъ полка, въ сосѣдствѣ съ Запорожьемъ и на его земляхъ. Мѣстность эта нѣкоторое время носила названіе Новой Сербіи, хотя на самомъ дѣлѣ выходцевъ изъ австрійской Сербіи здѣсь была лишь незначительная часть, а большинство насельниковъ этого края были выходцы изъ правобережной и лѣвобережной Украйны, и приливъ ихъ сюда усилился особенно послѣ разгрома Запорожской Сѣчи. Нѣтъ по этому надобности предполагать, что обычай побратимства занесенъ сюда австрійскими сербами; скорѣе могли распространить его здѣсь выходцы изъ Запорожья.

«Завѣщательное слово» не называетъ, къ сожалѣнію, побратимовъ по фамиліямъ и тѣмъ лишаетъ возможности сдѣлать какое либо предположеніе объ этнографической группѣ, къ которой принадлежали заключавшіе союзъ братства.

Л. П.

Волынская бывальщина.

Дѣйствительному случаю, о которомъ хочу разсказать, предшествовала небылица, циркулирующая и теперь въ православномъ и католическомъ населеніи Волыни подъ именемъ сказки о Кирикѣ, или о попѣ и хлопѣ. Сущность этой сказки въ томъ, что какой-то священникъ, православный или католическій, узнавъ на испо-

вѣди отъ одного бѣдняка о найденномъ имъ кладѣ, задумалъ отнять у него кладъ и явился къ нему ночью подъ видомъ чорта, а для того надѣлъ на себя воловью шкуру съ рогами. Хитрость удалась, но корыстолюбивый священникъ былъ наказанъ отъ Бога тѣмъ, что шкура приросла къ его тѣлу и отстала лишь послѣ долгаго и мучительнаго раскаянія. Подъ вліяніемъ борьбы между православными и католиками сказка эта примѣнялась одной стороной къ другой и случай наказаннаго такъ позорно корыстолюбія приписывался то католическому, то православному священнику.

Въ исходѣ первой четверти настоящаго столѣтія сказочный случай примѣненъ былъ къ живому ксензу въ окрестностяхъ Дубна. Разсказывали точь въ точь, какъ въ сказкѣ. Жилъ де въ Дубнѣ какой-то бѣдный шляхтичъ и нашелъ онъ богатый кладъ. Находка сильно подѣйствовала на счастливца: онъ потерялъ аппетитъ, сталъ мало спать и наконецъ дошелъ до галлюцинацій. Шляхтичъ сталъ молиться Богу и затѣмъ пошелъ къ ксендзу на исповѣдь. Ксендзъ разъяснилъ смущенному шляхтичу, что найденный кладъ принадлежитъ злому духу, что для взятія его, видно, не насталъ еще часъ и что потому можно ждать, что злой духъ скоро явится къ нему, шляхтичу. Послѣ такого разъясненія шляхтичъ окончательно растерялся; ксендзъ замѣтилъ это и рѣшился воспользоваться оплошностью бѣдняка. Скоро въ полночь, надѣвъ на себя воловью шкуру съ рогами, онъ отправился къ хатѣ шляхтича, постучался къ нему въ окно рогами, назвалъ себя злымъ духомъ и потребовалъ отъ шляхтича кладъ. Перепуганный шляхтичъ поспѣшно высунулъ въ окно мучившій его кладъ, и ксендзъ возвратился домой съ богатой добычей. Но когда онъ захотѣлъ снять съ себя шкуру, оказалось, что шкура приросла къ его тѣлу и всѣ усилія отодрать ее были тщетны. На утро шляхтичъ сталъ разсказывать людямъ, что къ нему ночью приходилъ чортъ въ воловьей шкурѣ съ рогами и взялъ кладъ. Пошли слухи по городу о такомъ чрезвычайномъ случаѣ. Въ тоже время прислуга ксендза, не мало обезпокоенная тѣмъ, что ксендзъ долго не показывался изъ своей комнаты, стала стучаться и ломиться къ нему. Скоро все объяснилось, и пошло дальше, какъ въ сказкѣ.

Ловко пущенный кѣмъ-то слухъ взволновалъ все населеніе Дубна и его окрестностей; сметливые ксендзы сразу догадались,

чѣмъ и какъ отразить столь обидную для нихъ молву: тотъ часъ они пустили слухъ, что вся исторія эта случилась не съ ксендзомъ, а съ попомъ, что попа этого показывали въ Львовѣ, Злочевѣ, Почаевѣ и Кременцѣ и что на дняхъ будутъ показывать его и въ Дубнѣ. Новая молва осилила старую; населеніе Дубна съ нетерпѣніемъ ждало, когда приведутъ къ нему диво-дивное, попа съ рогами.

Было это лѣтомъ 1825 года.

10-го іюля того-же года пріѣхалъ въ Дубно и остановился близь мѣстнаго духовнаго правленія священникъ ближайшаго къ Дубну села Збитина, о. Яковъ Остальскій. Повозка, на которой онъ пріѣхалъ, была «старинная, простая, съ высокою и узкою кибиткою». Когда эта оригинальная и привлекшая къ себѣ всеобщее вниманіе повозка остановилась близь зданія духовнаго правленія, то по городу съ необыкновенной быстротой распространился слухъ, что въ ней привезли попа съ рогами. Хотя повозка вскорѣ уѣхала, но народъ во множествѣ тѣснился близъ духовнаго правленія, ожидая увидѣть попа съ рогами; мѣщане и жиды заглядывали въ окна, «а высшаго сословія люди входили внутрь». Вдругъ кто-то сказалъ въ толпѣ, что попа отвезли въ церковь, и толпа отхлынула.

Было 5 часовъ дня; въ соборной церкви послышался благовѣстъ ко всенощной. Народъ всей массой двинулся къ церкви; по пути кто-то шепнулъ толпѣ, что будутъ служить молебенъ съ водосвятіемъ, чтобы Богъ освободилъ несчастнаго попа отъ воловьей шкуры.

Когда подходилъ къ собору мѣстный священникъ Владимірскій, то вся церковная ограда была набита жидами, въ церкви толпились католики и уніаты, въ самомъ олтарѣ расхаживали прибывшіе изъ замка князей Любомірскихъ какой-то фратеръ Базилій и не извѣстный по имени нѣмецъ. Народъ во всѣхъ углахъ церковныхъ разыскивалъ попа съ рогами; фратеръ Базилій перерылъ все въ ризницѣ, разыскивая чудовище попа, а нѣмецъ, важно расхаживая взадъ и впередъ вокругъ престола, усердно просилъ церковнаго старосту Соколовскаго не скрывать дивнаго попа и показать его по крайней мѣрѣ ему, нѣмцу, за что онъ и сулилъ старостѣ три рубля. Не смотря на просьбу священника Владимірскаго, народъ не расходился, а продолжалъ безчинствовать не только внѣ церкви, но и въ самой церкви. Священникъ просилъ бывшаго тамъ

пристава образумить толпу, но приставъ полякъ только посмѣялся надъ просьбой священника. Чрезъ минуту въ толпѣ пронесся говоръ, что надо зажечь церковь и тогда по неволѣ явится предъ народомъ попъ съ рогами. Приставъ спохватился и сталъ уговаривать народъ разойтись; но не скоро и его послушались.

Особенно сильно, по заявленію протоіерея, безчинствовали въ церкви и вокругъ церкви уніаты и латиняне. Два дня сряду въ православной церкви совершалось богослуженіе съ цѣлодневнымъ звономъ: 10-го іюля въ день рожденія великой княжны Александры Николаевны и 11-го въ день тезоименитства великой княжны Ольги Николаевны. Католики и уніаты распространили слухъ, что такое усиленное богомоленіе въ православной церкви производится для того, чтобы превратить гнѣвъ Божій на милость къ несчатному попу съ рогами. Протоіерей дубенскаго собора, Ѳома Кирчинскій, донося о прописанномъ происшествіи епископу Стефану, просилъ его защитить православную церковь и ея духовенства отъ такихъ открыто враждебныхъ и явно нахальныхъ поступковъ со стороны латинянъ и уніатовъ. По сношенію архіерея съ губернаторомъ, назначено было по этому дѣлу слѣдствіе при депутатѣ со стороны духовенства; но чѣмъ кончилось и что дало разслѣдованіе, намъ неизвѣстно. Офиціальный источникъ, которымъ мы пользовались для нашего разсказа, на этомъ обрывается.

Разсказанный случай служитъ отголоскомъ той кровавой борьбы, какая цѣлыя вѣка велась православнымъ населеніемъ Украйны, Волыни и Подоліи съ нахлынувшимъ на него польско-католическимъ шляхетствомъ, и показываетъ, какія напряженныя отношенія существовали между ними въ весьма недавнее еще время. Интереснѣе всего, что въ этой борьбѣ обѣ стороны пользовались ходившею въ народѣ легендою, неизвѣстно кѣмъ и когда сложенною, но дышащею злой насмѣшкой паствы надъ недостойнымъ пастыремъ.

О. И.

Кобелякское повѣтовое училище.

(1808—1833).

Прилагаемыя замѣтки о кобелякскомъ повѣтовомъ училищѣ составлены по уцѣлѣвшимъ отрывочнымъ бумагамъ архива этого училища; въ нихъ нѣтъ поэтому ни строго обдуманнаго плана, ни

полнаго очерка жизни этого училища за все время его существованія. Не руководила насъ при этой работѣ и какая либо предвзятая мысль въ выборѣ матеріала; бралось напротивъ все, что могло представлять хоть какой нибудь интересъ для исторіи народнаго у насъ образованія.

Городъ Кобыляки одинъ изъ старѣйшихъ городовъ Полтавщины. Въ началѣ XVII ст. за Ворсклой ходили, говорятъ, цѣлые табуны кобылъ; отсюда будто бы и названіе городу. Начало его относятъ къ первой половинѣ XVII ст., а основаніе приписываютъ одному изъ Немиричей. Собственно уѣзднымъ городомъ онъ сталъ съ 1803 г.; до того же времени тянулъ то къ Голтвѣ, то къ Кременчугу.

Въ началѣ XIX ст. городъ Кобыляки ютился на горѣ надъ Ворсклой. Жителей въ немъ было 3,577 муж. пола и 3,640 женск. пола. Главную массу населенія составляли козаки (3059 м. п. и 3100 ж. п); остальныя сословія распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: дворянъ м. 87, ж. 91, священно и церковно-служителей 63—68; купцовъ 25—20; мѣщанъ: христіанъ 22—20, евреевъ 55—65; разночинцевъ 9—11; помѣщичьихъ крестьянъ 350—249. Вокругъ города существовали два завода селитряныхъ, два кирпичныхъ, два пивоваренныхъ и одинъ винокуренный. На Ворсклѣ стояло 16 водяныхъ мельницъ. Церквей было 11, обывательскихъ домовъ 854. Дѣлами города правилъ городничій; надъ нимъ возвышались маршалъ и подскарбій. До 1804 г. существовало здѣсь «малое народное училище», открытое на средства бригадира Адабаша; но съ его смертью умерло и училище и только въ 1808 году, мая 24-го, «попечительностію императорскаго харьковскаго университета и стараніемъ директора училищъ полтавской губерніи Огнева, открыто кобелякское повѣтовое училище, съ приличными при семъ случаѣ обрядами и церемоніями, въ присутствіи повѣтоваго маршала Чорбы, почетнѣйшаго дворянства, духовенства и прочихъ посѣтителей». Училище помѣщалось въ двухъ деревянныхъ домахъ, принадлежавшихъ полтавскому приказу общественнаго призрѣнія, за городомъ, на кладбищѣ; зданія обветшалыя; книгъ и необходимой классной мебели не было.

Повѣтовое училище состояло изъ 2-хъ классовъ; кромѣ того было еще «нижнее отдѣленіе» съ 3-мя разрядами, которое служило

подготовительной ступенью къ собственно повѣтовому училищу. Окончившіе 2-й классъ могли безъ экзамена поступать въ гимназію, но большинство поступало «къ письменнымъ дѣламъ», т. е. расходилось по всевозможнѣйшимъ канцеляріямъ. Возрастъ учащихся колеблется между 5 и 15 годами. По сословіямъ учащіеся распредѣлялись такъ: дѣтей штабъ-офицерскихъ 3%, оберъ-офицерскихъ 70%, дворянъ въ подушномъ окладѣ 7%, духовнаго званія 2% и остальныхъ сословій 18%; причемъ на долю козаковъ и крестьянъ приходилось только 2%, слѣдовательно училище было народнымъ только по названію, на самомъ же дѣлѣ оно было дворянскимъ.

Въ низшее отдѣленіе поступали неграмотные; начинали съ азовъ, переходили къ складамъ, потомъ къ цѣлымъ рѣченіямъ и т. д. Этотъ процессъ длился долго; учитель низшаго отдѣленія въ отчетѣ за 1809 годъ рапортуетъ: «съ оными (8 чел.) букварь прошелъ весь, которые оной теперь и репетуютъ; оные (11 чел.) учатъ букварь и прошли до 14 стр., которые уже складывать начинаютъ; оные (30 чел.) находятся въ познаніи начальныхъ буквъ до сего времени». Если принять во вниманіе, что этотъ рапортъ писался въ маѣ, то слѣдовательно это и есть результатъ годичныхъ занятій. Впрочемъ эту медленность учитель объясняетъ тупостью учениковъ; въ вѣдомости о способностяхъ ихъ 15 учениковъ онъ относитъ къ числу слабыхъ, 15 къ тупымъ и только 19 къ способнымъ. 1-й и 2-й классы поражаютъ своею многопредметностью; тутъ цѣлая энциклопедія наукъ. При 2-хъ учителяхъ проходились слѣдующія науки: законъ Божій, россійская граматика, ариѳметика, геометрія, алгебра, всеобщая и россійская исторія и географія, естественная исторія, технологія, физика, чтеніе и письмо латинскаго и нѣмецкаго языка, рисованіе и о должностяхъ человѣка и гражданина (отдѣльный предметъ). Руководителямъ народнаго просвѣщенія приходила иногда мысль распространять какое либо знаніе, имѣющее ближайшее примѣненіе въ жизни, чрезъ учащихся. Такъ въ 1811 г. признано было путемъ школъ распространять привитіе оспы, вслѣдствіе чего предписываемо было и кобелякскому повѣтому училищу учить старшихъ учениковъ прививать телячью оспу. Научить этому дѣлу должны были учителя; но такъ какъ они и сами не знали этого искусства, то рекомендовалось имъ ознакомиться съ нимъ по особо разосланной въ училище брошюрѣ.

Преподаваніе «наукъ» было, можно сказать болѣе умозрительное; учителя не имѣли ни одного пособія, географіи учили безъ глобуса и картъ, физикѣ безъ приборовъ, технологіи и естественной исторіи безъ коллекцій и рисунковъ. Все обученіе заключалось въ томъ, что учителя спрашивали уроки, задавали новые, а ученики зубрили. Въ помощь учителямъ для спрашиванія уроковъ въ 1811 г. было предписано изъ лучшихъ учениковъ 2-го класса выбрать репетиторовъ, на обязанности которыхъ лежало бы выспрашиваніе уроковъ у учениковъ до прихода учителя. Такимъ образомъ дѣятельность учителей упростилась еще болѣе, имъ только оставалось, по выслушаніи отчета репетитора, воздать коемуждо по дѣломъ его... Только этими педагогическими пріемами и можно объяснить ужасающій % неуспѣвающихъ, именно 60%.

Въ тотдашней, даже благородной, школѣ царила розга. «Розга, говорилось тогда, острить умъ и память возбуждаетъ». А такъ какъ большая половина учащихся, по мнѣнію учителей, были тупы и слабы, то ясно, что необходимость въ розгѣ сознавалась постоянно и примѣненіе ея было очень частое и обильное. Были попытки со стороны начальства обуздывать рьяныхъ педагоговъ; но одно изъ такихъ распоряженій (отъ 17-го іюня 1809 г.), рекомендуя относительно учениковъ «болѣе снисхожденія и уваженія, нежели жестокости», предоставляетъ наказаніе розгами благоразумію смотрителя. Энергичнѣе и съ указаніемъ мотивовъ было распоряженіе 1811 г., которымъ тогдашній министръ народнаго просвѣщенія, графъ А. К. Разумовскій, по поводу производившихся двухъ дѣлъ о жестокомъ наказаніи въ слободско-украинской гимназіи, предписалъ, чтобы «всѣ чины училищъ тѣлесныхъ наказаній, запрещенныхъ училищными постановленіями, не употребляли, подъ опасеніемъ отрѣшенія отъ должности». Но такія предписанія оставались чаще всего втунѣ, какъ несогласныя съ традиціею школы, твердившей своимъ питомцамъ:

Цѣлуйте розгу, бичъ и жезлъ лобзайте,
Та суть безвинна, тѣхъ не проклинайте.

Протеста противъ тѣлесныхъ наказаній со стороны общества, воспитаннаго въ такихъ же понятіяхъ, конечно, не могло быть и если прапорщикъ Войновъ въ 1812 г. жаловался полтавскому губернатору на учителя «кобеляцкаго» повѣтоваго училища Леонова,

то не за наказаніе розгами, а за то, что онъ «причинилъ его сыну, ученику 1-го класса, *побои*». По поводу сего случая и директоръ училищъ предписывалъ только смотрителю «какъ можно стараться о примиреніи просителя, дабы не вышли непріятности для начальства по учебной части»; а учитель Леоновъ, не добившись примиренія, оправдывался тѣмъ, что «наказалъ сына Войнова за разные проступки, а особливо за лѣность и ослушаніе къ *родителямъ*—не какъ классный учитель, а какъ особливаго рода опекунъ». Дѣло кончилось перемѣщеніемъ Леонова въ купянское училище, харьковской губерніи.

Экзамены въ повѣтовыхъ училищахъ были двухъ родовъ: 1) *частные*, на которыхъ учителя, производя испытанія для переводовъ учениковъ въ высшіе классы, оставленія въ тѣхъ же классахъ и исключенія, не стѣснялись тѣмъ, что въ экзаменскихъ вѣдомостяхъ половина всѣхъ учениковъ попадала въ рубрику тупыхъ и слабыхъ, и *публичные*, составлявшіе пустую формальность и прямой какъ бы обманъ публики. Къ послѣднимъ экзаменамъ начинали готовиться мѣсяца за два, за три. Выбирались лучшіе ученики; одинъ готовилъ отвѣтъ по физикѣ, другой по технологіи и т. д., словомъ по каждому предмету долженъ былъ отвѣтить одинъ изъ учениковъ. Въ одномъ изъ донесеній смотрителя кобелякскаго училища директору училищъ такъ описывается публичное испытаніе: «оно открылось привѣтственною рѣчью, произнесенною ученикомъ перваго класса Ольховскимъ, послѣ чего ученики испытываемы были въ знаніи закона Божія и другихъ предметовъ. Испытаніе сіе окончено было благодарственною рѣчью, произнесенною ученикомъ 2-го класса Потоцкимъ. Посѣтители, будучи довольны успѣхами учениковъ, изъявили лично признательную благодарность какъ учащимъ, такъ и учащимся и, кромѣ того, видя на самомъ опытѣ отличные успѣхи учениковъ, сдѣлали пожертвованіе на сумму 83 рубля. Благородное собраніе, участвовавшее въ семъ испытаніи, было приглашено маршаломъ въ собственный домъ и угощено обѣденнымъ столомъ».

Господствовавшее до начала отечественной войны пренебреженіе къ религіозной сторонѣ въ школьномъ образованіи отразилось и въ кобелякскомъ повѣтовомъ училищѣ. Съ 1808 по 1811 годъ законъ Божій занималъ въ немъ послѣднее мѣсто въ ряду другихъ предметовъ; не было даже законоучителя и предметъ этотъ препо-

валъ одинъ изъ учителей. Но въ слѣдъ за тѣмъ издается цѣлый рядъ приказовъ, направленныхъ къ тому, чтобы поднять религіозное воспитаніе въ учебныхъ заведеніяхъ, и самое министерство съ этого времени называется уже министерствомъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Предписывалось, чтобы «во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ всѣ науки имѣли основаніемъ священное писаніе и вообще христіанское ученіе; чтобы уроки естествовѣдѣнія и технологіи замѣнены были уроками закона Божія и грамматики; чтобы предъ началомъ уроковъ читалось евангеліе; чтобы по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ ученики вмѣстѣ съ учителемъ ходили въ церковь; чтобы книга «о должностяхъ и обязанностяхъ гражданина» замѣнена была евангеліемъ, какъ заключающимъ въ себѣ все то, что должно знать гражданину» и пр. Въ это же время дьячки, пономари и священнослужители получили разрѣшеніе обучать грамотѣ безъ установленныхъ аттестатовъ, а также были освобождены и отъ взиманія въ казну 5% сбора съ доходовъ за обученіе.

Учителя въ кобелякскомъ училищѣ были въ то время по большей части съ высшимъ образованіемъ,—воспитанники харьковскаго университета и кіевской академіи, но не окончившіе полнаго курса, или же плохо «аттестованные начальствомъ въ познаніяхъ наукъ». Образованіе въ то время цѣнилось гораздо менѣе, чѣмъ теперь, а матеріальное содержаніе учителей было крайне скудное. Учителю полагалось жалованья въ годъ 340 руб. асс., что по курсу 1812 года составляло 113⅓ руб. сер., а по курсу 1817 г. всего 85 руб. сер. Посторонніе заработки были также крайне незначительны: за годовой урокъ платили 15—30 руб. асс. Между тѣмъ жизнь была дорога: по цѣнамъ 1819 г. квартира изъ двухъ комнатъ стоила 150 руб. асс. въ годъ, сажень дровъ 30 р., пудъ сальныхъ свѣчей 20 руб., четверть ржаной муки 14 р. 50 к., четверть пшена 18 р. И все остальное, необходимое въ жизни, было также дорого: оконная рама стоила 5 р., оконное стекло 50 к., тысяча кирпича 25 руб., возъ глины 1 р. и т. д. Учитель Горгопа просилъ вспомоществованія потому, что не имѣлъ приличнаго платья, чтобы ходить въ училище. Учителя того времени были жалки, загнаны, жили обособленною жизнью и третировались власть имѣющими, какъ лакеи. Почетный смотритель, напр., дѣлаетъ грубый выговоръ всему педагогическому

составу за то, что одинъ изъ учителей осмѣлился написать свой рапортъ къ нему на полулистѣ сѣрой бумаги. Не удивительно поэтому, если многіе изъ этихъ обездоленныхъ бѣдняковъ находили утѣшеніе въ «горѣлкѣ». Указаній на это въ училищномъ архивѣ не мало. Въ 1814 г. директоръ училищъ писалъ смотрителю: «такъ какъ нѣкоторые учителя обращаются въ пьянствѣ и черезъ то дѣлаются неспособными къ отправленію должности, то рекомендую вамъ, чтобы вы объявили содержаніе сего нынѣ на лицо состоящимъ въ вѣдомствѣ вашемъ чиновникамъ съ подписомъ, что оное ими слушано. А въ противномъ случаѣ они будутъ увольняться и пропечатываться въ вѣдомостяхъ».

И въ то же время эти люди, по волѣ начальства, должны были «двигать» науку впередъ. Уставомъ учебныхъ заведеній, § 52, имъ вмѣнялось въ обязанность «вести историческія, метеорологическія, топографическія и статистическія записки о губерніяхъ, включая въ нихъ свѣдѣнія о земледѣліи, времени посѣва и жатвы, о свойствахъ земли, употребляемыхъ при землепашествѣ орудіяхъ» и проч. и проч. «Записки, гласилъ параграфъ, должны быть писаны простымъ и чистымъ слогомъ, такъ называемымъ историческимъ. Впрочемъ не только не возбраняется дѣлать описанія произведеній природы и искусствъ слогомъ украшеннымъ, но еще весьма желательно, чтобы занимались онымъ, только безъ нарушенія истины. Сіе лучше дѣлать при описаніи особенныхъ какихъ либо предметовъ, какъ-то: живописныхъ видовъ, величественныхъ зданій и пр.».

Неизвѣстно, какъ отнеслись учителя кобылякскаго училища къ этому призыву; въ архивѣ остался только одинъ образчикъ описанія явленія, писанный, повидимому, слогомъ украшеннымъ. «Сентября 4-го, 1813 г., пишетъ смотритель, бывши по надобности верстъ за 10 отъ города съ женою, мальчикомъ и дѣвкою, при самомъ отъѣздѣ, часовъ въ 8 вечера, наступала черная туча и начинала блистать молнія. Часу въ 9-мъ вся атмосфера покрылась непроницаемою тьмою и началъ иттить сильнѣйшій проливной дождь. Молнія и громъ съ превеличайшимъ трескомъ раздавался надъ нами. Въ семъ ужасномъ состояніи мною, женою, мальчикомъ и дѣвкою усмотрѣна была электрическая сила слѣдующимъ образомъ: 1) края шинели моей у воротника и шубка на женѣ какъ бы опушены были бѣлымъ свѣтомъ; 2) на возжахъ, краю кнута и мѣ-

стами на хомутѣ видимъ былъ тотъ же свѣтъ; 3) на самыхъ остріяхъ лошадиныхъ ушей сила сія блистала величиною съ гороховину».

Кобылякское училище не располагало самыми необходимыми для него предметами. Въ одной изъ архивныхъ бумагъ директоръ рекомендуетъ смотрителю «имѣть стройшее наблюденіе, чтобы учителя одновременно приходили въ училище и занимались по часамъ», а смотритель отвѣчаетъ, что въ училищѣ и учителей часовъ нѣтъ, а изъ обывателей «развѣ только у лицъ высшихъ». Послѣ долгой переписки рѣшено было испросить разрѣшеніе у городничаго—звонить въ колоколъ кладбищенской церкви, гдѣ помѣщалось училище, дабы оповѣщать о началѣ занятій учителямъ и учащимся.

Всею жизнью училищъ тогдашнихъ руководилъ училищный комитетъ при харьковскомъ университетѣ, состоящій изъ профессоровъ. Назначеніе и увольненіе учителей, разрѣшеніе къ расходованію различныхъ суммъ, провѣрка кассовыхъ книгъ и пр.—все это вѣдалъ университетъ. Такъ называемые визитаторы, профессора харьковскаго университета, осматривали училище, производили учащимся испытанія, свидѣтельствовали училищную сумму и, если все находили исправнымъ, объявляли свое благоволеніе. Повидимому университетъ, гимназія и повѣтовое училище составляли одно, ступени одного зданія или, храма просвѣщенія, тѣсно были связаны другъ съ другомъ. Предполагалось, что повѣтовое училище даетъ учениковъ для гимназій, гимназія [1]) даетъ студентовъ для университета, а университетъ, въ свою очередь, даетъ имъ учителей, руководить ихъ жизнью. Но повѣтовое училище давало въ гимназію только 3—4%, остальные не нуждались въ высшемъ образованіи: жизненныя условія были таковы, что и питомцы повѣтовыхъ училищъ могли прямо, минуя гимназію и университетъ, обращаться «къ письменнымъ дѣламъ». Единеніе университета съ повѣтовымъ училищемъ доходило до того, что о всякомъ событіи въ университетѣ, какъ-то: назначеніи новаго ректора, профессора, смерти кого либо изъ нихъ, сообщалось и въ повѣтовое училище; рѣчи профессоровъ, сочиненія студентовъ присылались обязательно въ библіотеку училища.

---

[1]) Директоръ гимназіи былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и директоромъ народныхъ училищъ.

Повидимому между училищнымъ начальствомъ и подчиненными учителями существовали чисто отеческія отношенія. Начальство входило во всѣ мелочи обыденной жизни учителей, заботилось объ ихъ нравственности, внѣшности и пр. Оно также заботилось, чтобы гражданскіе и иные чины не учиняли какихъ либо притѣсненій учителямъ. Въ этомъ случаѣ обида учителя какимъ нибудь постороннимъ вѣдомствомъ считалась обидою всего министерства народнаго просвѣщенія. Въ архивѣ очень часто встрѣчаются такія защиты: въ одномъ случаѣ директоръ и смотритель чрезъ полтавскаго губернатора добились того, что учитель Николаевъ могъ, вопреки протесту городничаго, огородить свой дворъ плетнемъ; въ другомъ училищный совѣтъ, по жалобѣ учителя Леонова на своего родственника, захватившаго его землю, дѣйствуя черезъ военнаго губернатора, добился полнаго удовлетворенія означеннаго учителя.

При училищѣ существовалъ почетный смотритель, выборное лицо изъ среды дворянъ. Судя по даннымъ архива, онъ имѣлъ большое вліяніе и значеніе для училища, представлялъ собою око общества, посредствомъ котораго оно контролировало жизнь училища. Для характеристики отношеній между почетнымъ смотрителемъ и училищемъ приведу нѣсколько фактовъ, взятыхъ изъ архива.

Въ 1813 г. почетный смотритель Марковъ писалъ штатному смотрителю:

«М. г. препровождаю шкафъ для училищной библіотеки, который прошу васъ поставить въ лучшемъ видѣ; велѣлъ я своимъ столярамъ всячески стараться, чтобы его съ балюстрадомъ поставили ибо безъ онаго много виду потеряетъ. Долгомъ считаю объявить, что многіе дворяне, имѣющіе своихъ дѣтей въ училищѣ, жалуются, что дѣти ихъ ничего не успѣваютъ по причинѣ, что учителя мало объ нихъ пекутся, сами поздно въ училище ходятъ, сидятъ дома или у гостяхъ, а при томъ употребляютъ дѣтей для посылокъ даже и за горѣлкой; прошу васъ имъ сіе воспретить и подтвердить, чтобы они свою должность лучше выполняли, а иначе я принужденъ буду отнестись къ высшему начальству, ибо по неуспѣху дѣтей и моя честь будетъ страдать, а я привыкъ всегда службу свою продолжать съ похвалою».

Въ 1816 г. тотъ-же Марковъ писалъ тому же смотрителю слѣд.: «въ бытность мою въ училищѣ, нашелъ я совершенную въ библіотекѣ

неисправность, въ классахъ нечистоту и холодъ; посему предписываю вашему благородію, дабы все сіе исправлено было въ библіотекѣ, а въ классахъ было бы чисто и ученики не сидѣли бы въ шубахъ, и замѣчено мною, что всему сему причиною сторожъ, а потому и *предписываю* вамъ *отрѣшить* его отъ должности».

Почетному смотрителю учителя обязаны были ежемѣсячно представлять свѣдѣнія о числѣ учениковъ, ихъ успѣхахъ, о пройденныхъ предметахъ. Но за то почетный смотритель былъ благодѣтелемъ училища: кромѣ ежегоднаго взноса въ 250 руб., онъ снабжалъ училище всѣмъ необходимымъ для него; онъ жертвуетъ, напримѣръ, шкафъ для библіотеки, столъ, 15 зимнихъ рамъ, книгъ на 300 руб., ежегодно также отдавалъ на пользу училища старыя газеты и т. п.

Въ первое время своего существованія кобылякское повѣтовое училище по видимому интересовало высшія власти. Въ лѣтописи училища до 1819 г. записано нѣсколько посѣщеній такихъ лицъ. Въ 1808 г. іюня 24 училище удостоено было посѣщеніемъ малороссійскаго генералъ-губернатора князя Лобанова-Ростовскаго съ полтавскимъ губернаторомъ Козачковскимъ, «при чемъ, какъ сказано въ лѣтописи, его сіятельство былъ привѣтствованъ рѣчью, произнесенною учителемъ, и съ удовольствіемъ слушалъ преподаваемую послѣ сего ариѳметику и россійскую грамматику». Упоминается о посѣщеніи военныхъ губернаторовъ Тутолмина и Репнина; но привѣтсвенныя имъ рѣчи говорились уже учениками. Послѣ 1819 г. столь высокія лица не встрѣчаются уже въ записяхъ о посѣщеніяхъ; мѣсто ихъ заняли маршалъ, городничій и директоръ; послѣ 30-хъ годовъ училище посѣщаетъ только директоръ, какъ непосредственное начальство. Особою патріархальностію, чтобъ не сказать болѣе, отдаетъ слѣдующее предписаніе директора 1811 г. «Намѣреваюсь я въ скорости отправиться въ разные города полтавской губерніи для обозрѣнія подвѣдомыхъ мнѣ повѣтовыхъ училищъ и посему рекомендую вашему благородію къ пріѣзду моему привесть все то, что подлежать будетъ къ усмотрѣнію моему, въ совершенную исправность».

Кобылякское повѣтовое училище служило учебнымъ заведеніемъ для дѣтей лицъ привилегированныхъ, которыя составляли 90% всѣхъ учащихся. Мѣщане и козаки, за рѣдкимъ исключеніемъ, не отдавали туда своихъ дѣтей, хотя обученіе въ училищѣ было без-

платное. По видимому, они считали правительственное учебное заведеніе со многими науками не подходящимъ для себя и потому имѣли свои школы, въ которыхъ учили тому, чему они хотѣли, и гдѣ они чувствовали себя полными хозяевами. Школы эти были двухъ родовъ: низшія, въ которыхъ изучали граматку, часословъ и псалтырь, и высшія, гдѣ обучались писать и «цыфири». Смотритель кобылякскаго училища въ 1811 г. доноситъ, что въ городѣ находятся слѣдующія школы:

1) У священника покровской церкви Базилевича 2 уч.; 2) у *крестьянина* протоіерея соборной церкви—Тешнова 19 уч.; 3) у пономаря той-же церкви Хорунженка 4 уч.; 4) у дьячка троицкой церкви Кучера 4 уч; 5) у пономаря рождество-богородичной церкви Умаха 6 уч.; 6) у прапорщика Крихоцкаго 10 уч., 7) у дьячка рождество-богородичной церкви Катранова 5 уч. Всѣ они обучались письму и цыфири; «сверхъ того, писалъ смотритель, въ присутственныхъ мѣстахъ до 50 учениковъ, коихъ учатъ повытчики». Въ селахъ казенныхъ училищъ не было; вездѣ при церквахъ учили дьячки и пономари, а въ волостныхъ правленіяхъ писаря.

Плата за выучку была вездѣ равномѣрная: за граматку 1 р. за часословъ $1^1/_2$ руб., за псалтырь 2 руб. За выучку письму и цыфири брали 5 р. за каждаго ученика. Присяжные педагоги, въ лицѣ смотрителя, относились ко всѣмъ таковымъ неузаконеннымъ училищамъ крайне враждебно; во всѣхъ своихъ донесеніяхъ они старались доказывать, что таковыя школы «дѣлаютъ разстройку повѣтовому училищу, въ которомъ учащихся очень мало (50 чел. въ 1811 г.), по той причинѣ, что дьячки, пономари и повытчики учатъ дѣтей». Само министерство старалось искоренить такія контрабандныя школы. Въ цѣломъ рядѣ указовъ предписывалось уничтожить ихъ изморомъ. Въ 1810 г. директоръ сообщаетъ о распоряженіи министра, коимъ воспрещалось учить дѣтей не аттестованнымъ учителямъ. Въ томъ же году директоръ писалъ смотрителю: «такъ какъ платежу 5% денегъ подлежатъ содержатели частныхъ училищъ, то предписываю вамъ имѣть строжайшее наблюденіе, чтобы никакое частное учебное заведеніе безъ дозволенія университета не существовало, а въ противномъ случаѣ каждый учитель будетъ оштрафованъ по 100 р., въ силу указа 1757 г.»

Подъ именемъ частныхъ учебныхъ заведеній разумѣлось въ законѣ «мѣсто, гдѣ кто-либо учитъ чужихъ дѣтей и беретъ плату»; слѣдовательно всѣ эти дьячки, пономари и повытчики, въ силу приведеннаго распоряженія, должны были брать разрѣшеніе отъ университета. Конечно, никто изъ нихъ этого не дѣлалъ и всѣ они продолжали себѣ учить по прежнему; скоро впрочемъ, само правительство пришло къ нимъ на помощь, разрѣшивъ имъ свободу обученія и избавивъ ихъ отъ 5% сбора.

Въ заключеніе отмѣтимъ еще одинъ фактъ, относящійся къ жизни кобылякскаго повѣтоваго училища. Въ послѣдовавшую за окончаніемъ отечественной войны эпидемію циркулярно предписывалось, между прочимъ, «залы училищные провѣтривать и курить порошкомъ, составленнымъ по слѣдующему рецепту: межжевельныя елки, межжевельное дерево, дягель, корня ирнаго, ладону, селитры, сѣры—смѣшать все въ видѣ порошка и курить». Такое окуриваніе способствовало, можно думать, не столько просвѣтленію, сколько потемненію ученическихъ въ кобылякскомъ училищѣ головъ, большинство которыхъ со стороны учителей аттестовались тупыми.

Этимъ мы заканчиваемъ свои замѣтки о кобылякскомъ повѣтовомъ училищѣ въ промежутокъ времени съ 1804 по 1833-й годъ, когда оно было преобразовано въ уѣздное 3-хъ классное училище, по уставу 1828 г.

г. Кобеляки.

А. Фисенко.

Къ потрету С. Я. Ширая.

Родъ Шираевъ принадлежитъ къ числу болѣе богатыхъ, нежели знатныхъ малороссійскихъ родовъ. Глава этого рода, Спиридонъ Яковлевичъ Ширай, котораго портретъ прилагается къ настоящей книжкѣ, былъ стародубскій мѣщанинъ и занималъ по выборамъ почетную и вліятельную должность войта стародубскаго съ 1681 по 1708 г. Уже одно продолжительное, слишкомъ 27-лѣтнее пребываніе его на этомъ отвѣтственномъ и шаткомъ посту свидѣтельствуетъ о его умѣ, равно довѣріи и почетѣ, какими онъ пользовался въ мѣстномъ обществѣ. Благодаря привиллегированному положенію Стародуба, издавна пользовавшагося магдебургскимъ правомъ, и его особому торговому значенію, по которому онъ былъ главнымъ пунк-

томъ отпускной для всей Малороссіи торговли, преимущественно пенькою, въ рижскій и архангельскій порты, а также склада и сбыта получаемыхъ оттуда колоніальныхъ товаровъ, Ширай скопилъ огромныя богатства, завелъ обширныя связи. пользовался большимъ вліяніемъ не только въ своей общинѣ, но и въ средѣ полковой и генеральной старшины; женилъ сына своего Степана на дочери стародубскаго полковника Миклашевскаго, вошелъ въ дружбу съ самимъ гетманомъ Мазепою и пожалованъ отъ него имѣніемъ, не состоявъ никогда въ войсковомъ урядѣ. Сынъ его Степанъ, по окончаніи курса въ кіевской академіи, скоро сталъ бунчуковымъ товарищемъ, а внукъ Ѳедора воспитывался уже за границею. Родъ Сп. Ширая пріумножилъ его богатства, вошелъ въ родство съ знатнѣйшими малороссійскими и русскими родами и къ концу XVIII ст. занялъ выдающееся положеніе между богатѣйшими родами того времени. Тѣмъ не менѣе глава этого рода былъ и остался стародубскимъ мѣщаниномъ, стародубскимъ привилегированнымъ войтомъ, мирнымъ гражданиномъ, обывателемъ средней руки, типомъ малорусскаго мѣщанства конца XVII и начала XVIII ст.

Чтобы дать наглядное представленіе о томъ, каковъ былъ богатый мѣщанинъ того времени, мы и избрали для приложенія портретъ Спиридона Яковлевича Ширая. Голова его имѣетъ совершенно простой видъ натуральной растительности, въ порядкѣ однако содержимой; волосы лишь на лбу слегка подстрижены и лежатъ ровными прядями. Одѣтъ онъ въ богатый парчевый *кунтушъ*, съ золотыми цвѣтами по зеленому полю. Кунтушъ сверху искошенъ и застегнутъ золотыми или позолоченными мелкими пуговицами, идущими густымъ рядомъ до малиноваго, незначительной ширины, атласнаго пояса, по всей вѣроятности слуцкой работы. Рукава кунтуша съуживаются къ кистямъ рукъ и заканчиваются бархатными закарвашами алаго цвѣта. Поверхъ кунтуша длинный *жупанъ*, скроенный по таліи и надѣтый на рукава, въ отличіе отъ широкой безрукавной *опанчи*, составлявшей верхнее платье войсковой старшины. Кунтушъ на лисьемъ мѣху, покрытъ сукномъ или бархатомъ пунцоваго цвѣта. На ногахъ обыкновенные кожаные сапоги *чернаго* цвѣта, принадлежность людей солиднаго возраста; въ рукахъ *цыпокъ*, общеупотребительная въ то время палка съ золотымъ набалдашникомъ, ставшая впослѣдствіи принадлежностію только лицъ

священнаго сана. Выраженіе лица Ширая серьезное, сосредоточенное, какъ во время молитвы. При немъ изображенія двухъ малолѣтнихъ его сыновей въ длинныхъ кунтушикахъ или кафтанкахъ, на одномъ желтаго, на другомъ зеленаго цвѣта, при чемъ у перваго голубой поясокъ и желтые сафьянные сапожки, а у другаго поясокъ малиновый и сапожки краснаго сафьяна. У обоихъ мальчиковъ, какъ и у отца ихъ, волосы подстрижены спереди въ скобки, а ручки въ молитвенномъ положеніи сложены и подняты вверхъ— характерная черта того времени давать молитвенную позу лицамъ въ женскихъ и дѣтскихъ портретахъ.

Настоящій портретъ С. Я. Ширая обязательно сообщенъ намъ А. М. Лазаревскимъ. Это современный оригиналъ въ высоту трехъ аршинъ, писанъ на холстѣ масляными красками. Такого же размѣра и письма портретъ жены Ширая съ двумя маленькими дочерьми и портрета старшаго сына Степана, снятый, какъ видно, по окончаніи имъ курса въ академіи и прежде поступленія на войсковой урядъ. Всѣ три портрета сохранились очень хорошо; до минувшаго года они хранились въ церкви села Спиридовой Буды, новозыбковскаго уѣзда, черниговской губерніи, бывшемъ имѣніи Ширая, а нынѣ составляютъ собственность А. М. Лазаревскаго. Со временемъ мы надѣемся ознакомить читателей «Кіевской Старины» съ этими замѣчательными портретами малорусской средняго класса дамы XVII ст. и такого же кавалера и щеголя того времени.

Поправка. Въ предъидущей сентябрьской книжкѣ „Кіев. Стар.“, въ отдѣлѣ Библіографіи, въ рецензіи на книгу Змигродскаго, на стр. 160, строка 3 снизу, напечатано Leipzig, 1883 г., слѣд. 1833 г., тамъ же, строка 7, напеч. 1856 г. слѣд. 1865 г. и на стр. 168, строка 20 снизу, вмѣсто Сото напеч. Сото.

Отъ редакціи.

Журналъ **„Кіевская Старина“** выходитъ *неизмѣнно* 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Редакція отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ *четко* написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія подписчика, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ *допущена* выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была полуьена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціии притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки

За перемѣну адреса иногороднаго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногороднаго на иногородный-же высылается *четыре семикопѣечныя марки.*

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882—1886 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (*Кіевъ, Михайловская улица, домъ № 12-й*), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, «Новаго Времени» и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Мелье, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Федорова, Розова, Динтера, Корейго, Гинтера и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ экземпляръ своихъ изданій въ редакцію, обѣщается рецензія.

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“.

1887 г. (VI ГОДЪ ИЗДАНІЯ.) **1887 г.**

Журналъ «Кіевская Старина», посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, выходитъ и въ 1887 г., ежемѣсячно, 1-го числа, книжками въ 12 и болѣе листовъ.

Въ составъ его входятъ статьи научнаго и историко-беллетристическаго содержанія, историческіе документы, мемуары, хроники, дневники, воспоминанія, разсказы, біографіи, некрологи, характеристики и сообщенія о вещественныхъ памятникахъ южно-русской древности, равно народныхъ повѣрьяхъ, обычаяхъ, думахъ, сказкахъ, пѣсняхъ и пр., а также библіографическія извѣстія о вновь выходящихъ книгахъ по южно-русской исторіи и этнографіи. Къ книжкамъ журнала въ неопредѣленные сроки прилагаются изображенія замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣятелей, а также памятниковъ южно-русской старины.

Подписная цѣна за **12 книжекъ**, съ приложеніями, пересылкою и доставкою на домъ **10 руб.**, на мѣстѣ **8 руб. 50 к.**, за границу **11 руб.**

Экземпляры прошедшихъ годовъ (1882—1886) въ отдѣльной продажѣ высылаются по той же цѣнѣ. При выпискѣ за всѣ годы уступается 25%, за четыре года 20%, за три 15% и за два 10% съ подписной цѣны.

Адресъ: *Въ редакцію* **«Кіевской Старины»**, *Кіевъ, Михайловская ул., д. № 12-й*. Тамъ-же и контора редакціи.

Редакторъ-издатель Ѳ. Г. Лебединцевъ.